

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Воронежский государственный университет»

На правах рукописи

КНЯЖЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

**ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА КАК ОБЪЕКТ
МНОГОАСПЕКТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук, доцент
В. В. Сдобников

ВОРОНЕЖ – 2025

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Многоаспектность проблемы оценки качества перевода	26
1.1. Качество перевода как научное понятие и проблема его определения.....	27
1.2. Описание качества перевода через классические оценочные определения и категории.....	30
1.2.1. Соотношение понятий <i>эквивалентность</i> и <i>качество перевода</i>	33
1.2.2. Соотношение понятий <i>адекватность</i> и <i>качество перевода</i>	37
1.2.3. Соотношение понятий <i>буквализм</i> и <i>качество перевода</i>	45
1.2.4. Соотношение понятий <i>вольность</i> и <i>качество перевода</i>	52
1.3. Основные аспекты проблемы оценки качества перевода	62
1.3.1. Оценка качества перевода как научное понятие.....	62
1.3.2. Исторический аспект исследования проблемы оценки качества перевода.....	65
1.3.3. Теоретический аспект исследования проблемы оценки качества перевода.....	69
1.3.4. Практический аспект изучения проблемы оценки качества перевода	72
Выводы по Главе 1	77
Глава 2. Моделирование процесса оценки качества перевода	81
2.1. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности	81
2.2. Моделирование оценочной деятельности в области перевода	85
2.3. Метод структурно-функционального анализа и моделирования в исследовании процесса оценки качества перевода	96
2.4 Структурно-функциональное моделирование процесса оценки учебного перевода.....	100
2.5. Структурно-функциональное моделирование процесса оценки индустриального перевода	110
Выводы по Главе 2	125

Глава 3. Методологические основы системных исследований оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности.....	130
3.1. Объективность и субъективность оценки качества перевода	131
3.2. Методологические основы и методы оценки качества перевода.....	133
3.3. Проблема оценки качества перевода в русле методологии системного анализа	147
3.4. Оценка качества перевода с использованием методов экспертного оценивания	155
3.4.1. Оценка качества перевода с использованием метода прямого ранжирования	156
3.4.2. Оценка качества перевода с использованием метода анализа иерархий	158
Выводы по Главе 3	188
Глава 4. Переводческие ошибки как параметры оценки качества перевода.....	193
4.1. Общее понятие ошибки как отрицательного языкового и речевого материала.....	194
4.2. Переводческие ошибки и их систематизация	198
4.2.1. Содержание понятия <i>переводческая ошибка</i>	198
4.2.2. Типологии переводческих ошибок.....	202
4.3. Переводческие ошибки как параметры оценки учебного перевода	216
4.4. Анализ ошибок на материале учебных переводов	223
Выводы по Главе 4.....	238
Глава 5. Концептуализация качества перевода в обыденном сознании	241
5.1. Наивные теории языка и перевода	243
5.2. Конечный получатель как субъект оценки качества перевода	250
5.3. Оценка качества перевода конечным получателем.....	253
Выводы по Главе 5.....	265
Заключение.....	269
Список литературы.....	276
Приложение. Справки об использовании результатов исследования.....	319

Введение

Оценка качества перевода является одной из классических проблем переводоведения, дискуссионный характер которой продолжает служить источником постоянных споров среди представителей переводческой отрасли, академической среды и широкой общественности. В настоящее время востребованность данной проблематики возрастает в связи с многократным увеличением информационного обмена, появлением новых видов перевода, развитием искусственного интеллекта и разработкой больших языковых моделей.

Как научное понятие и соответствующий термин *оценка качества перевода* используется и в узком, и в широком смысле. В первом случае подразумевается традиционная проверка перевода, в процессе которой осуществляется выявление, квалификация и подсчёт допущенных переводчиком ошибок. Во втором речь идёт о выборе показателей эффективности, что является ключевым вопросом для любых сложных процессов и систем, включающих перевод и его оценку, без решения которого совершенствовать или оценивать функционирование системы не представляется возможным.

Как известно, проблема научного обоснования показателей качества сложных систем, к категории которых относится перевод и его оценка, решается далеко неоднозначно. Неизбежность различий в оценочных подходах к переводу обусловлена, с одной стороны, разнообразием научных парадигм, носителями которых являются оценивающие стороны, а с другой – индивидуальными представлениями оценивающих сторон об онтологии, технологии и общественном предназначении перевода. Современное состояние науки в данной области свидетельствует о том, что расхождения в позициях переводчиков, критиков перевода и его конечных получателей обусловлены влиянием субъективного фактора, что нередко является серьёзным препятствием на пути изучения проблемы оценки качества перевода. Тем не менее, данное обстоятельство не исключает возможности установления определённых закономерностей, поскольку субъективность оценок имеет вполне объективную природу, которая связана с

личностью оценивающей стороны и характером конкретной коммуникативной ситуации, в которой данная оценка осуществляется. Поэтому в целях настоящего исследования представляется целесообразным не только признать неизбежность влияния субъективного фактора, но и исходить из того, что субъективность, а порой и противоречивость оценки качества перевода присуща ей онтологически, как и любой другой оценке, осуществляемой человеком. Представленные рассуждения являются основанием для выбора темы настоящего исследования.

Актуальность настоящей диссертации обусловлена тем, что оценка качества перевода является неотъемлемым и эффективным механизмом развития переводческой отрасли и важнейшим инструментом в области подготовки переводчиков. Несмотря на достаточно большое количество работ, посвящённых данной проблеме, до настоящего времени оценка качества перевода рассматривалась исключительно как *результат*, в то время как *процесс* оценочной деятельности и влияющие на него факторы не входили в круг исследовательских интересов. Необходимость заполнения данного пробела определяется острой потребностью в разработке теоретических и методологических основ изучения оценки качества перевода как научной проблемы, базирующихся на накопленном в данной области опыте.

Состояние и степень разработанности проблемы исследования. В интуитивном представлении понятие *оценка качества перевода* существовало с момента возникновения переводческой деятельности. Во все времена переводчики пытались осмыслить результаты своего и чужого труда на основе оценочных критериев, отражающих конвенциональную норму той или иной эпохи [Гарбовский 2004; Гарбовский, Костикова 2021; Дулалаева 2021; Макарова 2021; Сдобников 2007б; Сдобников, Петрова 2007; Фёдоров 1968; Таунсенд 2020]. Терминологизация понятия *оценка качества перевода* осуществлялась в процессе становления и развития теории перевода как научной дисциплины. Необходимость изучения данной проблемы подчёркивается в работах С. А. Семко [Семко 2005], В. В. Сдобникова [Сдобников 2002; Сдобников 2007а; Сдобников 2015], В. В. Сдобникова и О. В. Петровой [Сдобников, Петрова 2007], И. И. Убина и

И. А. Пушнова [Убин, Пушнов 2011]. Проблема оценки качества перевода рассматривается отечественными и зарубежными переводоведами в контексте нормативно-теоретического, деятельностного и дидактического аспектов теории и практики перевода [Асанова 2024; Бородулина 2020; Жумабекова 2024б; Зоммер 2022; Ивлева 2022; Сдобников 2007б; Гарбовский 2004; Гаврилова 2022; Климук 2020; Крамная, Руднева 2020; Комиссаров 1990; Мякшин 2022, 2024; Рябко 2020, 2025; Семко 1988; Скибина 2021; Тишаева, Малютина 2020; Тюленев 2004; Царахова 2021; Швейцер 1988; Aldabergenova 2024; Chesterman 1997; Hatim, Mason 2005; Maxamatali 2022; McAlester 2000; Nord 2006; Salmani 2023; Venuti 1995; Wang, Gu 2024; Williams 2009; Yu, Ebbs 2011; Zandian, Dastjerdi, Ketabi 2021].

В силу сложившейся традиции оценка качества перевода понимается как важная составляющая переводческого процесса и как результат, влияющий на переводческую деятельность и определяющий необходимость и характер её совершенствования [Сдобников 2002; Сдобников, Петрова 2007; House 2001; Munday 2012; Reiss 2000]. На сегодняшний день достаточно подробно изучены такие классические оценочные категории, как эквивалентность и адекватность, которые рассматриваются исследователями с позиций лингвистического, функционального и коммуникативно-функционального подходов [Александрова 2024; Алексеева 2004; Блох 2012; Ванников 1988; Виноградов 2007; Гарбовский 2004; Григорян 2022; Карева 2021; Комиссаров 2001; Латышев 2005; Полубоярова 2012; Романова 2022; Сатаева, Данилина 2024; Сдобников 2008; Сдобников 2015; Семко 1988, 2005; Сысолятина, Фехретдинова, Ивлева 2022; Швейцер 1988; Baker 1996; Catford 1965; Nida 1964; Reiss, Vermeer 2013].

Проблема оценки качества перевода включает широкий спектр достаточно дискуссионных вопросов, связанных с общими и частными оценочными критериями и обоснованием их выбора с учётом требований к конкретному виду перевода [Бородулина 2023; Воеводина 1979; Гридасова 2024; Жумабекова 2024а, 2024в; Иванова 2023; Костикова 2013; Ланчиков 2011; Комиссаров 1999; Малявина 2025; Петрова 2009; Полякова 2022; Сказочкина 2024; Сдобников 2007б; Штанов 2006; Шейко 2024; Цвиллинг 2009; Khanmohammad, Osanloo 2009; Tirkkonen-

Condit 1986; Thelen 2009]. В практическом отношении большой исследовательский интерес представляют результаты анализа переводческих ошибок и создание их типологий на материале сопоставительного изучения исходных и переводных текстов разных жанров [Аликина 2011; Бродский, Скворцов 2007; Бузаджи, Гусев, Ланчиков, Псурцев 2009; Гарбовский 2004; Григорьева 2004; Дебренин 2006; Дебренин 2007; Есиркепова 2022; Жигалина 2005; Ковалёва 2001; Комиссаров 2001; Красиков 1980; Куниловская 2012; Латышев 2008; Миньяр-Белоручев 1996; Мякшин 2024 б; Петрова 2009; Рецкер 1981; Сдобников 2007б; Федюковский 2023, 2024; Швейцер 1988; Шевнин 2003; Шевнин 2009; Шершнева 2022; Успенский 2002; Цзюньлин, Чжунлянь 2016; Daems, Macken, Vandepitte 2013; D. Gile 1991; Nord 1992; Yildiz 2021]. Перспективным прикладным аспектом проблемы оценки качества перевода является разработка и апробация количественных и автоматизированных методов оценки перевода, выполненного человеком и компьютерной программой [Галтаева 2020; Гильмуллина 2016; Елизарова 2024; Козловская 2023; Полякова 2021; Соснин, Балахина, Кащихин 2022; Тишин 2009; Чемезов 2017; Makoushina 2007; Gladkoff, Sorokina, Han, Alekseeva 2021; Gural, Chemezov 2014; Mercader-Alarcón, Sánchez-Martinez 2016; Munkova, Hajek, Munk, Skalka 2020; Schiaffino, Zearo 2005; Han, Jones, Smeaton 2021; Wang, Chen 2023].

Вместе с тем, изучаемая проблема пока ещё далека от окончательного решения. Несмотря на регулярное использование термина *оценка качества перевода*, до сих пор не представлено системного описания качества перевода как переводоведческой категории, в то время как необходимость её изучения постоянно декларируется в теоретических источниках. Традиционное понимание оценки качества перевода как *результата*, т.е. оценочного суждения о соответствии перевода языковым и переводческим нормам, оставляет открытым целый ряд важных вопросов. Так, вне зоны внимания оказывается *процесс* оценочной деятельности, в результате которого принимается решение о качестве перевода. Как следствие, не учитываются различия в *целях* оценочной деятельности, обусловленных спецификой индустриальной, учебной и научно-исследовательской сфер перевода, представителями которых являются субъекты

оценки, осуществляющие отбор оценочных критериев. Наблюдается вполне ощутимый недостаток экспериментальных исследований по проблеме объективности оценки качества перевода и влияния субъективного фактора на принятие решения о качестве перевода. Наименее изученным остаётся и вопрос о «потребительской» оценке перевода в лице конечного получателя как об аутентичном материале, свидетельствующем об обеспечении прагматической ценности перевода.

Гипотеза, выдвигаемая в настоящей работе, заключается в том, что оценка качества перевода, понимаемая как результат, обусловлена её процессом, который представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решения. Таким образом, проблема оценки качества перевода является сложным объектом, исследование которого требует многоаспектного подхода. Интеграция теории перевода, лингвистики, психологии оценки, квалиметрии и системного анализа, осуществляемая в настоящем исследовании, может способствовать формированию всестороннего представления об оценке качества перевода как научной проблеме, её деятельностном аспекте и факторах, определяющих конечный результат. Реализация многоаспектного подхода также позволит снять ряд концептуальных противоречий и объективизировать действие субъективного фактора, рассматриваемого как неотъемлемая составляющая оценочной деятельности в области перевода.

Объектом исследования является аксиологическая категория качества перевода, занимающая центральную позицию в теории, дидактике и практике перевода, переводческом редактировании и переводческой критике.

Предметом исследования являются методы и модели оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решений.

Цель данной диссертационной работы заключается в формировании многоаспектного представления об оценке качества перевода как научной проблеме и изучении оценки качества перевода как особого вида интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решений.

В соответствии с поставленной целью в диссертации потребовалось решить следующие **задачи**:

- изучить и критически осмыслить состояние науки по исследуемой проблеме;
- представить научное описание качества перевода как аксиологической переводоведческой категории;
- сформировать многоаспектное представление об оценке качества перевода как сложного объекта, объединяющего историю, теорию и практический опыт в данной области;
- обосновать необходимость разграничения между результатом оценки качества перевода и её процессом;
- исследовать и описать оценку качества перевода как особый вид интеллектуальной деятельности с применением методов моделирования;
- изучить практический опыт субъектов оценки качества перевода в переводческой отрасли с использованием методов анкетирования и структурно-функционального моделирования;
- изучить практический опыт субъектов оценки качества перевода в учебной сфере с использованием методов включённого наблюдения, анкетирования и структурно-функционального моделирования;
- рассмотреть проблему объективности и субъективности оценки качества перевода;
- провести экспериментальное исследование по экспертной оценке учебного перевода с использованием методов системного анализа;
- сформулировать рекомендации по возможностям использования методов системного анализа в целях оценки качества перевода;
- проанализировать содержание понятия *переводческая ошибка* и обосновать необходимость анализа переводческих ошибок в целях повышения объективности оценки качества перевода;

- изучить результаты оценочной деятельности непрофессиональных субъектов оценки в общественной сфере и проанализировать особенности концептуализации понятия *качество перевода* носителями обыденного сознания.

Исходя из того, что настоящее исследование проводилось с позиций междисциплинарного подхода, в качестве **методологической и теоретической основы** были использованы работы в области **лингвистики и теории перевода** (труды Ю. Найды, Г. Егера, А. Нойберта, О. Каде, Г. Вермеера, К. Райс, К. Норд, Л. К. Латышева, З. Д. Львовской, В. Н. Комиссарова, В. Б. Кашкина, Н. К. Гарбовского, В. В. Сдобникова, А. Д. Швейцера); в области **психологии оценки** (работы Н. А. Батурина, И. В. Выбойщик, Г. В. Карлышева); в области **квалиметрии** (труды Г. Г. Азгальдова, В. В. Савцевой, В. А. Шапошникова); в области **системного анализа** (работы Т. Саати, К. Кернса, А. В. Андрейчикова, О. Н. Андрейчиковой).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нём впервые:

1. Осуществлено системное научное описание качества перевода как аксиологической переводоведческой категории, представляющей собой диалектическое единство постоянства и изменчивости.
2. Сформирована методологическая основа изучения оценки качества перевода как самостоятельного объекта исследования *субъект оценки – процесс оценки – результат оценки*.
3. Установлена необходимость разграничения результата оценки качества перевода и её процесса, который исследован в русле многоаспектного подхода с использованием методов структурно-функционального анализа и моделирования.
4. Разработана общая модель профессиональной оценочной деятельности, которая отражает её основные этапы и факторы, влияющие на конечный результат, и демонстрирует зависимость между результатом оценки качества перевода и сферой оценочной деятельности, представителем которой является субъект оценки.

5. Используются экспертные методы системного анализа для построения реальной и оптимизированной моделей оценки качества перевода в индустриальной и учебной сферах, адаптированные к оценке качества перевода.

6. Проведено экспериментальное исследование по оцениванию качества учебного перевода с использованием экспертных методов системного анализа (метод прямого ранжирования и метод анализа иерархий).

7. Исследована проблема объективности и субъективности оценки качества перевода. Доказано, что использование экспертных методов системного анализа и последующая обработка полученных результатов с помощью средств статистического и математического анализа позволяет повысить объективность результатов оценочной деятельности.

8. Предложена концепция анализа переводческих ошибок для учебной сферы перевода, ориентированная на повышение объективности оценки с учётом её дидактической составляющей.

9. Изучены результаты оценочной деятельности непрофессиональных субъектов оценки и проанализированы особенности концептуализации понятия *качество перевода* носителями обыденного сознания.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке концепции оценки качества перевода как научной проблемы и обосновании необходимости её исследования с позиций многоаспектного подхода. Реализация данного подхода, осуществлённая в настоящей работе, позволяет получить всестороннее представление о процессе оценки качества перевода как виде интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решений, и факторах, влияющих на конечный результат. Сформированная методологическая основа исследования *субъект оценки – процесс оценки – результат оценки* позволяет осуществить всесторонний анализ оценочной деятельности в индустриальной и учебной сферах перевода, изучить влияние объективных и субъективных факторов на формирование оценочного суждения, а также определить пути и способы повышения объективности оценки. Теоретические

положения и сформулированные в диссертации выводы являются основой для научного обоснования показателей качества перевода.

Практическая ценность проведенного исследования состоит в том, что представленные в диссертации теоретические положения и практические рекомендации могут быть использованы для совершенствования процедуры оценочной деятельности в учебной, индустриальной и научно-исследовательской сферах перевода в целях повышения её объективности и для совершенствования различных способов контроля и оценки качества перевода с учётом новых потребностей в человеческом и машинном переводе. Теоретические положения и практические рекомендации, представленные в диссертации, могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений РФ, осуществляющих подготовку переводчиков, обучающихся в рамках направления 45.03.02, 45.04.02 «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»), и как методологическая основа подготовки ВКР в рамках программ бакалавриата и магистратуры, а также специалитета по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение».

Результаты диссертационной работы используются в учебном процессе Воронежского государственного университета при разработке и реализации ряда дисциплин в рамках указанных направлений и специальности в целях подготовки переводчиков на кафедре перевода и профессиональной коммуникации («Теория перевода», «Теория дискурса и текста», «Практический курс письменного перевода», спецкурс «Оценка качества перевода»), а также в учебном процессе Томского государственного национального исследовательского университета при разработке основной образовательной программы специализированного высшего образования «Экспертная оценка качества перевода» (направление подготовки 05.04.02 «Лингвистика») и подготовке учебного курса «Оценка качества перевода» в рамках данной ООП.

Апробированный в ходе исследования подход к оценке качества перевода в русле методологии системного анализа и представленные в работе рекомендации по применению метода анализа иерархий были использованы переводческой

группой Китайского подворья Патриарха Московского и всея Руси в процессе реализации проекта по переводу текста Нового Завета на китайский язык.

Достоверность и объективность полученных результатов и выводов основана на глубоком изучении и критическом осмыслении теоретических и практических источников, относящихся к области исследования, последовательном определении теоретических оснований исследования, применении многоаспектного подхода к изучению отдельных аспектов оценочной деятельности в области перевода, репрезентативном объеме и жанровом разнообразии проанализированного материала.

Материалом данного исследования является метапереводческий дискурс, представленный теоретическими работами по проблемам оценки качества перевода, нормативной документацией, сайтами переводческих компаний, блогосферой и интернет коммуникацией. В ходе исследования были также использованы письменные переводы студентов старших курсов, обучающихся по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение» в Воронежском государственном университете с 2008 по 2024 г.

Для достижения цели диссертации и решения поставленных задач были использованы следующие **методы** исследования: метод критического анализа научной литературы по проблеме оценки качества перевода и нормативной документации по письменному переводу; метод сопоставительного анализа оригинальных и переводных текстов; метод сопоставительного анализа данных; метод структурно-функционального моделирования; метод анализа иерархий; метод анкетирования; метод включённого наблюдения.

Основные положения исследования нашли отражение в 37 публикациях, в том числе, в двух изданиях авторской монографии, в трёх коллективных монографиях и 15-ти научных статьях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Положения, выносимые на защиту, формулируются следующим образом.

1. Качество перевода является переводоведческой категорией аксиологического характера, по умолчанию предполагающей оценку. Научное

описание данной категории осуществляется на основе анализа концептуализации качества перевода в лингвистической, функциональной и коммуникативно-функциональной парадигмах. Интеграция данных сведений позволяет получить представление о категории качества перевода как о диалектическом единстве постоянства и изменчивости. Постоянство заключается в главном принципе определения качества перевода, основанном на установлении соответствия перевода конвенциональной норме. Изменчивость проявляется как эволюция взглядов на качество перевода, свидетельствующая о том, что показатели качества не являются едиными и раз и навсегда установленными.

2. Оценка качества перевода относится к категории сложных объектов исследования, характерной чертой которых является наличие различных аспектов и точек зрения на выбор показателей качества и их научное обоснование, что оказывает прямое влияние на содержание и характер оценочного суждения. Если познание характеристик простого объекта требует изучения только одной точки зрения, или аспекта, то свойства сложного объекта могут быть познаны при изучении и *объединении* различных точек зрения. Комплексное представление о сущности проблемы оценки качества перевода как самостоятельном объекте формируется с помощью многоаспектного и интегрированного подхода, включающего исторический, теоретический и практический аспекты исследования. Реализация данного подхода основана на обобщении эмпирического опыта, анализе аксиологических категорий в синхронии и диахронии и синтезе методологических основ и методов, ориентированных на изучение системных отношений между субъектом, деятельностью и результатом оценки качества перевода.

3. Оценка качества перевода, понимаемая как результат, обусловлена её процессом, который представляет собой особый вид интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решений. Исследование деятельностного аспекта проблемы оценки качества перевода осуществляется на методологической основе *субъект оценки – процесс оценки – результат оценки*. Предлагаемая общая модель оценки качества перевода имеет иерархическую

структуру, демонстрирующую зависимость между результатом оценки качества перевода и сферой оценочной деятельности, представителем которой является оценивающая сторона. Различия в понимании целей оценки качества перевода, обусловленные спецификой научно-исследовательской, индустриальной и учебной сферы, в свою очередь, определяют выбор оценочных критериев и методов оценки.

4. Оценка качества перевода в индустриальной и учебной сферах осуществляется на профессиональной основе и является результатом оценочной деятельности экспертов, владеющих специализированными знаниями в области теории, практики и дидактики перевода. Исследование и описание профессиональной оценочной деятельности с применением методов структурно-функционального моделирования позволяет получить наглядное представление об алгоритме работы субъекта оценки и факторах, влияющих на принятие решения. Модели **AS IS**, построенные на основе данных анкетирования преподавателей и редакторов перевода как лиц, выносящих профессиональное оценочное суждение, отражают реальные ситуации оценки учебного и индустриального перевода. Обнаруженные недостатки и слабые звенья учитываются в оптимизированных моделях **TO BE**, имеющих рекомендательный характер.

5. Объективность является главным требованием к профессиональной оценке качества перевода и обеспечивается профессиональной компетентностью субъектов оценки в области теории и дидактики перевода, а также знаниями нормативной базы, регламентирующей переводческую деятельность. Субъективность оценки качества перевода обусловлена приоритетами оценивающей стороны, которые оказывают значительное влияние на оценочное суждение. Влияние субъективного фактора наблюдается как при традиционной проверке перевода, основанной на сопоставлении исходного и переводного текстов, так и при использовании измерительных и автоматизированных методов оценки качества перевода, разработанных с целью повышения её объективности. Во всех указанных случаях основные операции оценочной деятельности осуществляются субъектами оценки вручную.

7. Объективность оценки качества перевода повышается с помощью экспертных методов системного анализа, основанных на использовании обобщённого опыта, квалификации и интуиции специалистов в данной области знаний. Применение данных методов, адаптированных к области перевода, позволяет упорядочивать оценочную деятельность на определенной структурной и методологической основе с учётом действия субъективного фактора. Основным ограничением метода прямого ранжирования является его ориентация исключительно на получение *результатов* экспертной оценки. Метод анализа иерархий позволяет рассматривать оценочную деятельность как *процесс принятия решений*, а также учитывать влияние субъективного фактора с помощью построения дополнительной модели согласования различных мнений, в том числе противоречивых, посредством определения их приоритетов.

8. Универсальными параметрами оценки качества перевода являются переводческие ошибки. Различия подходов к трактовке понятия *переводческая ошибка* и вариативность принципов систематизации ошибок объясняются спецификой индивидуальных интересов исследователей и реализуемыми ими методами. Выявление переводческих ошибок осуществляется на основе практического опыта, а также знаний в области теории и дидактики перевода субъектов оценки. Последнее определяет принципы отбора оценочных критериев и расстановку приоритетов между сопоставлением текстов, созданных в конкретной коммуникативной ситуации, и сопоставлением средств контактирующих языковых систем. Конкретное наполнение содержательных, языковых и презентационных критериев оценки учебного перевода осуществляется с учетом требований, обусловленных каналом коммуникации, целью перевода и жанровой спецификой исходного материала.

9. Оценка качества перевода, осуществляемая конечными получателями, является результатом метакогнитивной активности носителей обыденного сознания, возрастающей в ситуациях языкового и культурного контраста. Оценочная реакция *виртуального* получателя прогнозируется самим переводчиком, в то время как оценочная реакция *реального* получателя основана

на концептуализации понятия *качество перевода* носителями обыденного сознания. Оценочные суждения конечных получателей основаны на наивных представлениях об онтологии и технологии перевода и характеризуются повышенной эмоциональной тональностью и высокой степенью обобщения. Обыденное сознание не закрепляет за переводом как видом коммуникативной деятельности и специфической технологией отдельной профессиональной задачи. Знание языка приравнивается к знанию слов, формирование технологических навыков подменяется накопительным знанием, а перевод оценивается на основе субъективных представлений конечного получателя о качестве перевода, главным критерием которого является соответствие перевода интересам и потребностям получателей.

Апробация результатов исследования. Результаты проведённого исследования получили отражение в трёх коллективных монографиях «Подготовка переводчиков в условиях современного рынка труда» (2017), «Подготовка переводчиков: дисциплины по выбору» (2022), «Владимир Набоков. Писатель и переводчик» (2023) и двух изданиях авторской монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика» (2018 и 2023). Основные положения указанных работ были использованы при разработке и реализации практического курса письменного перевода и спецкурсов по выбору при подготовке переводчиков на кафедре теории перевода и межкультурной коммуникации (2002-2019) и кафедре перевода и профессиональной коммуникации (2019 по настоящее время) Воронежского госуниверситета. Апробированный в ходе исследования подход к оценке качества перевода в русле методологии системного анализа и представленные в работе рекомендации по применению метода анализа иерархий были использованы переводческой группой Китайского подворья Патриарха Московского и всея Руси в процессе реализации проекта по переводу текста Нового Завета на китайский язык.

Результаты исследования были также представлены на следующих международных и всероссийских конференциях и семинарах: III Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г.

Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 5.04 – 7.04. 2011); I Международный научно-практический семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 27.04 – 28.04 2012); IV Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 8.04-10.04. 2013); V Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 6.04-08.04. 2015); 8th International EST Congress 2016 (Дания, г. Орхус, Орхусский университет, 15.09 – 17.09. 2016); IV Международный научно-практический семинар «Дискурс. Интерпретация. Перевод» /Кашкинские чтения/ (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 16.11 – 18.11 2017); VI Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 03.05 – 05. 05. 2017); Второе Общероссийское методическое совещание «Структура и содержание подготовки переводчиков» (г. Москва, Московский государственный лингвистический университет, 1. 12 – 2.12. 2017); VII Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 06.05– 08.05. 2019); авторский вебинар на тему «Оценка учебного перевода: от теории к практике» на платформе Школы дидактики перевода Н.Н. Гавриленко 14.03. 2019; вебинар на тему «Воронежская школа перевода: проблемы и аспекты подготовки переводчиков в ВУЗе» на платформе Школы дидактики перевода Н.Н. Гавриленко 07.10.2019; авторский вебинар на тему «Проблемы оценки качества перевода (теория и практика)» на платформе Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 27.10.2020; Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (г. Нижний Новгород, Высшая школа перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Международная научно-исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» НГЛУ, 5.12 – 6.12. 2020); Международный Форум «Лингвистика

и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 24.11 – 28.11. 2021); VIII Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 05.05 – 07. 05. 2021); II Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (г. Нижний Новгород, Высшая школа перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Международная научно-исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» НГЛУ, 4.12 – 5.12. 2021); авторский вебинар на тему «Оценка качества перевода: опыт разработки спецкурса по выбору» на платформе Школы дидактики перевода Н.Н. Гавриленко 12.05. 2021; авторский вебинар на тему «Оценка качества учебного перевода» в рамках Международного круглого стола (Новосибирск – Минск, г. Новосибирск, Новосибирский государственный технический университета 16. 12. 2021); III Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (г. Нижний Новгород, Высшая школа перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Международная научно-исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения» НГЛУ, 17.12 – 18.12. 2022.); I Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Перевод как профессия, наука, творчество» (г. Москва, Московский государственный лингвистический университет, 7.12 – 9.12.2022); Международный Форум «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 11.10 – 15.10. 2023); IX Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (г. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 4.03 – 6.05. 2023); IV Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (г. Нижний Новгород, Высшая школа перевода НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Международная научно-исследовательская лаборатория «Теоретические и прикладные проблемы

переводоведения» 15.12 –16.12. 2023); Международный Форум «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межкузыковое взаимодействие» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 27.11–30.11. 2024); X Международная научная конференция «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» 02.05– 04.05 (Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2024 г.); II Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Перевод как профессия, наука, творчество» (г. Москва, Московский государственный лингвистический университет, 3.12 – 4.12.2024); III международной научно-практической конференции «Русскоязычный и франкоязычный миры: традиции и новации в образовании, языке и культуре» (г. Воронеж, Воронежский государственный университет, 12.05 – 14.05. 2025).

Реализация предлагаемой в работе концепции системного изучения проблемы оценки качества перевода как самостоятельного объекта потребовала обращения к достаточно широкому спектру задач и использованию многоаспектного подхода к их решению. Процесс исследования и последовательность его этапов получили отражение в **структуре диссертации**, которая включает введение, пять глав, заключение, список цитируемых источников, список справочных изданий, список иллюстративного материала и приложение, в котором представлены справки об использовании полученных результатов.

Во **введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, выдвигается научная гипотеза, формулируется цель и основные задачи исследования, раскрывается его научная новизна, обосновывается теоретическая и практическая значимость работы, перечисляются используемые методы исследования и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** диссертации «**Многоаспектность проблемы оценки качества перевода**» рассматривается состояние науки в данной области, осуществляется систематизация и интеграция сведений, полученных при изучении содержания понятия *качество перевода* и анализе главных критериев качества в русле

лингвистической, функциональной и коммуникативно-функциональной парадигм. Объединяющим началом данных подходов является то, что категория *качества перевода* имеет аксиологический характер, т.е. предполагает оценку по умолчанию. Критическое осмысление способов описания качества перевода через классические оценочные определения эквивалентности и адекватности свидетельствует о существовании различных и противоречивых точек зрения на содержание данных категорий и их соотношение с категорией *качество перевода*. Обосновывается необходимость многоаспектного подхода к исследованию оценки качества перевода как научной проблемы, всестороннее представление о которой формируется при изучении её исторического, теоретического и практического аспектов. Обращение к диахроническому аспекту проблемы оценки качества перевода позволяет учитывать динамику и изменчивость взглядов на качество перевода, на основе которых формируются оценочные критерии. Исследование теоретического аспекта проблемы осуществляется на методологической основе *субъект оценки – процесс оценки – результат оценки*. Отмечается, что в различных коммуникативных ситуациях субъектами оценки являются специалисты в области теории, практики и дидактики перевода, а также носители наивных взглядов на перевод, к которым относятся заказчики и конечные получатели. Процесс оценки качества перевода изучается как особый вид интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решений. Исследование практического аспекта проблемы оценки качества перевода связано с осуществлением анализа реальных ситуаций, включающих процесс оценочной деятельности, результатом которого является оценочное суждение о качестве перевода.

Глава 2 диссертации **«Моделирование процесса оценки качества перевода»** посвящена деятельностному аспекту изучаемой проблемы. С учётом поставленных в работе задач, в данном разделе обосновывается необходимость разграничения *результата* оценки качества перевода и её *процесса*, который рассматривается как вид интеллектуальной деятельности, направленной на принятие решений. Исходя из того, что данный вид деятельности скрыт от непосредственного наблюдения, его исследование и описание осуществлялось с

помощью моделирования. В результате нами была разработана общая модель оценки качества перевода, представляющая собой иерархическую структуру, иллюстрирующую зависимость результатов оценки от таких компонентов, как *сфера оценки, субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии и параметры*. Углубленное изучение процедуры профессиональной оценочной деятельности в сферах учебного и индустриального перевода и факторов, влияющих на принятие решения, осуществлялось с помощью метода структурно-функционального моделирования, позволяющего представить алгоритмы работы субъектов оценки в наиболее наглядной форме, а также выявить слабые звенья и наметить пути их устранения. Моделирование процесса оценки качества перевода осуществлялось в стандартах технологии Integration definition for functional modeling (IDEF0), в соответствии с которой концептуальный уровень описания системы в целом включает *объект моделирования*, определяемый нами как процессуальный аспект оценки качества перевода; *цель моделирования*, которая заключается в исследовании, описании и оптимизация алгоритма оценки качества перевода; *точку зрения на модель*, которая обозначает позицию субъекта оценки, в соответствии с которой осуществляется данная процедура. На основе данных, полученных в ходе анкетирования и опроса преподавателей и редакторов перевода как оценивающих сторон, были построены модели **AS IS**, отражающие реальные ситуации оценки качества перевода, и оптимизированные модели **TO BE**, имеющие рекомендательный характер, в которых учтены обнаруженные недостатки и узкие места.

Глава 3 диссертации **«Методологические основы системных исследований оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности»** посвящена объективному и субъективному началам в оценочной деятельности лиц, принимающих решения. Исследование данного вопроса потребовало обращения к одному из направлений экспериментальной психологии, известному как психология оценки, согласно которому объективность оценки не может быть абсолютной, а её адекватность зависит от уровня сформированности оценочного основания эксперта. Применительно к проблеме оценки качества

перевода это означает, что степень объективности оценки качества перевода определяется профессиональной компетентностью субъекта оценки, в то время как степень субъективности обусловлена влиянием собственных представлений о переводе и качествами личности оценивающей стороны. Указывается, что профессиональная оценка качества перевода предполагает следование традиционным, измерительным и автоматизированным методам, сравнительный анализ которых осуществляется в данной главе. Одним из способов повышения объективности оценки качества перевода является использование экспертных методов системного анализа, в соответствии с которыми анализ проблемной ситуации осуществляется группой экспертов, формирующих свои мнения в виде оценок данной ситуации и вариантов ее решения, выраженных в количественной форме. В данной главе представлены результаты экспериментального использования метода прямого ранжирования и метода анализа иерархий, адаптированных к проблемам перевода. Показано, что метод прямого ранжирования ориентирован на оценку переводов путём прямого сравнения и построения их рейтинга, т.е. на конечный результат. Метод анализа иерархий позволяет рассматривать оценочную деятельность как *процесс принятия решений*, а также учитывать влияние субъективного фактора, что осуществляется с помощью дополнительной модели согласования различных мнений, в том числе противоречивых, что позволяет определять их приоритеты.

Глава 4 «Переводческие ошибки как параметры оценки качества перевода» посвящена теоретическим основам и результатам использования отобранного оценочного инструментария применительно к сфере учебного перевода. Одним из универсальных параметров оценки качества учебного перевода, способствующих повышению её объективности, является выявление и анализ переводческих ошибок. Учитывая, что понятие *переводческая ошибка* представляет собой своеобразную точку пересечения теории и практики, содержание понятия *переводческая ошибка* рассматривается в сопоставлении с общим понятием *ошибка* как отрицательного языкового и речевого материала. Согласно нормативному подходу, ошибка рассматривается как отклонение от

нормы языка; согласно функциональному подходу, ошибка понимается как несоответствие цели коммуникации. Рассматриваемые в данной главе типологии переводческих ошибок разработаны на обширном материале информативных и художественных текстов и отражают различные исследовательские подходы. Теоретический подход основан на изучении проблем асимметрии систем контактирующих языков, анализе причин и характера девиатов; прикладной подход ориентирован на оптимизацию оценки переводов в дидактических или узкопрофессиональных целях. Использование существующих типологий и классификаторов ошибок и их дальнейшая разработка обусловлены целью оценки перевода в конкретной сфере переводческой деятельности. Показано, что традиционное разграничение ошибок на содержательные и языковые оказывается достаточно условным и не всегда применимо на практике, так как последствия языковых и речевых ошибок могут также затрагивать и уровень смыслового содержания. Представленная в работе концепция анализа переводческих ошибок, включающая их выявление, квалификацию, анализ причин и последствий, разработана на материале учебного перевода с учётом дидактической составляющей данного вида оценочной деятельности. Выявление и квалификация переводческих ошибок осуществляется в процессе сопоставления текста перевода с исходным текстом, а также с требованиями к конкретному виду перевода, заданием на перевод (при его наличии) и/или с новыми условиями и параметрами прогнозируемой коммуникативной ситуации, позволяющими конкретизировать цель данного перевода.

В Главе 5 диссертации **«Концептуализация качества перевода в обыденном сознании»** представлены основные принципы и результаты анализа оценки качества перевода, осуществляемой конечными получателями. В соответствии с решаемыми задачами, подчёркивается необходимость смещения фокуса исследования с оценочной реакции получателя *виртуального* на реакцию получателя *реального*. В отличие от реакции виртуального получателя, прогнозируемой самим переводчиком, реакция реального получателя является результатом метакогнитивной и металингвистической активности носителя

обыденного сознания, возрастающей в ситуациях языкового и культурного контраста, к которым относится перевод. Исследование наивных взглядов на перевод и оценку его качества осуществляется с использованием понятийного аппарата и приёмов анализа, разработанных в области наивной металингвистики на материале компьютерно-опосредованного метапереводческого дискурса, включающего рассуждения конечных получателей о результатах художественного перевода. Анализ отзывов читателей о переводах художественной литературы показывает, что наивная оценка качества перевода основана на субъективных представлениях о качестве перевода, а представленные в них оценочные суждения характеризуются повышенной эмоциональной тональностью и высокой степенью обобщения. Вместе с тем содержательная сторона читательских отзывов показывает, что в своих рассуждениях конечный получатель опирается на такие общие критерии качества художественного перевода, как смысловое содержание текста, жанрово-стилистические особенности и качество переводящего языка, что говорит об определённом сближении научных и наивных представлений о качестве художественного перевода.

Глава 1. Многоаспектность проблемы оценки качества перевода

Проблема оценки качества перевода традиционно является поводом для достаточно острых дискуссий в переводческом сообществе, представленном переводчиками-практиками, переводоведами и преподавателями перевода. В отечественной традиции данная проблема рассматривается в нормативном разделе общей теории перевода, в соответствии с которым главными критериями высокого качества перевода являются адекватность и эквивалентность. В зарубежном переводоведении доминирует функциональный подход, согласно которому важнейшим критерием успешности перевода является воспроизведение прагматики исходного текста и обеспечение соответствующей реакции получателя. Согласно теории скопос, высокое качество перевода достигается при условии соответствия перевода его цели, а в русле коммуникативно-функционального подхода – соответствия переводного текста его назначению, обусловленному конкретной коммуникативной ситуацией. Если же говорить о практике, сложившейся в сфере профессионального перевода, то главным ориентиром для исполнителя и оценивающего перевод специалиста является производственная документация – стандарты качества и конкретное техническое задание, которое включает требования и пожелания заказчика, а во многих случаях и глоссарий отраслевых терминов, рекомендуемых к использованию. Переводческие компании также разрабатывают процедуры и критерии оценки переводов, которые, как правило, ориентированы на достаточно узкую сферу деятельности и, прежде всего, информативный перевод. Что касается художественного перевода, то его результаты являются предметом внутренней оценки, как правило, осуществляемой редактором, в то время как внешняя оценка производится представителями научной критики перевода, а также и конечными получателями. Различия в представлениях и взглядах субъектов оценки, т.е. лиц, принимающих решение о качестве перевода, являются одной из главных причин существующего разброса мнений по данной проблематике. Вместе с тем, научное исследование проблемы

оценки качества перевода в первую очередь требует поиска способов систематизации и упорядочения этой достаточно разнородной, а порой и противоречивой картины.

В первую очередь, необходимо рассмотреть содержание понятия *качество перевода*, представляющее собой аксиологическую категорию, которая предполагает оценку по умолчанию. Далее будет представлен наш подход к изучению проблемы оценки качества перевода как сложного объекта, характерной чертой которого является многоаспектность. Изучение исторического, теоретического и практического аспектов оценки качества перевода является объективным основанием для формирования наиболее полного представления о данной проблеме.

1.1. Качество перевода как научное понятие и проблема его определения

Понятие и соответствующий термин *качество* является одним из центральных для данного исследования, с чем связана целесообразность обращения к его содержанию, которое в самом общем смысле достаточно универсально и трактуется как *соответствие требованиям, предназначению или эталону*. Многочисленные определения термина *качество* были разработаны в 60-е гг. XX века представителями философии, политэкономии и промышленного производства. Эти формулировки были впоследствии обобщены Международной организацией по стандартизации ISO в виде определения качества как «совокупности характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности» [Краткий курс по управлению качеством 2013, с. 6].

Отметим, что понятие *качество* относится к разряду аксиологических категорий, т.е. предполагающих оценку по умолчанию, что получило отражение в разработке теории качества и её основных аспектов, к которым относятся *оценка продукта*, т.е. результата деятельности; *оценка исполнителя*, т.е. уровня квалификации лица, осуществляющего деятельность; и *оценка процесса деятельности* [Wang 2024]. Следует подчеркнуть, что указанные аспекты

взаимосвязаны с точки зрения их влияния на конечный результат, хотя в каждом конкретном случае – в зависимости от поставленной задачи – оценивается, определяется или измеряется либо качество конечного продукта, либо качество организации процесса, либо уровень и компетентность исполнителя. При этом характеристики объекта оценки определяются на основе конкретных оценочных критериев, что получило отражение в международном стандарте качества письменного перевода ISO 17100:2015, европейском стандарте EN 15038 и ряде других нормативных документов, регламентирующих переводческую деятельность. Эти общие положения могут быть в полной мере отнесены и к сфере перевода.

Что касается понятия и соответствующего термина *качество перевода*, то на первый взгляд, его содержание является достаточно прозрачным. Вместе с тем, использование данного термина в метапереводческом дискурсе, к которому относится «разнообразный спектр устных и письменных текстов – предисловий к переводам, рецензий, сносок, примечаний, размышлений о переводе, отражающих обыденные и научные представления» [Кашкин 2010, с. 315], вызывает вопросы. В первую очередь хотелось бы отметить, что в определённых микро- и макроконтекстах реализуется коннотативный компонент значения данной терминологической единицы, связанный со своеобразной презумпцией положительной оценки, например: «Такое «Заявление о соответствии» повышает уверенность заказчиков в *качестве перевода* (курсив мой – Е.К.), так как выполнение требований «Рекомендаций» по *качеству* (курсив мой – Е.К.) поддается проверке в отношении каждого отдельного переводного текста» [Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику]. Таким образом, само понятие *качество перевода* подразумевает указание на его достаточно высокий уровень, что, однако, не исключает использования таких определений, как *приемлемое, удовлетворительное* или же *неприемлемое* [Альбукова 2016, с. 65]. Это получило отражение в различных оценочных шкалах, предлагаемых разработчиками измерительных методов оценки перевода, в которых предусмотрены различные градации качества перевода – от низкого до высокого.

Кроме того, описание качества конкретных переводов часто включает использование целого спектра дополнительных оценочных характеристик, например: «... перевод остаётся переводом, каким бы он ни был с точки зрения качества – *отличным, так себе, плохим* или вообще *безобразным* (курсив мой – Е.К.)» [Сдобников 2016, с. 271].

Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что толкование термина *качество перевода* допускает различные уровни абстракции. Так, например, в толковом переводоведческом онлайн-словаре данный термин трактуется как «*оценочный показатель* (курсив мой – Е.К.) сделанного перевода, определяемый точностью, сжатостью, ясностью, литературностью переведенного текста. Для художественных переводов их качество оценивается также такими показателями, как эмоциональная и художественная выразительность текста и т.п.» [Нелюбин 2003, с. 75]. На наш взгляд, использование в данной дефиниции термина *оценочный показатель* (по-видимому, заимствованного из экономической теории) в данном случае не вполне удачно, поскольку в результате происходит сужение значения данного термина. Как известно, оценочный показатель предполагает *количественное* выражение соответствия или несоответствия указанным критериям и формируется на основе соотношения фактического и эталонного значений оценочного параметра. Кроме того, если, согласно данному определению, качество перевода *как показатель* также оценивается *показателями*, к которым относятся эмоциональная и художественная выразительность текста, то тогда мы имеем дело с отсутствием необходимого для любой дефиниции родо-видового соотнесения. Что касается точности, сжатости, ясности и литературности, как, впрочем, и эмоциональной и художественной выразительности, то данные характеристики можно отнести, скорее, к оценочным критериям, что затрудняет их использование в квалиметрических расчётах.

Более высокий уровень абстракции понятия *качество перевода* представлен в работах В. В. Сдобникова [Сдобников 2015 а, с. 27], И. И. Убина и И. А. Пушнова [Убин, Пушнов, 2011, с. 26], С. А. Семко [Семко 2005, с. 36], согласно которым качество перевода определяется как одна из основных переводоведческих

категорий, требующих системного исследования и описания. Именно этот подход, составляющий теоретическую основу нашего исследования, был также реализован в нашей работе, посвящённой теории и практике оценки качества перевода [Княжева 2018; Княжева 2023].

1.2. Описание качества перевода через классические оценочные определения и категории

В контексте рассуждений о качестве перевода нормативная теория традиционно оперирует такими определениями, как *эквивалентный*, *адекватный*, *буквальный* и *вольный* перевод, имеющими ярко выраженный аксиологический характер. И хотя многие переводоведы придерживаются мнения о том, что данные термины являются исключительно нормативными, мы, вслед за А. Д. Швейцером, признаём, что они обладают оценочными коннотациями [Швейцер 1988]. Так, в теоретической литературе лингвистического направления *эквивалентность* и *адекватность* традиционно связывают с высоким качеством перевода, в то время как *буквализм* и *вольность* часто обозначают его негативную оценку.

Несмотря на то, что данные термины уже давно и прочно вошли в профессиональный обиход, проблема их использования в целях оценки качества перевода состоит в том, что содержание соответствующих понятий понимается по-разному представителями различных переводоведческих школ. Данная ситуация вполне закономерна и объяснима, поскольку качество перевода – объект многоаспектный и может определяться с различных позиций и точек зрения. Данный материал и соответствующая репрезентативная библиография представлены в монографии В. В. Сдобникова «Оценка качества перевода: коммуникативно-функциональный подход» [Сдобников 2015 а].

Таким образом, понятия и термины *эквивалентность* и *адекватность* являются достаточно разработанными, о чём свидетельствуют теоретические источники и учебные пособия по теории и практике перевода. Вместе с тем, сегодня часто звучит мысль о том, что лингвистическая теория не может дать ответов на все вопросы, касающиеся качества перевода, и зачастую создаёт

тупиковую ситуацию при попытке применить теорию на практике. Но если говорить об альтернативных теориях, например, о философско-герменевтическом подходе или теории скопос, то и здесь наблюдается аналогичная картина, во многом типичная для смены парадигмы. Новая концепция перевода и его оценки, как правило, базируется на решительном отказе от прошлого опыта, но далее и она становится уязвимой для критики.

Наполнение базовых переводоведческих понятий и терминов различным содержанием приводит к достаточно противоречивым выводам, представляющим собой своеобразные вариации известных парадоксов Сейвори [Приводится по Швейцер 1988, с. 61-62]. Рассуждения подобного характера по сути являются признанием тупиковой ситуации, что часто приводит исследователей к профессиональному скепсису. Однако наш взгляд на теорию данного вопроса является более оптимистичным.

Вообще говоря, процессу познания свойственна парадоксальность суждений, но на наш взгляд, многое зависит от того, с каких позиций мы будем рассматривать те или иные проблемы. Наша позиция по этому вопросу заключается в следующем. Как уже было отмечено во Введении, проблема качества перевода всегда возникает *в связи* с практически любым теоретическим или практическим вопросом теории и / или практики перевода, и при всей её сложности и актуальности ей зачастую отводится «роль второго плана». Кардинальным отличием нашей работы является подход к категории качества перевода как самостоятельному объекту исследования. Поэтому, обращаясь к теоретическим основам его изучения, мы видим необходимость в том, чтобы прокомментировать ряд неизбежно возникающих в этой связи вопросов, что в свою очередь, может послужить отправными точками для дальнейших исследований в этой области. Мы также считаем, что для всестороннего описания категории качества перевода различные концепции эквивалентности и адекватности могут и должны рассматриваться не в качестве оппозиции, а скорее в отношении взаимного дополнения.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что дальнейший пересмотр классической терминологии или отказ от неё вряд ли целесообразен.

Перспективный подход для разработки теории качества перевода усматривается нами в универсальной философской концепции и методологии исследования, представленной в монографии В. Б. Кашкина «Парадоксы границ в языке и коммуникации» [Кашкин 2010].

Рассматривая чрезвычайно широкий спектр явлений, относящихся к различным уровням и областям гуманитарного знания, В. Б. Кашкин отмечал, что, с одной стороны, необходимость проведения границ обусловлена задачами научного исследования. Границы внутри языка устанавливаются между формой и семантикой языковых единиц, между лексикой и грамматикой, грамматикой явной и скрытой, между системностью грамматических структур и, по выражению В. Б. Кашкина, «волонтаризмом прагматики». Границы культуры – это те условные семиотические границы, которые проводит человек между своими и чужими языками, нормами общения и поведения, культурными ценностями и оценками. Границы познания пролегают между так называемым наивным знанием (т.е. естественным, природным) и научным знанием, социально адаптированным и приемлемым. Однако, с другой стороны, анализ фактического материала во всех этих сферах говорит о том, что границы условны и могут быть как чёткими, так и нечёткими. Кроме того, наряду с границами, имеющими явный характер, всегда имеет место и некая промежуточная, или пограничная зона. В языке она выявляется, например, при сопоставительном изучении грамматических форм в синхронии и диахронии, при исследовании концептосфер времени и пространства, темпоральности, количественности, вещественности и т.п. [Там же, с. 153]. Общая зона между культурами представлена самим существованием межкультурной коммуникации и перевода. Если же говорить о границах познания, то, несмотря на кардинальные различия наивных и научных представлений, эти два вида знания во многих чертах подобны друг другу и имеют, по определению Л. С. Выготского, «зону ближайшего развития». В своих работах В. Б. Кашкин неоднократно подчёркивал, что большинство границ, проводимых человеком, имеет условный характер, но их нарушения – языковые и переводческие ошибки, различного рода отклонения от принятых норм общения и культуры – приводят к сильным

эмоциональным переживаниям, границы стремятся защищать и по ту, и по иную сторону. Рассуждая о необходимости границ для процесса познания, а также и для существования любой системы, В. Б. Кашкин подчёркивал мысль и о парадоксальном характере данного феномена: «Парадокс границы состоит в постоянно возобновляющейся асимметрии, нечёткости, проходимости, перемещаемости границ, в каком-то смысле – в их отсутствии» [Там же, с. 335].

С этих позиций мы попытаемся рассмотреть ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к теоретическому аспекту оценки качества перевода, и наметим перспективы дальнейших исследований в данной области.

1.2.1. Соотношение понятий *эквивалентность* и *качество перевода*

В научной и учебной литературе лингвистического направления термины *эквивалентность* и *адекватность* часто используются в рассуждениях о *хорошем* или *правильном переводе*. На сегодняшний день разработаны многочисленные концепции переводческой эквивалентности, которые объединяет мысль о тождественности исходного и переводного текстов как главного критерия качества перевода. Причём каждая из этих концепций, отражая различные аспекты переводческой деятельности, демонстрирует попытку исследователя выяснить, *что* представляет собой эта тождественность и *каким образом* она обеспечивается. Это полностью соответствует пониманию перевода как языкового посредничества, цель которого в принципе и отождествляется с достижением эквивалентности.

Теоретически интересным результатом осмысления вопроса о степени близости исходного и переводного текстов является разработка уровневых моделей, основанных на принципах семиотики [Комиссаров 2002, с. 134]. Ярким примером такого опыта является одна из первых уровневых моделей переводческой эквивалентности, разработанная Гертом Егером, в которой получила отражение иерархия языковых знаков. Данная модель включает 1) прагматический уровень; 2) семантический денотативный уровень; 3) семантический сигнификативный уровень; 4) синтаксический уровень [Егер 1978, с. 137-156]. В отечественном переводоведении данный подход был поддержан А. Д. Швейцером и В. Н. Комиссаровым, отмечавшими, что прагматический

уровень составляет то необходимое коммуникативное ядро, без которого эквивалентность перевода не может быть достигнута. Отметим, что отличительной чертой модели А. Д. Швейцера является разделение семантического уровня на два подуровня – компонентный и референциальный – в соответствии с различием в семантике денотативных и сигнификативных значений. При этом доминирующим остаётся прагматический уровень, включающий такие факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата [Швейцер 1988, с. 85].

Уровневая модель В. Н. Комиссарова включает пять иерархически взаимосвязанных уровней: 1) уровень цели коммуникации; 2) уровень описания ситуации; 3) уровень способа описания ситуации; 4) уровень структуры высказывания; 5) уровень лексико-семантического соответствия. Введение в модель эквивалентности уровня лексико-семантического соответствия оказывается существенным дополнением, так как оно логически завершает иерархию уровней эквивалентности от уровня цели коммуникации до уровня пословной эквивалентности [Комиссаров 2002, с. 134].

Важно отметить, что на определённом этапе развития общей теории перевода тождественность исходного и переводного текстов являлась и нормативным требованием, и обоснованием высокого качества перевода, что обеспечивалось достижением эквивалентности на необходимом уровне. Однако некоторые положения данных теорий до сих пор остаются дискуссионными, например, проблема подчинённости уровней эквивалентности, и, в частности, синтаксического уровня уровню семантическому. Открытым продолжает оставаться и вопрос о прагматическом уровне, *определяющем* (как в моделях Г. Егера, А. Д. Швейцера и В. Н. Комиссарова) или *не определяющем* эквивалентность перевода исходному тексту (как, например, в модели В. Г. Гака). Теория эквивалентности В. Г. Гака основана исключительно на семантических отношениях, которые устанавливаются между знаками (уровень языковой формы), понятиями (уровень значения) и денотатами (уровень внеязыковой ситуации). Таким образом, к первому необходимому уровню эквивалентности В. Г. Гак

относит предметную ситуацию, воспроизведение которой позволяет квалифицировать перевод как эквивалентный. Некоторые исследователи также считают, что выведение прагматического уровня из области эквивалентности, и рассмотрение его в рамках категории адекватности позволяет выстраивать уровневые модели более логично [Гак 2009, с. 10].

На первый взгляд, разработка уровневых моделей эквивалентности помогает получить ответы на главные вопросы и предоставить руководство к действию и переводчикам, и оценивающим перевод экспертам. Однако практический опыт переводческой деятельности говорит о том, что эквивалентность перевода ещё не гарантирует его успешности. С точки зрения Н. К. Гарбовского, в самом содержании понятия *эквивалентность* заложена известная доля относительности, что, в свою очередь, ставит «сложный вопрос о том, в каком отношении текст перевода оказывается равнозначным, равноценным, равносильным тексту оригинала. Этот вопрос пытается решить наука о переводе на протяжении многих столетий» [Гарбовский 2004, с. 265-266].

Определяющую роль в новом повороте сыграло осознание того, что в тех случаях, когда обеспечение перевода выходит за пределы единого культурного пространства, различия *в восприятии* смыслового содержания текста становятся решающим фактором в признании успешности перевода или отсутствии таковой. Поэтому для теории эквивалентности неизбежным и в какой-то степени драматичным шагом оказалась необходимость введения в модель перевода параметра получателя (или реципиента) как адресата сообщения.

Одно из радикальных, но и в то же время закономерных решений, основанных в первую очередь на практическом опыте, было предложено Юджином Найдой [Nida 1964; Найда 1978]. Как известно, речь шла о разграничении эквивалентности формальной (уровень текста) и эквивалентности динамической (уровень получателя перевода как носителя иной культуры). Несмотря на получившие к тому времени широкую известность идеи Э. Сепира и Б. Уорфа о влиянии конкретного языка на мышление его носителей, в своём опыте перевода Библии для миссионеров Юджин Найда столкнулся с неожиданной и слабо

прогнозируемой на тот момент реакцией получателя. Описанные в работах Ю. Найды ситуации контакта, а точнее, конфликта исходной и принимающей культур, свидетельствовали о диаметрально противоположном восприятии христианских ценностей северо-американскими индейцами, в связи с чем прагматическая ценность эквивалентного перевода оказывалась нулевой. С одной стороны, это был удар по устоявшейся трактовке эквивалентности, но с другой, теория в целом только выиграла: ведь благодаря осмыслению феномена динамической, а в более поздней терминологии – функциональной эквивалентности сформировалось понимание и определение перевода как не только языкового, но и культурного посредничества. Тем не менее, Ю. Найда оставался верен лингвистическим традициям, введя разграничение между лингвистическим переводом, который и должен осуществлять переводчик, и культурной адаптацией, которая является задачей миссионера.

В более поздней работе «A Framework for the Analysis and Evaluation of Theories of Translation» Ю. Найда затрагивает тему качества перевода [Nida 1976], которая определяется уже через термин *адекватность*, и характеризуется как относительная величина, поскольку об адекватности перевода можно судить только на основе выполнения переводом его предназначения: «The relative adequacy of different translations of the same text determined in terms of the extent to which each translation successfully fulfills the purpose for which it was intended» [Nida 1976, p. 64; Прунч 2015, с. 121]. Таким образом, Ю. Найда обозначает принцип ориентации на цель перевода как условие достижения адекватности, но ограничивается его констатацией.

Несмотря на то, что концепция функциональной эквивалентности становится определяющей в функциональной теории, её вряд ли можно считать до конца разработанной. Так, например, до настоящего времени не существует четких параметров измерения и сравнения реакций получателей переводных текстов. Кроме того, требует уточнения и сам термин *реакция получателя*, поскольку он может обозначать как индивидуальную реакцию, так и усреднённую, типичную для носителя данного языка, иными словами – лингвоэтническую. При этом

совершенно очевидно, что единственным экспертом в оценке данных реакций является сам переводчик; успешность и уместность внесённой им поправки с учётом получателя (прагматической адаптации) обусловлены фактором его собственной личности, включающей как профессиональную компетентность, так и сугубо индивидуальные, личные предпочтения. Например, при переводе текстов СМИ или устной бытовой речи в большинстве случаев оказывается необходимым обеспечить аналогичную реакцию получателей исходного и переводного высказываний, преодолев лингвоэтнические расхождения. Однако в художественных или публицистических текстах культурная специфика является неотъемлемой составляющей содержания оригинала. В таких случаях лингвоэтнический компонент может фиксироваться переводчиком и переноситься в текст перевода, например, в виде экзотизмов. Иными словами, качественный перевод такого материала предусматривает именно *разницу* в реакциях получателей исходного и переводного текстов.

1.2.2. Соотношение понятий *адекватность* и *качество перевода*

На определённом этапе развития переводоведения для определения «хорошего» перевода потребовался другой научный термин, включающий некую универсальную качественную характеристику. Анализ практического опыта, т.е. конкретных результатов перевода, свидетельствует о том, что воспроизведение прагматического потенциала исходного сообщения (текста) обеспечивает успешность перевода даже при несоблюдении эквивалентности, а во многих случаях – именно благодаря отходу от семантико-структурного параллелизма. Поэтому в связи с дальнейшим развитием представлений о целях и общественном предназначении перевода целесообразность введения термина *адекватность* оказывается вполне очевидной.

Однако здесь опять-таки возникает проблема использования данного термина применительно к оценке перевода, которая в первую очередь требует уточнения его содержательной стороны. Уже в работах А. В. Фёдорова основным критерием качества переводного текста становится *функциональное соответствие* текста перевода тексту оригинала, что обеспечивает его полноценность, т.е.

адекватность. «Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путём воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые, часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, выполняли бы аналогичную смысловую и художественную функцию в системе целого» [Фёдоров 2002, с. 125-126].

В. Н. Комиссаров вводит в теорию перевода категорию *коммуникативной равноценности*, что связано с пониманием сущности и предназначения перевода как вида «языкового посредничества, при котором на другом языке создаётся текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему». При этом В. Н. Комиссаров подчёркивает, что данное определение распространяется на «все переводы – хорошие и плохие, и позволяет отграничить перевод от других видов языкового посредничества, не предназначенных для этой цели» [Комиссаров 1999, с. 44].

Однако в трактовке В. Н. Комиссарова коммуникативная равноценность выглядит скорее как идеальная цель, которая либо достигается в конкретном переводе, либо нет. Подчёркивая мысль о том, что перевод *предназначен* для коммуникативно-равноценной замены оригинала, В. Н. Комиссаров использует метафору *презумпции коммуникативной равноценности*. А это означает, что вопрос об *обеспечении* коммуникативной равноценности остаётся открытым, а соответствие перевода данной характеристике – т.е. его адекватности – измеряется профессионализмом переводчика и в конечном итоге зависит от доверия получателя.

Тем не менее, несмотря на эту неопределённость, понятие *адекватности* является на сегодняшний день главным оценочным критерием и главной оценочной характеристикой результата перевода. В соответствии с концепцией авторов коллективной монографии «Проблемы общей теории перевода», качество перевода как переводоведческая категория образуется оппозицией адекватный

перевод / неадекватный перевод [Семко, Калмыков, Дубинко 1988, с. 72]. С другой стороны, проблема определения термина *адекватность* является примером уязвимости как предельно общих, так и предельно детализированных дефиниций. Авторы указанной монографии определяют адекватный перевод как *верно* передающий исходное сообщение при соблюдении норм ПЯ. Однако при этом неизбежно возникает необходимость уточнения понятия *верность* по отношению к переводу и определения соответствующих критериев для оценки правомерности переводческих решений.

Возвращаясь к концепции В. Н. Комиссарова, отметим, что адекватность понимается им в первую очередь как способность решать прагматические задачи перевода. В свою очередь, адекватность обеспечивается путём достижения максимально возможного для этой цели уровня эквивалентности, не допускающего нарушения норм или узуса ПЯ, при условии соблюдения жанрово-стилистических требований к текстам данного типа и соответствия общественно-признанной конвенциональной норме перевода. «В нестрогом употреблении «адекватный перевод» – это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода» [Комиссаров 1990, с. 233].

Л. К. Латышев также предлагает рассматривать адекватность как комплексное понятие, которое в его трактовке включает равноценность регулятивного воздействия оригинала и перевода и определенную степень их семантико-структурного подобия [Латышев 2001]. Под термином *равноценность регулятивного воздействия* Л. К. Латышев понимает способность исходного и переводного текстов вызывать сходные реакции у своих адресатов, что сближает данную трактовку с динамической эквивалентностью в концепции Ю. Найды [Там же, с. 25].

Наполнение термина *адекватность* новым и более конкретным содержанием происходит благодаря общей теории коммуникации. В процессе формирования коммуникативной парадигмы В. В. Сдобников и О. В. Петрова первоначально использовали понятие *функционально-коммуникативной* адекватности перевода,

которая предполагает воспроизведение в максимально возможной степени доминантной функции текста, формируемой на основе коммуникативной интенции отправителя сообщения и направленной на обеспечение определенного коммуникативного эффекта [Сдобников, Петрова 2007, с. 203]. Однако в своих последующих работах В. В. Сдобников отказывается от данного определения и рассматривает адекватность перевода как «такое качество перевода, которое позволяет успешно использовать ПТ с той целью, с которой он был создан, в рамках определённой предметной деятельности участников акта межъязыковой коммуникации и/или инициатора перевода, осуществляемой в соответствующей коммуникативной ситуации» [Сдобников 2015 а, с. 66].

Глубокое изучение понятийной сущности категории адекватности, предпринятое Ю. В. Ванниковым, позволило исследователю выстроить оригинальную уровневую модель, включающую различные виды адекватности: 1) семантико-стилистическую; 2) функционально-прагматическую; 3) дезидеративную; 4) волюнтативную. Разграничение уровней адекватности исследователь связывает с необходимостью определять степень коммуникативной равнозначности оригинала и перевода, необходимую для решения *задач коммуникации*. В соответствии с данной концепцией, семантико-стилистическая адекватность определяется «через оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала». Функциональная (прагматическая, функционально-прагматическая) адекватность «выводится из оценки соотношения текста перевода с коммуникативной интенцией отправителя сообщения, реализованной в тексте оригинала». Выделение «дезидеративной адекватности» связано с потребностями информационной практики, которая всецело ориентирована на запросы получателей переводной продукции. К этому типу адекватности относятся такие виды информационной обработки текста, как выборочный перевод, реферирование, аннотирование и т.д. Ещё один тип адекватности в русле данной концепции – «волюнтативная адекватность» – устанавливается в переложениях, которые предполагают различный уровень близости перевода и оригинала. В этих

случаях активно проявляется собственная коммуникативная установка переводчика. В данной концепции понятие адекватности полностью покрывает все виды соответствий между текстом оригинала и перевода. И тогда функционально допустимыми оказываются любые виды межъязыкового посредничества, независимо от того, насколько эквивалентен текст перевода тексту оригинала [Ванников 1988, с. 34-37]. Однако здесь возникает опасность возврата к вечной дискуссии о предназначении и границах перевода и проблеме его определения. И в этой связи нельзя обойти вниманием теорию целенаправленности переводческого процесса, разработанную Катариной Райс и Хансом Фермеером, известную как теория скопос (в переводе с греческого – «цель»). Одним из основных положений данной теории является признание того, что именно достижение цели перевода позволяет признать перевод адекватным, а переводческую деятельность успешной [Reiss, Vermeer 2013]. Поскольку цель перевода понимается как величина, зависящая от получателя, в каждом конкретном случае переводчик осуществляет процесс интерпретации текста с учётом его целевой функции для конкретного получателя. Принципиальным отличием теории скопос от лингвистического переводоведения является отрицание равенства функций между ИТ и ПТ как заданного изначально: более того, для открытых для интерпретации текстов равнозначный в функциональном отношении текст является скорее исключением.

Стремясь к более точному терминологическому обозначению роли скопоса, К. Райс и Х. Фермеер относят функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала к уровню эквивалентности, подчёркивая, что это частный случай осуществления цели перевода. Таким образом, критерий эквивалентности смещается на второй план в иерархии факторов, которые обуславливают как принятие переводческого решения, так и оценку качества перевода. Доминирующую позицию в этом отношении занимает *адекватность*, которая понимается К. Райс и Х. Фермеером как *способность перевода соответствовать его цели*. Авторы также подчеркивают, что оба понятия – и эквивалентность, и адекватность – не являются статическими. Адекватность – потому, что цель перевода каждый раз меняется, а эквивалентность – потому, что на различных

исторических этапах люди могли по-разному понимать функцию одного и того же текста. Таким образом, модель «скопос» позволяет включить в рассмотрение некие пограничные случаи переводческой деятельности, или так называемые парадоксальные результаты перевода, которые не вписываются в классическую парадигму и, тем не менее, не только существовали и существуют, но и востребованы обществом. (Со своей стороны отметим, что к подобным прецедентам относятся переводы-пересказы «взрослой» литературы для детей, стихотворный перевод Нового Завета, «облегчённый» перевод произведений Ф. М. Достоевского на японский язык и т.п.).

Трактовка понятия адекватности как параметра *процесса перевода*, обозначающего «правильный» выбор способа перевода, соответствующий *цели* перевода в каждом конкретном случае, имеет и свою обратную сторону. Возведение в абсолют положений теории скопос, сначала воспринятой как выход из тупика, в котором оказалась теория эквивалентности, также может приводить к тупику, но уже другого рода. И в первую очередь тезис о том, что цель оправдывает средства, ставит под сомнение само общественное предназначение перевода. Если исходить из того, что свои цели может преследовать любой участник переводческого процесса, в том числе, и сам переводчик, и если возможна постановка любой цели без каких-либо ограничений, вплоть до дезинформации, то, на наш взгляд, переводческая деятельность теряет всякий смысл.

Своеобразный компромисс между теорией скопос и теорией эквивалентности предлагает Кристиана Норд, вводя в научный обиход принцип лояльности и разрабатывая основы функционального подхода к переводу [Nord 2006, p. 33]. По сути, К. Норд соотносит данную концепцию с доминирующей практикой и дидактикой перевода. Аргументация Норд основана на том, что выбор цели перевода не является абсолютно свободным, он должен быть совместим с исходным текстом в том смысле, что цель перевода не должна идти вразрез или противоречить интенциям автора оригинала, особенно в тех случаях, когда этот автор известен принимающей культуре. Осуществляя перевод, переводчик взаимодействует с другими участниками – автором, инициатором и получателем,

которые не могут проверить его действия, и поэтому он не имеет права злоупотреблять доверием своих партнёров, иными словами, переводчик обязан сохранять по отношению к ним *лояльность*.

Основная идея принципа лояльности получила дальнейшее развитие в трудах Норд и была дополнена такими этическими принципами, как *loyalty and conflict prevention, loyalty and professionalism, loyalty and trust, loyalty and fairness*. (В данной работе К. Норд рассматривает соотношение принципа лояльности и таких этических принципов, как *предупреждение конфликтов, профессионализм, доверие и честность* [Там же, р. 35-38]). Многочисленные примеры из практического опыта К. Норд свидетельствуют о том, что ситуации перевода не свободны от конфликта интересов автора, инициатора и получателя перевода. В подобных случаях переводчик не может занимать сторону автора (как это предписывается упрощённой теорией эквивалентности) или выступать на стороне заказчика или адресата (как это предписывается упрощённой интерпретацией теории скопос). Переводчику важно уметь предвидеть возможные последствия своих действий и то, какое влияние они могут оказать в долгосрочной перспективе на исходную и принимающую культуру, а также на культуру перевода.

Развивая положение теории скопос о том, что один и тот же текст может быть переведён по-разному в зависимости от цели перевода, К. Норд вводит следующие уточнения. Следуя принципам профессионализма и этики, цель перевода переводчик определяет, исходя из переводческого задания и / или из условий конкретной коммуникативной ситуации, или опираясь на собственный опыт работы при выполнении аналогичных заказов. Цель, понимаемая таким образом, определяет функцию переводного текста и обуславливает соответствующий выбор стратегии, реализация которой позволяет признавать перевод адекватным.

Коммуникативно-функциональный подход к переводу и оценке его качества также ориентирован на практическую переводческую деятельность и, по справедливому замечанию В. В. Сдобникова, на соображения здравого смысла [Сдобников 2016]. Исходя из того, что в коммуникативно-функциональной парадигме результат перевода рассматривается как текст, созданный в

определённой коммуникативной ситуации с определённой целью и выполняющий определённую функцию, В. В. Сдобников приходит к выводу о том, что оценка перевода должна осуществляться именно с учётом условий коммуникативной ситуации. Это означает, что следует принимать во внимание такие параметры, как цель перевода, выбор переводческой стратегии, а также ожидания и предпочтения участников коммуникативного акта [Сдобников 2009].

Следует также отметить, что, с точки зрения В. В. Сдобникова, коммуникативно-функциональный подход не исключает использования традиционных терминов *эквивалентность* и *адекватность* при введении необходимых уточнений, касающихся их содержательной стороны. В частности, термин *адекватность* обозначает соответствие перевода цели, с которой он был создан в рамках определённой коммуникативной ситуации. Эквивалентность относится к максимально возможной степени близости перевода и оригинала, которая также определяется условиями коммуникативной ситуации. Эквивалентность может присутствовать в большей или меньшей степени или устанавливаться на разных уровнях в зависимости от количества информации, переданной в переводе. Таким образом, достижение адекватности обеспечивают те отношения эквивалентности, которые установлены на оптимальном для данной ситуации уровне.

Определение адекватности (или степени адекватности) может осуществляться как субъектами промежуточной оценки (редакторы, менеджеры компании, другие переводчики), так и субъектами конечной оценки (инициаторы, заказчики, получатели). Данная характеристика используется участниками коммуникативного акта и понимается как соответствие перевода их ожиданиям. Со своей стороны отметим, что данное соответствие может устанавливаться и на интуитивной основе. Следует подчеркнуть, что установление степени эквивалентности является задачей субъектов промежуточной оценки, имеющих возможность сравнить перевод с оригиналом. Профессиональная оценка перевода и признание его адекватным направлена на анализ объёма реализации выбранной стратегии за счёт использования соответствующих переводческих тактик. Что

касается конечного получателя, то он, как правило, оценивает перевод в целом, с позиций восприятия переводного текста и возможностей его дальнейшего использования.

Таким образом, перспективы коммуникативно-функционального подхода к изучению различных аспектов перевода вполне очевидны, что связано с его ярко выраженной ориентированностью на практическую переводческую деятельность. Что касается теоретического направления исследования, то в его задачу входит разработка соответствующей методологии, позволяющей осуществить всестороннее описание категории качества перевода. Базовое понятие эквивалентности само по себе ещё не даёт представления о том, можно ли признать конкретный перевод качественным. А использование термина *адекватность* осложняется чрезвычайно широким спектром его интерпретации в современной теории. И если с чисто теоретических позиций такое положение вещей представляет несомненный интерес, то при обращении к конкретным результатам перевода всегда возникает необходимость объяснений, обоснований и уточнений концептуального характера.

1.2.3. Соотношение понятий *буквализм* и *качество перевода*

В течение достаточно длительного времени нормативная теория и переводческая критика оперировали понятиями *буквализм* и *вольность* для обозначения нежелательных результатов перевода [Гарусова 2007]. Как известно, оппозиция *вольный перевод* / *буквальный перевод* была сформулирована ещё Марком Тулием Цицероном, относившим перевод к литературной деятельности второстепенного порядка, своего рода упражнению в ораторском искусстве. Отдавая предпочтение вольному переводу, Цицерон приравнивал его к литературному творчеству, в то время как буквальный перевод философ считал результатом работы «простого», или «неумелого» переводчика. Подобная мысль часто звучит и сегодня в высказываниях представителей профессиональной среды, которые связывают буквальный перевод именно с низкой квалификацией исполнителя.

В первую очередь хотелось бы подчеркнуть, что теоретики перевода, определяющие буквальный перевод как некачественный, строят свою аргументацию в основном на материале *художественного перевода* и используют в своих рассуждениях доводы разноуровневого порядка. Например, В. Н. Комиссаров, акцентируя внимание на *отрицательном результате* буквального перевода, определяет последний как «воспроизводящий коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы оригинала» [Комиссаров 1990, с. 234]. Поскольку в результате такого перевода неизбежно происходит нарушение норм и узуса ПЯ и /или искажение содержания исходного текста, буквальный способ считается недопустимым при переводе художественной литературы, правда, «за исключением тех случаев, когда *требуется* (выд. нами) воспроизвести формальные особенности исходного текста». Таким образом, данная формулировка даёт понять, что «табу» на буквальный перевод всё-таки имеет определённые ограничения даже в русле теории эквивалентности.

А. Д. Швейцер определяет буквальный перевод как «механическое воспроизведение совокупности составляющих» исходного текста, приводящее к существенным смысловым искажениям. Иными словами, приоритетным для исследователя оказывается анализ *способа переводческих действий*, результатом которых оказывается буквальный перевод. Основными причинами, по которым переводчик использует данный способ, являются «недооценивание идиоматичности языка» и «недооценивание роли предметной ситуации», а также «игнорирование тех или иных элементов коммуникативной ситуации перевода (чаще всего прагматической установки на адресата)». Таким образом, в трактовке А. Д. Швейцера, в фокусе внимания оказывается не только результат, но и процесс перевода, успешность которого напрямую зависит от профессиональной компетенции переводчика [Швейцер 1988, с. 87].

Л. С. Бархударов понимает буквальный перевод как «перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ». Эта мысль иллюстрируется автором с помощью примеров перевода на уровне слова в тех

случаях, когда требуется перевод на уровне предложения. Связывая нежелательный результат с неверным определением *единицы перевода*, Л. С. Бархударов подчёркивает, что главная причина буквализма состоит в том, что единица перевода берётся «уровнем ниже», чем это необходимо [Бархударов 1975, с. 187].

Л. К. Латышев использует термин *буквализм* с негативной коннотацией, особенно очевидной в его оценке результата буквального перевода как «несостоявшейся поправки на новую коммуникативную компетенцию». Как отмечает исследователь, в результате страдает «восприятие текста во всех его аспектах – смысловом, эмоционально-эстетическом и т.д.» [Латышев 2001, с. 38-39]. Основную причину буквализма исследователь видит в «*недостаточности переводческих трансформаций*», и, соответственно, определяет буквальный перевод как «недотрансформированный». Таким образом, в данной интерпретации основной акцент делается на *технологическую сторону* этого способа перевода. При всех очевидных различиях между рассмотренными подходами, напрашивается вывод о том, что в своей совокупности они дают представление о буквальном переводе как отрицательном результате, основная причина которого связана с недостаточно сформированными профессиональными компетенциями переводчика.

Вместе с тем, как показывает практика, буквальный перевод оказывается некачественным далеко не во всех случаях. Авторы коллективной монографии «Проблемы общей теории перевода» в своё время предлагали называть перевод, искажающий содержание исходного сообщения и нарушающий нормы ПЯ, *буквалистским* [Семко 1988, с. 72]. Идею о целесообразности разграничения буквального и буквалистского перевода также поддержали В. В. Сдобников и О. В. Петрова, отметив, что «и тот и другой вид перевода выполняются, в принципе, по одной и той же модели, то есть путём нахождения в ПЯ соответствий каждому слову оригинала. Это *не всегда* (выд. нами) приводит к нарушению норм ПЯ или искажению содержания исходного сообщения» [Сдобников, Петрова 2007,

с. 200-201]. Сегодня остаётся только сожалеть о том, что термин *буквалистский* не получил широкого распространения в современной теории.

Теперь необходимо сказать несколько слов о *единице критического анализа*, так как от этого уточнения во многом зависит конструктивность оценки качества перевода. На первый взгляд, граница между выбором стратегии и частным случаем, т.е. отдельно взятым переводческим решением вполне очевидна, однако её проницаемость нередко является источником проблем для оценивающей стороны. Если вспомнить примеры, которые приводят авторы классических работ (в большинстве случаев это фразеосочетания, идиомы, пословицы и поговорки), то практически все они указывают на то, что здесь рассматриваются именно частные случаи буквального перевода, последствия которых связаны с нарушением той или иной переводческой нормы.

Совершенно другая ситуация возникает в случае осознанного использования буквального перевода как *стратегии* или *метода*, направленного на достижение основной цели перевода, которая состоит в *точном воспроизведении формы*. Теоретическое обоснование данного метода было предложено в работах Вальтера Беньямина [Беньямин 2012] и Ортеги-и-Гассета [Ортега-и-Гассет 1930] в первой половине XX века. Отметим, что данная интерпретация полностью соответствует идеям европейского модернизма, для которого вообще характерен приоритет формы в понимании любого искусства, в том числе и словесного.

Основная мысль В. Беньямина заключается в том, что, как оригинал не существует ради читательской аудитории, так и перевод, в свою очередь, исключает получателя. Следуя этой логике, снимается и проблема передачи смысла оригинального текста, более того, любая попытка передать смысл определяется как «неточная передача несущественного содержания» [Беньямин 2012, с. 255]. Весьма характерно, что в данном случае полностью отвергается общественное предназначение перевода как средства обеспечения двуязычной коммуникации, а основная целевая функция перевода сводится к способу лингвистического исследования.

Что касается взглядов на задачи перевода Ортеги-и-Гассета, то весьма симптоматичной оказывается метафора перевода как довольно громоздкого «технического средства», обеспечивающего «переселение» читателя в текст оригинала. Данный тезис непосредственно связан всё с той же трактовкой перевода как *формы*, «которую было бы нелегко читать, но которая была бы чрезвычайно ясна, даже если бы эта ясность потребовала многих примечаний внизу страницы». Именно поэтому, с точки зрения философа, перевод следует рассматривать как особый литературный жанр со своими собственными нормами и целями [Там же].

Со своей стороны заметим, что концепцию Ортеги-и-Гассета при всей её дискуссионности вряд ли можно считать чисто умозрительной. Блестящим примером практической реализации такого подхода (хотя и получившим весьма неоднозначную оценку переводческой критики в России и в США) является перевод романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», осуществлённый В. В. Набоковым [Княжева, Дымант 2011; Княжева, Дымант 2012; Кашкин, Княжева, Дымант 2014]. Этот перевод, в отличие от многих других переводных версий романа, включает огромный объём переводческого комментария литературоведческого, лингвистического и собственно переводческого характера, назначение которого В. В. Набоков видел в том, чтобы предоставить англоязычным читателям возможность понять все тончайшие нюансы произведения великого русского поэта. Показательно, что, с точки зрения В. В. Набокова, само наличие переводческого комментария говорит о высоком профессиональном уровне переводчика и является отличительной чертой «добротного перевода». «... следует раз и навсегда отказаться от расхожего мнения, будто перевод "должен легко читаться" и "не должен производить впечатление перевода" <...> всякий перевод, не производящий впечатление перевода, при ближайшем рассмотрении непременно окажется неточным, тогда как единственными достоинствами добротного перевода следует считать его верность и адекватность оригиналу» [Набоков 1988, с. 193].

Аналогичную мысль высказывает К. Норд при описании основных переводческих стратегий, которые она классифицирует как перевод

документальный (ориентированный на максимально полную передачу информации исходного текста) и перевод инструментальный (ориентированный на новую коммуникативную задачу в условиях иной культуры). В качестве одного из подвидов документального перевода К. Норд выделяет *филологический* перевод, т.е. дословный, который сопровождается введением лингвистической или культурологической информации [Nord 1997].

Возвращаясь к буквальному методу В. В. Набокова, подчеркнём, что при переводе своих собственных произведений писатель широко практиковал адаптацию оригинального текста под другую культурную среду. Об этом, в частности, свидетельствует материал трёх версий его автобиографического произведения: книга на английском языке, вышедшая под названием «Conclusive Evidence», её автоперевод, известный как «Другие берега», и последующая англоязычная версия, ставшая окончательной, – «Speak, Memory». Совместное исследование с Ю. А. Дымант показало, что В. В. Набоков широко использовал метапереводческий комментарий при автопереводе, что обусловлено как временем создания той или иной версии (фактор хронотопа), так и ориентацией на англоязычную или русскоязычную читательскую аудиторию (фактор адресата) [Дымант, Кашкин, Княжева 2014; Дымант 2015; Дымант, Княжева 2023].

Показательно, что отношение к подобным прецедентам со стороны отечественных переводоведов весьма неоднозначно. В исследованиях дескриптивного характера наблюдается отход от отрицательной оценки буквального перевода, как, например, в работах Н. М. Нестеровой, рассматривающей буквальный перевод как результат целенаправленной стратегии [Нестерова 2005; 2019; Нестерова, Попова 2017]. Анализ способов и результатов «переселения в текст оригинала» осуществляется Н. М. Нестеровой на материале переводов П. А. Вяземского, А. А. Фета, позднего В. М. Брюсова и В. В. Набокова [Нестерова 2005]. Интересен подход Н. М. Нестеровой и к анализу весьма провокационного переводческого эксперимента В. П. Руднева и Т. А. Михайловой – перевода с английского детской книги Алана Милна «Winnie-the-Pooh», опубликованного в 1994 г. под характерным названием «Винни Пух» и

впоследствии названного интеллектуальным бестселлером. Текст этого перевода Н. М. Нестерова относит к постмодернистскому дискурсу с характерной для него единой структурой, включающей философскую концепцию текста А. Милна в интерпретации переводчиков, аргументацию в пользу «аналитического» переводческого метода, текст самого перевода, комментарий и библиографический список. Н. М. Нестерова отмечает, что разработанный переводчиками аналитический метод, суть которого состоит в отказе от адаптации своего перевода к русской лингвокультуре, применяется в целях лингво-семантического исследования текста А. Милна. И в отличие от перевода Б. В. Заходера, ориентированного на детскую аудиторию, перевод В. П. Руднева и Т. А. Михайловой предназначен для взрослой и весьма немногочисленной аудитории «дискурсивно зрелого» читателя [Там же, с.95].

Теперь возникает вопрос о том, каким образом следует оценивать подобные нестандартные результаты перевода. На наш взгляд, однозначный ответ здесь вряд ли возможен. С одной стороны, совершенно очевидно, что перевод В. П. Руднева и Т. А. Михайловой не соответствует уровню восприятия детской аудитории. С другой стороны, этот перевод изначально предназначался для достаточно узкого, элитарного круга получателей, что не могло не привести к «гипер-замене» на уровне дискурса, т.е. созданию принципиально другого типа текста, и отнюдь не функционального аналога детской книжки. И справедливости ради следует признать, что стратегия, разработанная переводчиками, получила весьма последовательную реализацию через соответствующие тактические приёмы. Думается, что экспериментальные переводы такого рода вряд ли будут востребованы массовой аудиторией, однако они достаточно интересны как исследовательский материал, позволяющий проследить, каким образом та или иная интерпретационная позиция переводчика отражается в выборе или разработке стратегии и далее получает конкретную реализацию на уровне различных типов дискурса.

История перевода знает немало попыток реконструирования формы исходного текста средствами иного языка. Подобные переводческие эксперименты

осуществляются и в настоящее время и, по всей видимости, будут иметь место и в дальнейшем. Видимо и по этой причине тезис о недопустимости буквального перевода художественного и поэтического текста относительно мирно сосуществует сегодня с практическим опытом переводчиков и так называемыми экспериментальными переводами. Однако, с нашей точки зрения, уязвимость идеи приоритета формы достаточно очевидна: если для исходного языка форма оригинала естественна, то для языка перевода – нет. И в этой связи неизбежно возникает вопрос о цели и критериях успешности такой реконструкции. Этот вопрос, как и многие другие проблемы, связанные с буквальным переводом, безусловно, нуждаются в дальнейших исследованиях.

Таким образом, сама переводческая реальность делает границу между стратегией и частным переводческим решением условной, однако для оценивающей перевод стороны эта граница, даже и умозрительная, необходима, поскольку она помогает исследователю более обоснованно осуществлять критический анализ результата перевода.

1.2.4. Соотношение понятий *вольность* и *качество перевода*

Проблема границ ещё более остро встаёт при рассмотрении вольного, или так называемого свободного перевода, что в свою очередь делает очевидным необходимость в дополнительных исследованиях, учитывающих состояние науки о переводе. Обратим внимание, что оценочная позиция авторов классических работ по переводоведению и критическому анализу художественного и поэтического перевода варьируется от ярко выраженной негативной оценки вольного перевода вплоть до признания его предпочтительности. Например, К. И. Чуковский придерживается мнения о недопустимости вольного перевода в этих жанрах, поскольку основным требованием к художественному переводу является не только воспроизведение сюжета, но и литературной манеры автора. «Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим ему одному. Потому-то я и говорю, что, исказив его стиль, мы тем самым исказим его лицо. Если при помощи своего перевода мы навяжем ему свой собственный стиль, мы превратим его автопортрет в автопортрет переводчика»

[Чуковский 2001, с. 21]. Обращаясь к переводам «Илиады» Гомера на английский язык, которые были выполнены такими известными поэтами, как Джордж Чапмен, Александр Поуп и Уильям Каупер, К. И. Чуковский отмечает следующее: «читаешь эти переводы и видишь, что сколько переводчиков, столько Гомеров. У Чапмена Гомер витиеват, как Чапмен, у Поупа напыщен, как Поуп, у Каупера сух и лаконичен, как Каупер. То же произошло и со стихами великого английского лирика Перси Биши Шелли в переводе Константина Бальмонта: личность переводчика слишком уж резко отпечатлелась на текстах изготовленного им перевода» [Там же].

Оценивая вольный перевод как нежелательный способ в целом, в отдельных случаях – например, при анализе переводов В. А. Жуковского произведений Людвиг Уланда – К. И. Чуковский всё-таки делает исключение. В частности, К. И. Чуковский отмечает, что «огромное большинство изменений сделано Жуковским в духе переводимого автора: пусть у Людвиг Уланда в данных строках и нет, предположим, гробницы, она свободно могла бы там быть — в полном соответствии с его мировоззрением и стилем» [Там же, с. 30].

Из этого следует вывод, что наилучшие результаты достигаются только тогда, когда переводчик и автор близки по духу, когда «переводчики питают к переводимым авторам такое сочувствие, что являются как бы их двойниками» [Там же, с. 38]. Перевоплощение переводчика в автора происходит за счёт преодоления собственного эго и требует «особая гибкости, пластичности, «общежительности» ума [Там же, с. 41].

Например, с точки зрения С. Я. Маршака, основная задача, которая стоит перед переводчиком поэтического произведения, заключается в том, чтобы «донести до читателя подлинные мысли и чувства поэтов, не потеряв ничего главного, основного, существенного. При этом степень вольности и точности перевода может быть различна – есть целый спектр того и другого». В контексте рассуждений о возможностях и границах вольного перевода хотелось бы привести ещё одно высказывание С. Я. Маршака, актуальность которого несомненна и в наши дни. «Переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных

стихов, – например, Гейне или Бернс, – но и что, какие слова этот автор *сказал бы* и чего бы он *сказать не мог*» (курсив наш) [Маршак 1971, с. 371-375].

Что касается художественной прозы, то здесь тезис о недопустимости вольного способа часто иллюстрируется на примерах из переводов известного русского переводчика XIX века И. И. Введенского. Главными недостатками этих переводов К. И. Чуковский считает многословие и чуждую автору исходного произведения стилистику и, в конечном итоге, оценивает их как «сплошное издевательство над Диккенсом» [Чуковский 2001, с. 257]. «Если Диккенс говорит: «она заплакала», Введенский считает своим долгом сказать: «слезы показались на прелестных глазах моей малютки». Встречая у Диккенса слово «приют», он непременно напишет: «приют, где наслаждался я мирным счастьем детских лет...» [Там же, с. 259].

Эту точку зрения разделяет и А. Д. Швейцер, который называет творчество И. И. Введенского ярким примером «превышения полномочий» переводчика как языкового посредника, поскольку в подобных случаях перевод приближается к границе, разделяющей перевод и вольное переложение. Отметим, что выход за рамки именно *языкового* посредничества квалифицируется А. Д. Швейцером как «неоправданная вольность» на том основании, что это ведёт к искажению коммуникативного эффекта оригинала и, следовательно, к нарушению эквивалентности [Швейцер 1988, с. 88].

Тем не менее, неизбежность конфликта между нормативными требованиями и реальной практикой чувствуется уже и в самих рассуждениях А. Д. Швейцера. С одной стороны, переводовед настаивает на том, что строгие нормативные требования делают «крайние проявления переводческих вольностей» невозможным, но при этом признаёт, что тенденция к вольному переводу продолжает сохраняться в практическом опыте. Ответ на вопрос о том, что является основанием для квалификации перевода как *вольного и недопустимого*, А. Д. Швейцер видит в «возможности параллельного перевода, отвечающего требованиям прагматической эквивалентности и в то же время значительно точнее передающего смысловое содержание оригинала» [Там же].

Л. К. Латышев также интерпретирует вольный перевод в негативном ключе и, вслед за А. Д. Швейцером, рассматривает понятие «переводческой вольности» как явление, противоположное буквализму. Иными словами, если буквализм квалифицируется учёными как результат недостаточности переводческих трансформаций, или как «недотрансформированный» перевод, то вольность определяется как продукт их чрезмерности, или «перетрансформированный перевод» [Там же]: «о переводческой вольности говорят в тех случаях, когда переводчик без ущерба для качества перевода мог бы перевести ближе к исходному тексту» [Латышев 2001, с. 39-40]. Интересно, что Л. К. Латышев также подходит к вопросу о границе между *трансформированным* и *перетрансформированным* переводом, который решается через определение адекватной меры трансформаций. На практике эта мера определяется «профессиональным чутьём переводчика», а с теоретических позиций Л. К. Латышев отождествляет меру трансформации с «процессом нахождения варианта перевода по трём критериям»: 1) мотивированность трансформации; 2) минимальность трансформации; 3) принципиальная ограниченность меры трансформаций [Там же].

Л. Л. Нелюбин определяет вольный перевод как «перевод, передающий общее содержание текста на языке оригинала так, как его понял переводчик, без учета оттенков мысли, выраженных языковыми средствами языка оригинала». Отметим, что негативная позиция Л. Л. Нелюбина по отношению к вольному переводу аргументируется тем, что в вольном переводе наиболее очевидно проявляются такие слабые стороны, как «субъективизм переводчика» и «плохое знание языка оригинала». И если первое приводит к «преднамеренной неадекватности», то второе – к «непреднамеренным фактическим ошибкам, к ложным догадкам, отсебятине и т. п.» [Нелюбин 2003, с. 187].

Позиция В. Н. Комиссарова по отношению к вольному переводу имеет скорее характер компромисса. Определяя вольный перевод как «выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта», В. Н. Комиссаров при этом допускает, что «свободный перевод может быть признан адекватным, если он отвечает другим

нормативным требованиям перевода и не связан с существенными потерями в передаче содержания оригинала. Более серьезные отклонения от содержания оригинала делают свободный перевод неэквивалентным и неадекватным, превращая его в «переложение» или самостоятельное высказывание на тему оригинала» [Комиссаров 2002, с. 412]. Таким образом, исходя из рассуждений В. Н. Комиссарова, граница между переводом и другими видами межъязыкового посредничества состоит в *степени серьёзности* отклонений от содержания оригинала. И поскольку здесь В. Н. Комиссаров не приводит конкретных примеров, то в этой связи неизбежно возникают вопросы относительно определения *степени отклонения от содержания* и той грани, которая отделяет *отклонение* от *содержательной ошибки*.

Противоположный подход к оценке вольного перевода представлен концепцией Л. С. Бархударова. Определяя результат вольного перевода как «осуществленный на более высоком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм ПЯ», Л. С. Бархударов не только допускает возможность использования данного способа, но и отдаёт ему предпочтение. Однако здесь необходимо уточнить, что рассуждения Л. С. Бархударова строятся на материале художественного перевода, и, в частности, на анализе перевода Риты Райт-Ковалёвой романа Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и перевода Норы Галь и Р. Е. Облонской романа Харпер Ли «Убить пересмешника». Поэтому в данном случае позитивная оценка вполне закономерна, о чём говорят следующие примеры. «*Some things are hard to remember. (6) Бывает, что нипочем не можешь вспомнить, как все было. I was too depressed to care whether I had a good view or not. (9) Когда настроение скверное, не все ли равно, что там за окошком*». Комментируя данные переводческие решения как результат вольного перевода, Л. С. Бархударов отмечает, что здесь единицей перевода является предложение, хотя в этих конкретных случаях можно было бы перевести на уровне словосочетаний и даже отдельных слов, т.е. ближе к исходному тексту. Вместе с тем, преимущества вольного перевода – причём рассматриваемого именно в сравнении с буквальным – Л. С. Бархударов видит в

том, что «при вольном переводе, как правило, не имеют места ни смысловые искажения, ни нарушения норм ПЯ» [Бархударов 1975, с. 187-188].

С нашей точки зрения, данное обобщение является весьма дискуссионным. Например, по мнению В. В. Сдобникова и О. В. Петровой, «вольный перевод *всегда* (выд.нами; Е. К.) означает искажение содержания исходного сообщения, привнесение в текст того, чего не было в оригинале, значительные купюры, но он не ведёт к нарушению норм ПЯ, поскольку выполняется не пословно» [Сдобников, Петрова 2007, с. 201]. Теоретически рассуждая, вольный перевод действительно не может считаться *причиной* нормативных нарушений в ПЯ. Однако со своей стороны отметим, что на практике решающую роль играет уровень языковой компетенции в ПЯ и общей культуры речи конкретного исполнителя, а не способ или стратегия перевода. Совершенно очевидно, что у упомянутых выше мастеров художественного перевода этот уровень был очень высок, что, к сожалению, не распространяется на всех переводчиков.

Возвращаясь к рассуждениям Л. С. Бархударова, хотелось бы также подчеркнуть, что провести чёткую границу между вольным переводом и переводческой трансформацией иногда бывает достаточно сложно. Это иллюстрирует следующий пример, который Л. С. Бархударов относит к вольному переводу и который мы склонны рассматривать скорее как модуляцию. «*He was difficult to live with, inconsistent, moody. His appetite was appalling, and he told me so many times to stop pestering him. (12) С ним стало трудно ужиться, то он злился, то дулся, настроение у него менялось пятнадцать раз на день. Ел он много и жадно, даже смотреть было страшно, и все огрызался – не приставай ко мне*» [Бархударов 1975, с. 187]. Таким образом, если в целом Л. С. Бархударов даёт высокую оценку конкретным результатам вольного перевода, то далее, уже на уровне теоретического обобщения, речь идёт о его недостатках, главным из которых является неточная передача «значения исходного текста»: «происходит слишком большая потеря информации ввиду того, что исходный текст подвергается слишком глубоким преобразованиям там, где их можно было избежать. При этом всегда есть опасность перейти ту неуловимую грань, где

вольный перевод перерастет в «отсебятину». Однако последнее Л. С. Бархударов относит к работе менее опытных переводчиков, с чем трудно не согласиться [Там же].

Вывод, к которому приходит исследователь, на первый взгляд достаточно категоричен и заключается в том, что при переводе текстов всех типов и жанров переводчик должен стремиться к обеспечению эквивалентности. Однако при этом Л. С. Бархударов отмечает, что «квалификация того или иного перевода как «эквивалентного» или «неэквивалентного» (если иметь в виду перевод достаточно длинных отрезков текста) вряд ли может быть осуществлена с прямолинейной категоричностью. Правильнее будет говорить о разной степени эквивалентности перевода, о большем или меньшем его приближении к «полностью эквивалентному», который фактически оказывается скорее неким идеалом, чем реальностью» [Бархударов 1975, с. 189].

Наша позиция заключается в том, что теоретические вопросы, связанные с проблемой вольного перевода и его оценки, могут быть интерпретированы через понятия первичного и вторичного текста [Княжева 2018; Княжева 2023]. В результате того, что при вольном переводе исходный текст претерпевает весьма значительные изменения, размывается *граница между первичным и вторичным текстом* [Нестерова 2005; 2006]. Данный феномен часто является поводом для дискуссий о границах перевода и о степени допустимости отхода от исходного, т.е. первичного текста. В свою очередь, это непосредственно связано с пониманием предназначения и функции перевода в обществе и вопросами переводческой этики. Однако между переводом и «непереводом» обнаруживаются ещё и многочисленные «пограничные», или промежуточные случаи, на которые в своё время указывал А. Д. Швейцер. «Особенно трудно различить перевод и неперевод в поэзии, где законы жанра допускают большую свободу в ориентации на первичный текст и где в значительно большей мере, чем в других жанрах, присутствуют элементы сотворчества. Сравнительно несложно отграничить от перевода этот жанр в его крайнем проявлении, когда связь с оригиналом едва уловима. Однако существует немало переходных случаев, когда однозначная

квалификация текста как перевода или неперевода представляется крайне сложной» [Швейцер 1988, с. 47].

Рассматривая отрывок из 74-го сонета Шекспира в переводе С. Я. Маршака, А. Д. Швейцер отмечает высокую степень его самостоятельности, или «невторичности», но при этом признаёт, что С. Я. Маршаку удалось ярко и талантливо воспроизвести глубинный смысл шекспировского сонета. На вопрос о том, считать ли подобные «невторичные» переводы собственным произведением переводчика, однозначного ответа, по мнению А. Д. Швейцера, нет, поскольку здесь отсутствуют точные критерии. «В такой сложной и многомерной области, как поэтический перевод, соотношение первичности и вторичности в тексте представляет собой переменную величину, и поэтому сказать, где кончается перевод и начинается самостоятельное творчество, далеко не всегда возможно» [Швейцер 1988, с. 48].

С другой стороны, в русле теории скопос, включая развитие ряда её положений в функциональной парадигме, вопрос о вольном переводе находит достаточно последовательное решение в терминах переводческих стратегий. Так, например, с точки зрения К. Норд, вольные переводы и переложения приобретают свою собственную значимость в принимающей культуре, литературе и языке, которая равноценна значимости исходного текста. Подобные прецеденты, согласно концепции К. Норд, относятся к одной из разновидностей инструментального перевода, или гомологичному переводу, ориентированному на достижение новой коммуникативной цели в условиях принимающей культуры [Приводится по Прунч 2015, с. 189-190].

Вполне очевидно, что переводческие решения, которые являются предметом критического анализа, и признаются неудачными, гораздо более многообразны и не могут сводиться исключительно к буквальному и вольному переводу. Выше мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что теоретические обобщения и негативная оценка вольного перевода зачастую осуществляется именно на глобальном уровне. И в этом случае возникает вопрос о том, является ли отход от классических нормативных требований достаточным основанием, чтобы

квалифицировать стратегию перевода художественного текста как *правильную* или *неправильную*. Параллельно возникает проблема границы между очевидными несоответствиями правилам или традициям и вкусовыми предпочтениями оценивающих сторон. Кроме того, на вопрос о том, чья критическая оценка в конечном итоге окажется определяющей – суждение профессионального критика перевода или мнение непрофессиональной читательской аудитории – вряд ли можно дать однозначный ответ.

Хотелось бы также подчеркнуть, что решение вопроса о *правильной* и *неправильной* стратегии связано с целым комплексом теоретических и практических проблем и не может ограничиваться материалом художественных текстов. В ситуации информативного перевода существование теоретически спорных случаев объясняется скорее разнообразием общественных функций перевода и спецификой социальной ситуации, в которой он осуществляется. В этом отношении очень показателен пример К. Норд, который она использует при обосновании принципов функционального подхода к переводу и, в частности, уже упоминавшегося выше принципу лояльности переводчика [Nord 2006, p. 34-35]. В данной работе К. Норд анализирует последствия выполнения переводческого задания, исходящего от издательства, суть которого состояла в нейтрализации эмоционально-экспрессивно-оценочной тональности текста оригинала. Необходимость такой нейтрализации обосновывалась соображениями политического характера: по мнению издателя, восторженная оценка автора революционных преобразований на Кубе могла вызвать отторжение читательской аудитории Западной Германии. По сути, в данном примере речь идёт об идеологической адаптации исходного текста, т.е. о соблюдении принципа лояльности по отношению к читательской аудитории. Однако в этом случае нарушается принцип лояльности по отношению к автору исходного текста, поскольку его позиция предстаёт в искажённом виде: из сторонника диктаторского режима автор превращается в нейтрального наблюдателя. В результате К. Норд приходит к выводу о необходимости установления ограничений на переводческий заказ. Иными словами, речь идёт о границе этического порядка, основанной на

уважении к автору исходного текста с одной стороны и получателю перевода с другой.

Практический опыт редактирования и рецензирования переводов подтверждает, что в основе качества перевода, которое по тем или иным причинам не соответствует ожиданиям оценивающей стороны, могут быть решения разного уровня: от общего (неправильный выбор стратегии) до частного (сбой на уровне тактической реализации, тактического решения, а также и нормативные нарушения). Ошибка на уровне выбора стратегии имеет глобальный характер и приводит к таким же глобальным последствиям, например, отрицательной оценке перевода *в целом* его инициатором или заказчиком. Иными словами, результат перевода не устраивает его получателей, поскольку не обеспечивает выполнения тех целей, ради которых он осуществлялся. При этом текст перевода вполне может соответствовать таким классическим критериям, как норма эквивалентности и норма переводческой речи, т.е. сам по себе (без учёта конкретной ситуации) это может быть вполне добротный и грамотный перевод, свободный от содержательных и языковых ошибок. В качестве примера хотелось бы привести реальную конфликтную ситуацию между переводческой фирмой и её клиентом (из личной беседы с руководителем отдела). Суть в том, что заказчик, который являлся одновременно и автором исходного текста (монографии по биологической проблематике), отказался принимать перевод. Основанием для недовольства было то, что переводная версия монографии оказалась слишком сложной для целевой аудитории, поскольку она предполагалась для принципиально другого получателя: это должна была быть книга для школьников старших классов. Однако ни фирма, ни конкретный исполнитель-переводчик не были проинформированы о данной цели перевода. Соответственно, заказ был выполнен исходя из стандартной ситуации, предполагающей, что перевод научной работы для её издания за рубежом ориентирован на аналогичную аудиторию. Понятно, что в подобных случаях речь в принципе не идёт об адаптации текста для неспециалистов или людей другой возрастной группы. И тогда возникает следующий вопрос: была ли в данном случае у переводчика возможность избежать конфликта?

Разграничение стратегии и частного случая важно не только для собственно оценки перевода, но и для следующего закономерного шага, заключающегося в разработке рекомендаций относительно необходимых действий по коррекции данного результата, иными словами, доведении результата до требуемого уровня. Понятно, что единичные ошибки и неудачные решения, подпадающие под категорию частного случая, исправляются на этапах анализа результата перевода и его последующего редактирования. Что касается выбора стратегии, то здесь речь об исправлении отдельных ошибок идти не может. При выборе «неправильной» стратегии – как в приведённом выше примере – «исправление» может состоять лишь в том, что перевод делается заново.

1.3. Основные аспекты проблемы оценки качества перевода

1.3.1. Оценка качества перевода как научное понятие

Обращение к дефинициям составного термина *оценка качества перевода*, как и в случае с термином *качество перевода*, говорит о его неоднозначной трактовке. Согласно определению в Толковом переводоведческом словаре, в основу *оценки качества перевода*, или *оценки результатов перевода* «положен принцип функциональной или динамической эквивалентности, понимаемой как характеристика перевода, в котором содержание исходного сообщения передано таким образом, что восприятие конечного сообщения иноязычным получателем соответствует во всех своих существенных чертах восприятию исходного сообщения получателем, кому она было адресовано. При этом имеется в виду восприятие всей информации, содержащейся в тексте сообщения, как семантической, так и экспрессивно-стилистической» [Нелюбин 2003]. Нетрудно заметить, что данная трактовка созвучна теории динамической (функциональной) эквивалентности и во многом перекликается с известной концепцией Юджина Найды, поскольку речь, по сути, идёт о сходстве реакций получателей исходного и переводного сообщения (или текста). Однако с точки зрения В. В. Сдобникова, тождественность реакций получателей достижима далеко не всегда и, более того, не всегда и требуется [Сдобников 2015, с. 43], и по этой причине не может быть

единственным параметром, через который осуществляется оценка качества перевода. Таким образом, данное определение отражает лишь одну из точек зрения, справедливую для некоторых видов коммуникативных ситуаций с участием перевода. Однако при этом суть понятия *оценка качества перевода* остаётся не до конца прояснённой. В целях уточнения его содержания, в первую очередь, представляется целесообразным провести сопоставление понятий *оценка качества перевода* и *критика перевода*. Последнее, как известно, обозначает раздел теории перевода, занимающийся критическим анализом художественного перевода, причём в центре внимания находятся литературные произведения, представляющие особую историческую или художественную ценность. Что касается термина *оценка качества перевода*, то он распространяется практически на все сферы переводческой деятельности, причём в европейской традиции ситуация с содержательным наполнением данного термина более детализирована. Для иллюстрации приведём определения соответствующих англоязычных терминов *translation assessment/ translation evaluation*, основываясь на работе Джерарда МакАлестера «The Evaluation of Translation into a Foreign Language» [McAlester 2000]. Несмотря на то, что обе англоязычные терминологические единицы соответствуют русскоязычному термину *оценка качества перевода*, используются они всё-таки по-разному.

Translation evaluation определяется как оценка в традиционном, смысле, т.е. выставление оценки за перевод. («...*placing of a value on a translation, i.e. awarding a mark*»). Однако в заглавии своей работы, посвящённой разным видам и ситуациям оценок перевода, автор использует именно *translation evaluation*, что говорит об известной противоречивости в его собственных позициях.

Translation criticism, или критика перевода, ориентирована на критическую оценку результата перевода и признание его адекватности, не требующего, однако, количественного выражения («... *stating the appropriateness of a translation; this also implies a value judgement, which need not however be a quantified one*»).

Translation analysis, или анализ перевода, определяется как описание процесса перевода или же его результата на основе сопоставления исходного и

переводного текстов. При этом вынесение оценочного суждения остаётся за рамками анализа перевода, что явно размывает цель его осуществления («<...> *a descriptive study of the process of creating a target text out of a source text (translation as a production) or of the relationship between the target and source texts (translation as a product) without ascribing a value judgement*»).

При интерпретации термина *translation assessment* мы неизбежно сталкиваемся с очередной переводческой проблемой, поскольку в английском языке *assessment* и *evaluation* являются синонимами, которые в любом случае переводятся как *оценка*. В цитируемой работе *translation assessment* используется как своего рода обобщающий термин для трёх предыдущих случаев, но сюда МакАлестер относит также и оценку результатов машинного перевода («... *a cover term for the other three procedures*»). Автор также выделяет *translation quality control*, что соответствует понятию *контроль качества*, предполагающему, что основной акцент приходится на оценку продукта или переводческой услуги («... *where the emphasis is on the assessment of the product or service per se rather than the producer*»). Таким образом, если термин *оценка качества* относится к процессу и результату перевода, то *контроль качества* – к результату перевода (продукту) и услуге [McAlester 2000: 231].

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что в поле зрения – с оценочных позиций – оказываются такие аспекты переводческой деятельности, как *процесс перевода, результат перевода и качество оказания переводческой услуги*. Помимо этого в настоящее время контроль качества подразумевает ещё и *оценку исполнителя*, однако в цитируемой работе данная позиция отсутствует. Кроме того, нельзя не упомянуть и о том, что, когда речь идёт об использовании терминов, существуют ещё и личные предпочтения учёных, связанные с исследовательской парадигмой и материалом исследования.

Таким образом, на основании вышеизложенных соображений можно заключить, что оценка качества перевода не может рассматриваться только как чисто практическая задача. В теоретическом отношении оценка качества перевода относится к уровню сложной проблемы, имеющей многоаспектный характер.

Исходя из того, что оценка качества перевода является сложным объектом исследования в силу своей многоаспектности, всестороннее описание данной проблемы предполагает выделение исторического, теоретического и практического аспектов [Княжева 2018; Княжева 2023, с. 4-7]. Объединяет эти аспекты общий объект, ставящий в центр внимания теоретические и практические подходы к переводу и его оценке, в основе которых усматривается общий принцип установления соответствия. На закономерно возникающий вопрос – соответствия чему? – существует множество разнообразных, а зачастую и противоречивых ответов, которые мы обнаруживаем в историческом, теоретическом и практическом материале.

1.3.2. Исторический аспект исследования проблемы оценки качества перевода

Обращение к *историческому аспекту*, связанному с изучением формирования представлений о качестве перевода, т.е. представлений о переводе «правильном» и «неправильном», позволяет убедиться в том, что эти взгляды динамичны и исторически изменчивы, но при этом именно они являются основой формирования оценочных критериев в конкретный период времени.

Как известно, попытки анализа переводных текстов с оценочных позиций осуществлялись уже в глубокой древности, в какой-то степени стихийно и в большинстве своем дуалистично: дихотомия «хороший перевод / плохой перевод» (или «правильный перевод» / «неправильный перевод») составляла основу оценки перевода с самых ранних этапов развития переводческой деятельности. Представления о «плохом» и «хорошем» переводе были связаны с различным, а иногда и весьма противоречивым содержанием, что во многом отражало существующие представления о языке и отношении к тексту, характерные для той или иной исторической эпохи.

Наиболее кардинально представления о «правильном переводе» подвергались пересмотру в связи с эволюционными процессами в духовной жизни общества, изменениями в мировоззрении и мироощущении человека. Эти процессы получили яркое отражение в художественной литературе и искусстве

таких исторических периодов, как Средние века, Возрождение, классицизм и романтизм. Для каждой из этих эпох существовали весьма характерные и узнаваемые признаки «хорошего перевода», которые становились своего рода нормативными требованиями для переводчиков, или, в трактовке В. Н. Комиссарова, конвенциональной нормой, т.е. характерной для определённого исторического периода системы представлений о том, каким должен быть правильный перевод [Комиссаров 1990, с. 424].

Исходя из этого, можно заключить, что суждения оценивающей перевод стороны основываются на установлении соответствия или же несоответствия конвенциональной норме перевода. Однако, на наш взгляд, в своём «чистом виде» конвенциональная норма существует как достаточно обобщённое понятие, ведь формирование переводческой нормы – процесс постепенный и длительный. Описание доминирующих взглядов на перевод, характерных для конкретной эпохи, как правило, относится к какому-либо историческому периоду *в целом*, в то время как более узкий срез эмпирических данных зачастую представляет достаточно противоречивую картину. Так, например, исследование К. И. Таунзенд, выполненное на материале переводных текстов XVIII в., показало, что «русские переводные тексты того времени нельзя однозначно классифицировать в категориях буквализма или вольности по отношению к оригиналу, так как они сочетают в себе одновременно два противоречащих друг другу приема перевода – дословную передачу и свободную переработку исходного текста». По мнению автора диссертации, антиномия тактических решений русских переводчиков XVIII в. является демонстрацией «глубинной антиномичности и внутренней конфликтности национальной культуры России восемнадцатого столетия» [Таунзенд 2021, с. 10].

Кроме того, в истории перевода прослеживается и другая тенденция, связанная с тем, что выдающиеся переводчики разных времён часто придерживались своего собственного переводческого кредо, которое далеко не всегда согласовывалось с официальным мейнстримом. Достаточно вспомнить о переводческих принципах Иеронима Стридонского, который отдавал

предпочтение смысловому переводу, вызывавшему резкую отрицательную оценку его современников [Гарбовский, Костикова 2009]. Следует также отметить, что осмысление результатов перевода осуществлялось не только и не столько самими переводчиками, но и представителями образованной элиты, которые давали положительную или отрицательную оценку переводам в своих трактатах и письмах. Критическая направленность этих рассуждений часто сочеталась с нормативно-дидактической, что выражалось в многочисленных попытках сформулировать «правила хорошего перевода». Споры о сущности и методах переводческой деятельности между сторонниками «буквального» и «вольного» методов всегда имели большой общественный резонанс, а иногда приобретали и политическую остроту.

В какой-то степени можно говорить и о неизбежности существования различий в представлениях о «правильном переводе», поскольку последние основаны на определённых приоритетах и индивидуальных представлениях оценивающей стороны об онтологии и технологии перевода. Немаловажная объективная причина противоречивости в оценках переводчиков и критиков перевода заключается в том, что начало формирования теоретических взглядов на перевод было преимущественно связано с материалом сакральных текстов, а в новое время (с XVI – XVII вв.) – художественной литературы, т.е. текстов, открытых для интерпретации. Это означает, что расхождение взглядов переводчика и критика перевода, т.е. оценивающей перевод стороны, может начинаться уже на уровне восприятия и понимания текста оригинала. Более того, в истории перевода существуют многочисленные примеры того, как одни и те же переводы оценивались как удачные и как неудачные. Хрестоматийным примером является порой достаточно жёсткая полемика вокруг переводов Библии, а также оценка переводов классических произведений художественной литературы, относящейся к разным эпохам. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что попытка установления «правильной» или «неправильной» точки зрения оценивающей стороны на историческом материале как путь изучения сложного объекта представляется нам заведомо тупиковым, поскольку при таком подходе

теоретические взгляды рассматриваются в отрыве от контекста эпохи и соответствующей литературной традиции. Как известно, диалектика развития человеческих знаний заключается в том, что разработка новых концепций всегда осуществляется на основе отрицания предыдущих, а с течением времени – уже не столько отрицания, сколько переосмысления, а иногда и возврата к старому, но уже на другом уровне. Эволюция взглядов на перевод является наглядным тому свидетельством и предоставляет богатейший материал для исследователя: анализ различных и противоречащих друг другу концепций способствует формированию более глубокого и всестороннего представления об объекте исследования.

Ретроспективный взгляд на проблему оценки качества перевода позволяет сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с диалектическим единством постоянства и изменчивости. Постоянство заключается в главном принципе оценки переводов, доминирующем на протяжении всей истории: переводы оцениваются по принципу *соответствия/несоответствия конвенциональной норме*. Что касается последней, то доказательством её изменчивости является хорошо известный феномен смены парадигм, свидетельствующий в пользу того, что «правила перевода» не являются едиными и раз и навсегда установленными.

Таким образом, необходимость исследования диахронического аспекта проблемы ОКП объясняется не только малой изученностью доступного на сегодняшний день фактического материала. Включённые в научный обиход исторические документы, в которых зафиксированы результаты критического анализа переводов, представляют интерес по целому ряду причин. Прежде всего, данный аспект является интегральной составляющей проблемы оценки качества перевода в целом, поскольку владение исторической информацией во многом помогает дополнить наши знания о формировании традиций переводческой критики, которые не потеряли своего значения и сегодня. Анализ суждений оценивающей стороны, представленных в имеющихся на сегодняшний день документах, позволяет получить уточнённые данные об источниках и путях формирования переводческой нормы конкретного исторического периода. Кроме

того, изучение оценочных определений, которые использовались оценивающей стороной в критических отзывах (рецензиях), даёт представление о характерной для конкретной эпохи концептуализации понятий *правильный/неправильный перевод*. Анализ материала подобного рода позволяет выделить основные критерии оценки перевода, причём не столько формализованные, сколько понимаемые интуитивно. И, наконец, исследование фактического материала конкретного исторического периода позволяет получить представление об этической и интерпретационной позиции участников переводческого процесса [Княжева, Таунсенд 2023].

1.3.3. Теоретический аспект исследования проблемы оценки качества перевода

Теоретический аспект изучения проблемы ОКП предполагает обращение к общей теории перевода, согласно которой качество перевода «является доминирующей категорией переводоведения, с которой все прочие её категории связаны отношением субординации» [Сдобников, Петрова 2007, с. 199]. Данная проблема также является центральной и для таких переводоведческих дисциплин, как дидактика перевода, переводческое редактирование и критика перевода [Семко 2005, с. 36]. «Качество перевода является весьма важной, пожалуй, главной характеристикой на всех уровнях его функционирования: на уровне отдельного переводного текста... на уровне отдельного переводчика и на уровне целой переводческой организации [Убин, Пушнов 2011, с. 26]. Таким образом, вопрос о качестве перевода неизбежно возникает в связи с рассмотрением практически любой переводоведческой и переводческой проблемы, как теоретической, так и практической.

Как переводоведческая категория, качество перевода является сложным объектом исследования, сочетающим нормативно-теоретическую и аксиологическую стороны. Нормативно-теоретическое направление является последовательным продолжением исторической традиции, связанной с поиском «правил хорошего перевода». Впоследствии (в XX и XXI веках) эта тенденция получила развитие в виде формулирования требований или *норм перевода*,

содержание которых раскрывается не только в монографиях и научных статьях по теории данного вопроса, но и в учебных пособиях, ориентированных на подготовку переводчиков [Зайцев 2010; Комиссаров 1990; Латышев, Семёнов 2008; Полубоярова, Таунзенд 2024]. В настоящее время нормативные требования являются ориентиром как для самооценки переводчиком результата своей работы, так и основой экспертной оценки качества перевода, осуществляемой внешней стороной с профессиональных позиций.

Аксиологический аспект проблемы ОКП в той или иной мере освещается в теоретических и прикладных работах различного уровня, однако отметим, что на сегодняшний день существует крайне мало исследований по данной проблеме, о чём свидетельствует соответствующая статистика, иллюстрирующая тематику диссертационных работ за период с 2012 г. по 2022 г. Как отмечают М. В. Полубоярова и К. И. Таунзенд, из 131 кандидатских диссертаций только две работы посвящены оценке качества перевода [Полубоярова, Таунзенд 2023, с. 69]. Необходимость и перспективы исследований в этой области мы связываем с проблемой относительности и динамики переводческих норм, а также с проблемой границ перевода как предмета и объекта критического анализа. Это предполагает как углубленное изучение исследовательской парадигмы, в русле которой осуществляется оценка перевода, так и анализ переводческих решений в контексте реальной коммуникативной ситуации. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что негативная оценка системных и несистемных действий переводчика, представляющих собой нарушение или отход от переводческой нормы, сосуществует с признанием высокого уровня конкретных переводов, выполненных именно таким способом.

Таким образом, приходится констатировать, что в теоретическом отношении проблема оценки качества перевода разработана ещё недостаточно, что, в первую очередь, касается дефиниций данного термина, уязвимость которых мы продемонстрировали выше. Исходя из того, что предпринимаемое нами исследование ориентировано на разработку концепции оценки качества перевода, в качестве исходной позиции представляется целесообразным предложить

уточненные определения терминов *качество перевода* и *оценка качества перевода*. *Качество перевода может быть определено как совокупность характеристик результата перевода, относящихся к его способности удовлетворять обусловленные или предполагаемые потребности заказчика и/или конечного получателя*. Как известно, потребности в переводе могут быть обусловлены предметной деятельностью заказчика, производственной необходимостью, общественными и личными интересами конечного получателя и т.п. В свою очередь, *оценка качества перевода предполагает установление соответствия результата перевода предъявляемым требованиям, обусловленным его назначением*. В данном случае мы исходим из того, что нормативные требования к переводу являются основными ориентирами для переводчика и оценивающей перевод стороны, но при этом во главу угла ставится то, каким образом этот перевод будет использоваться его заказчиком или инициатором.

Нашим следующим шагом является введение разграничения между оценкой качества перевода, понимаемой как *результат* и оценкой качества перевода, понимаемой как *процесс*, который представляет собой целенаправленную интеллектуальную деятельность. В какой-то степени данное разграничение носит условный характер, поскольку оценка перевода интегрирована в сам переводческий процесс и поэтому «характер переводческой деятельности зависит от оценки этой деятельности и изменяется под влиянием оценки» [Сдобников 2015, с. 26]. Как и любая другая деятельность, перевод предполагает его оценку по умолчанию, которая также является и одним из результатов перевода. Однако в исследовательских целях указанное разграничение оказывается необходимым исходя из следующих соображений.

Оценка качества перевода, понимаемая как *результат*, отражает традиционный подход к изучению данной категории, который базируется на классических критериях эквивалентности и адекватности. При этом содержание данных понятий и соответствующих оценочных определений не является универсальным и, как было изложено выше, напрямую зависит от конкретной переводоведческой парадигмы. Это приводит к необходимости обращения к

вопросам, связанным с концептуальной основой оценочных подходов к переводу, проницаемостью границ между объективным и субъективным началом, между нормативными правилами и конкретными результатами. В силу этих обстоятельств по-прежнему дискуссионными остаются вопросы, касающиеся концептуальных и критериальных ориентиров оценки, на основе которых формируется оценочное суждение о качестве перевода.

Оценка качества перевода, понимаемая как *процесс*, представляет собой специфический вид интеллектуальной деятельности, в ходе которого формируется оценочное суждение. (Этому вопросу посвящена Глава 2 настоящей работы). Учитывая то, что наши рассуждения относятся к деятельности, осуществляемой человеком, отметим, что для оценки перевода характерно взаимодействие объективного и субъективного факторов. Более того, субъективность и даже противоречивость оценочной деятельности присуща ей онтологически, и по этой причине целесообразно не только признавать, но и исходить из влияния субъективного фактора на результат оценки переводов. В то же время, вполне очевидна и необходимость упорядочения этой деятельности на определенной структурной, методологической основе. Это позволяет не только до определенной степени «объективизировать» процесс оценки перевода, осуществляемой человеком, но и осознать предпочтения и приоритеты оценивающей стороны, в том числе и свои собственные. Для решения этой задачи определённый интерес представляют некоторые экспертные методы системного анализа, которые были изучены и апробированы нами в ходе настоящего исследования. (Данные вопросы рассматриваются в Главе 3 настоящей работы).

1.3.4. Практический аспект изучения проблемы оценки качества перевода

Практический аспект изучаемой проблемы ориентирован на анализ реальных ситуаций, связанных с формированием оценочного суждения. Несмотря на то, что требования к различным видам перевода прописаны в нормативных документах, критериальная и процессуальная стороны оценочной деятельности, определяющие конечный результат, требуют самого пристального внимания исследователей.

Исходя из того, что перевод оценивают лица, находящиеся как внутри, так и вовне переводческого процесса, прежде всего, необходимо провести разграничение между оценкой профессиональной, которая осуществляется представителями учебной и индустриальной сфер перевода, и оценкой непрофессиональной, осуществляемой представителями широкой общественности. И если критерии и параметры профессиональной оценки в определённой степени формализованы, то в ситуации непрофессиональной оценки они являются результатом деятельности обыденного сознания и в силу этого основаны на наивных представлениях о «хорошем» и «плохом» переводе.

Во многих исследованиях, затрагивающих проблему оценки качества перевода, речь традиционно идёт о профессиональной оценке, а в фокусе внимания, в основном, находятся оценочные критерии, в отношении которых сегодня существуют два диаметрально противоположных подхода. В соответствии с первым, речь идёт о необходимости создания некоего универсального списка, в соответствии со вторым, высказывается мнение о необходимости соотнесения критериев с характером конкретного материала и конкретным видом переводческой ситуации. Исходя из жанрового многообразия исходного материала, а также из различных вариантов использования материала переводного, существование универсального набора критериев представляется весьма проблематичным. Однако, на наш взгляд, в данном случае возможно достижение определённого компромисса за счёт разграничения общих и частных критериев. К общим критериям мы относим содержательные, языковые и презентационные критерии, являющиеся, на наш взгляд, универсальными. Частные критерии, напротив, вариативны, а их «список» является открытым, что становится всё более очевидно в связи с появлением таких новых сфер и видов перевода, как аудиовизуальный перевод, тифлокомментирование, а также перевод и локализация сайтов, программного обеспечения и компьютерных игр.

Как и в случае с критериями оценки, вопрос о *параметрах* оценки перевода является своеобразной точкой пересечения практического и теоретического аспектов проблемы оценки качества перевода. Но если говорить именно о

практической стороне оценки перевода, то к данным параметрам можно отнести переводческую стратегию и соответствующие ей тактики, реализуемые на уровне конкретных переводческих решений. Отметим, что на сегодняшний день доминирует анализ так называемых отрицательных результатов перевода, т.е. переводческих ошибок, классификации и типологии которых являются достаточно разработанными [Гарбовский 2004; Григорьева 2005; Дебрени 2007; Княжева 2011; Княжева 2017; Куниловская 2013; Сдобников 2007]. Удачные и нестандартные переводческие решения анализируются в основном в исследовательских работах, выполненных в русле переводческой критики [Воронина 2012; Гарбовский 2004; Жуковский 1985; Левый 1974; Лилова 1992; Чуковский 2001; Таунсенд 2020]. Наряду с этим мы выделяем и своего рода «серую зону», которая представлена *вынужденными* переводческими решениями, представляющими несомненный исследовательский интерес.

Как мы уже отмечали выше, существенное влияние на переводческое решение оказывают объективные и субъективные факторы, к которым традиционно относят расхождения в системах исходного и переводящего языков и уровень профессиональных знаний и умений переводчика. Однако далеко не меньшую роль играет вид и характер конкретной коммуникативной ситуации, в которой осуществлялся перевод, что, на наш взгляд, напрямую связано со степенью свободы переводчика от ограничений, накладываемых особенностями языковой системы и спецификой принимающей культуры. Как справедливо указывает А. В. Павлова, под влиянием вышеперечисленных факторов ситуация может складываться так, что у переводчика отсутствует альтернатива [Павлова 2012]. Одним из ярких примеров, которые приводит автор, является перевод названия пьесы О. Уайльда «The Importance of Being Earnest» – «Как важно быть серьёзным». С формальных позиций данный перевод крайне неудачен, так как здесь не передана игра слов, функционально значимая для содержания пьесы. Однако, учитывая безальтернативность переводческого решения, следует признать, что переводчик сделал максимум возможного [Там же]. Кроме того, с точки зрения Н. К. Гарбовского, в результате влияния языковых и внеязыковых факторов

принятие переводческого решения может не только допускать, но и требовать *осознанного* искажения какого-либо параметра текста, связанного с решением переводческой сверхзадачи [Гарбовский 2004, с. 513]. (Проблема параметров оценки качества перевода рассматривается в Главе 2 и Главе 4 настоящей работы).

Непрофессиональная оценка является одним из наименее изученных сторон проблемы оценки качества перевода. Одной из причин является то, что наивные взгляды на перевод и оценку его результатов часто не принимаются всерьёз представителями профессиональной сферы. Однако парадоксальность данной ситуации заключается в том, что в современной теории перевода мнение получателя рассматривается в качестве одного из ключевых параметров оценки [Найда1978; Кашкин, Княжева 2010; Сдобников 2015 а; Сдобников 2015 б]. Таким образом, недостаточная изученность проблемы концептуализации качества перевода носителями обыденного сознания объясняется как отсутствием широкого исследовательского интереса в профессиональной среде, так и тем, что материал для изучения наивной оценки перевода стал доступен сравнительно недавно благодаря возникновению и развитию «средств обратной связи» – блогосферы и интернет-форумов. Однако сегодня можно говорить о достаточно репрезентативном материале, иллюстрирующем реакцию конечных получателей, который относится к сфере индустрии развлечений, и прежде всего, аудиовизуальном переводе и переводе компьютерных игр. Отметим, что оценка специалиста как представителя профессиональной сферы и непрофессиональная оценка конечного получателя как представителя общества или «пользователя» могут как совпадать, так и не совпадать. Кардинальные расхождения в оценках одних и тех же переводов можно наблюдать на примере перевода художественного и аудиовизуального перевода, когда зрители и читатели принимают перевод, который получил негативную оценку специалистов, или наоборот – перевод, высоко оцененный критикой, не приняли читатели или зрители. Ярким примером первого является перевод сериала «Теория большого взрыва», осуществлённый студией «Куражбомбей». Примером второго – переводы романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», выполненные В. О. Станевич и И. Г. Гуровой.

Весьма показательна ситуация с непрофессиональной оценкой перевода, которая складывается в игровой индустрии, для которой характерна ярко выраженная ориентация на пользователя, реализуемая в разнообразных средствах обратной связи: форумах, онлайн-трансляциях, прохождении, обзорах. Например, одна из крупнейших компаний по локализации игр Allcorrect Game Localization регулярно проводит опросы пользователей, касающиеся общих предпочтений респондентов, а также оптимального для них уровня локализации, включающего не только вербальный текст, но и графику, а также качество озвучивания. Полученные сведения, касающиеся, в том числе, и обнаруженных пользователями ошибок, используются для оптимизации последующих версий.

С исследовательских позиций анализ когнитивных и процедурных представлений носителей обыденного сознания и сравнение этих данных с профессиональной оценкой качества перевода представляет вполне очевидный интерес, так как позволяет судить о степени соответствия «научной» и «наивной» парадигмы, а также системе приоритетов, характерных для профессиональной и / или непрофессиональной среды.

Выводы по Главе 1

Общее понятие *качество* относится к разряду аксиологических категорий, по умолчанию предполагающих оценку. К основным объектам оценки относятся *оценка продукта*, т.е. результата деятельности; *оценка исполнителя*, т.е. уровня квалификации лица, осуществляющего деятельность; и *оценка процесса деятельности*. В зависимости от поставленной задачи в каждом конкретном случае оценивается, определяется или измеряется либо качество конечного продукта, либо качество организации процесса, либо уровень и компетентность исполнителя, причём данные аспекты взаимосвязаны.

Содержание понятия *качество перевода* отражает различные уровни абстракции, поскольку данный термин может трактоваться как оценочный показатель и как аксиологическая переводоведческая категория. Основными оценочными критериями качества перевода, которые традиционно используются в нормативной теории, являются *эквивалентность* и *адекватность*, понимание которых обусловлено конкретной переводоведческой парадигмой.

Существующие концепции переводческой эквивалентности объединяет мысль о тождественности исходного и переводного текстов как главного критерия качества перевода. Каждая из этих концепций, отражая различные аспекты переводческой деятельности, представляет собой попытку исследователя выяснить, *что* представляет собой эта тождественность и *каким образом* она обеспечивается. Это соответствует пониманию перевода как *языкового* посредничества, цель которого в принципе и отождествляется с достижением эквивалентности.

Анализ практического опыта, т.е. конкретных результатов перевода, свидетельствует о том, что его успешность обеспечивается воспроизведением прагматического потенциала исходного сообщения и обеспечением прагматической ценности перевода. Это достигается даже при несоблюдении эквивалентности, а во многих случаях – именно благодаря отходу от семантико-структурного параллелизма. Поэтому наиболее универсальной характеристикой

качества перевода является *адекватность*, несмотря на то, что использование данного термина осложняется чрезвычайно широким спектром его интерпретации в современной теории.

Отрицательные оценочные коннотации термина *буквальный перевод* реализуются в контекстах, связывающих буквальный перевод с низкой квалификацией исполнителя. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о *единице критического анализа*, от решения которого во многом зависит конструктивность оценки качества перевода. Граница между выбором стратегии и конкретным переводческим решением вполне очевидна, однако её проницаемость нередко является источником проблем для оценивающей стороны. Иллюстративный материал, содержащийся в классических работах, включает в основном частные случаи, т.е. буквальный перевод фразеосочетаний, идиом, пословиц и поговорок. Прецеденты осознанного использования буквального перевода как *стратегии* или *метода*, направленного на точное воспроизведение формы, встречается гораздо реже.

Оценочная позиция авторов классических работ по теории перевода относительно *вольного перевода* художественного и поэтического текста варьируется от ярко выраженной негативной оценки до признания его предпочтительности. В результате вольного перевода исходный текст претерпевает весьма значительные изменения, что приводит к размыванию границы между *первичным* и *вторичным* текстом. Данный феномен непосредственно связан с вопросом о степени допустимости отхода от исходного, т.е. первичного текста и имеет прямое отношение к пониманию сущности перевода, его общественного предназначения и переводческой этики. Вместе с тем, вольные переводы и переложения могут приобретать свою собственную значимость в принимающей культуре, литературе и языке, которая равноценна значимости исходного текста.

Сопоставление понятий *оценка качества перевода* и *критика перевода* свидетельствует о том, что термин *оценка качества перевода* распространяется практически на все сферы переводческой деятельности. В европейской традиции ситуация с содержательным наполнением данного термина более детализирована

и в поле зрения оказываются такие аспекты оценки, как *процесс перевода*, *результат перевода*, и *качество оказания переводческой услуги*. Контроль качества перевода также включает и *оценку исполнителя*, т.е. уровень квалификации переводчика. Термин *критика перевода* обозначает раздел теории перевода, занимающийся критическим анализом художественного перевода, в центре внимания которого находятся литературные произведения, представляющие особую историческую или художественную ценность.

Оценка качества перевода является не только чисто практической задачей. Как научная проблема оценка качества перевода относится к категории сложных или многоаспектных объектов исследования. Всестороннее описание данной проблемы предполагает выделение исторического, теоретического и практического аспектов, которые объединяет наличие общего предмета, т.е. перевода, и общий подход, в основе которого усматривается принцип установления соответствия конвенциональной норме, требованиям и предназначению перевода.

Необходимость исследования диахронического аспекта изучаемой проблемы связана с тем, что данный аспект является интегральной составляющей проблемы оценки качества перевода. Изучение критических отзывов о переводе на материале исторических документов позволяет получить представление о характерной для конкретной эпохи концептуализации понятий *правильный/неправильный перевод*, об этической и интерпретационной позиции участников переводческого процесса и основных критериях оценки перевода, во многом понимаемых интуитивно.

Теоретический аспект исследования проблемы оценки качества перевода ориентирован на критическое осмысление состояния науки в данной области. Расхождения в позициях переводчиков, критиков перевода и его конечных получателей обусловлены влиянием субъективного фактора, что характерно для любой оценочной деятельности, осуществляемой человеком. Вместе с тем это не исключает возможности установления определённых закономерностей, поскольку субъективность оценки качества перевода имеет вполне объективную природу, связанную с личностью оценивающей стороны и характером конкретной коммуникативной ситуации, в которой осуществляется оценка.

Практический аспект проблемы оценки качества перевода ориентирован на анализ реальных ситуаций, связанных с формированием оценочного суждения. Исходя из того, что перевод оценивают лица, находящиеся как внутри, так и вовне переводческого процесса, очевидна необходимость разграничения между оценкой профессиональной, которая осуществляется представителями учебной и индустриальной сфер перевода, и оценкой непрофессиональной, осуществляемой представителями широкой общественности. И если критерии и параметры профессиональной оценки в определённой степени формализованы, то в ситуации непрофессиональной оценки они являются результатом деятельности обыденного сознания и в силу этого основаны на наивных представлениях о «хорошем» и «плохом» переводе.

Глава 2. Моделирование процесса оценки качества перевода

В предыдущей главе настоящей работы мы неоднократно отмечали, что в теоретическом отношении изучение проблемы оценки качества перевода осложняется разбросом мнений в плане концептуального наполнения оценочных терминологических определений. В области практической ситуация складывается так, что одни и те же переводы могут получать разную оценку, что наблюдается не только в синхронии, но и в диахронии, где различия в конвенциональной норме перевода наиболее очевидны. Таким образом, вполне закономерным результатом традиционного подхода к проблеме оценки качества перевода как к результату является весьма неоднородная картина, как было показано в предыдущей главе.

Поиск ответов на многие вопросы мы видим в изучении оценки качества перевода как *процесса интеллектуальной деятельности*, в ходе которого принимается решение о качестве перевода. Исследование деятельностного аспекта данной проблемы предполагает выявление основных этапов оценочной деятельности в области перевода и описание тех факторов, которые оказывают определяющее влияние на формирование оценочного суждения. Мы также полагаем, что обращение к деятельностному аспекту способствует снятию ряда противоречий, неизбежно возникающих при изучении эмпирического материала. Исходя из того, что процесс интеллектуальной деятельности скрыт от непосредственного наблюдения, одним из способов её исследования можно считать метод моделирования, который позволяет осуществить описание и анализ структуры данного вида деятельности. В качестве эксперимента нами был использован метод структурно-функционального моделирования, позволяющий отображать основные этапы и действия субъекта оценки в процессе принятия решения.

2.1. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности

В соответствии с теорией деятельности, основы которой были разработаны Л. С. Выготским [Выготский 2005], А. Н. Леонтьевым [Леонтьев 1975] и

С. Л. Рубинштейном [Рубинштейн 2008], любая деятельность понимается как способ взаимодействия человека с окружающим миром. Именно человек как субъект деятельности может ставить цели и задачи, планировать свою деятельность, выбирать средства для ее осуществления и вносить необходимые коррективы. Согласно определению С. Л. Рубинштейна, *деятельность* понимается как совокупность любых действий, направленных на достижение поставленных целей. В настоящее время под данным термином подразумевается любая осмысленная активность субъекта, в качестве которого может выступать как физическое, так и юридическое лицо [приводится по: Воронин, 2006].

Что касается *интеллектуальной* деятельности, то она соотносима с такими близкими понятиями в области психологии, как «мышление», «мыслительная деятельность», «умственные действия», «процесс решения задач», которые предполагают процессуальное рассмотрение. Согласно П. Я. Гальперину, мышление относится к ориентировочно-исследовательской деятельности субъекта, которая осуществляется при решении интеллектуальных задач и направлена на обследование проблемной ситуации и планирование поведения [Гальперин 1998]. С позиций процессуального подхода, реализуемого в работах О. В. Тихомирова [Тихомиров 1969] и А. В. Брушлинского [Брушлинский 1984], мышление также понимается как деятельность, принципиально сходная с практической в структурном отношении.

Процессуальный подход к изучению деятельности ориентирован на выделение общих структурных компонентов, к которым относятся регулирующие мотивы, цели, задачи и отдельные самостоятельные действия, направленные на достижение цели [Брушлинский, 1984]. Таким образом, общая структура деятельности отображает процесс достижения конечного результата, что можно представить с помощью следующей блок-схемы:

рассматривается как результат интеллектуальной деятельности субъекта, обусловленный взаимным влиянием компонентов рассматриваемой структуры.

На наш взгляд, потребность в оценке перевода связана с необходимостью получения результата, который способен обеспечить эффективное осуществление переводческой деятельности. На основе этой потребности формируется *мотив*, однако в сложных видах деятельности, к которым, безусловно, относится оценка перевода, обычно присутствует не один мотив, а несколько. В данном случае выявление мотивов связано с профессиональными задачами преподавателя перевода, редактора или менеджера переводческого проекта, исследовательскими интересами переводоведа, а также и личными потребностями и интересами конечного получателя.

Что касается *цели* оценочной деятельности, то её общая формулировка всегда требует уточнений, поскольку оценка качества перевода может быть встроена в процесс обучения переводчиков или в производственный процесс, ориентированный на доведение переводческого продукта до готовности. Цель оценки перевода может быть также связана с исследовательской деятельностью специалистов, причём не только в области перевода, но и в области лингвистики. И, наконец, цель оценки перевода в лице его конечного получателя может быть обусловлена как производственными задачами, связанными с приёмкой конкретного заказа, так и потребностью общения, в том числе и в социальных сетях. Вполне очевидно, что для достижения цели оценочной деятельности её субъекту требуется осуществить ряд промежуточных шагов, состоящих из решения конкретных задач. В области оценочной деятельности к таким задачам мы относим *выбор метода, критериев и параметров* оценки. В процессе достижения поставленной цели субъект оценочной деятельности использует необходимые средства, приёмы и способы действия. В нашем случае речь может идти как о внешних, т.е. технических и/или информационных средствах, так и внутренних, т.е. о таких компонентах деятельности субъекта, как знания, умения, навыки, программы действий, понятия и т.п. [Душков, Королёв, Смирнов 2005]. В данном случае многое зависит от того, какой метод оценки перевода используется

субъектом, формируется ли оценочное суждение на основе сопоставительного анализа исходного и переводного текстов по конкретным оценочным критериям и параметрам анализа, или же это осуществляется на интуитивной основе. Конкретное наполнение перечисленных компонентов обуславливает содержание и формат *конечного результата* оценочной деятельности, который может быть представлен как в вербальной, так и в невербальной форме.

2.2. Моделирование оценочной деятельности в области перевода

Исходя из того, что процесс интеллектуальной деятельности, в отличие от её результата, скрыт от непосредственного наблюдения, одним из способов её изучения и описания является метод моделирования, прекрасно зарекомендовавший себя в исследованиях реальных процессов и объектов. Сильная сторона данного метода заключается в том, что один и тот же объект может быть представлен целым рядом различных моделей, отражающих какой-либо аспект или же наиболее важные качества и характеристики данного объекта или процесса. Как справедливо отмечает П. П. Дашинимаева, задача моделирования изучаемой деятельности является одной из главных целей современной гуманитарной науки, которая заключается в том, чтобы «придать ненаблюдаемой деятельности понятный и прозрачный характер» [Дашинимаева 2017 с. 121].

В теории, практике и дидактике перевода метод моделирования используется достаточно давно и весьма плодотворно, что оказалось возможным благодаря разграничению понятия перевода на *процесс* и *результат*. Попытки исследователей проникнуть в онтологию переводческой деятельности получили отражение в огромном разнообразии моделей, разработанных на основе лингвистического, психолингвистического, структурно-функционального и коммуникативно-функционального подходов. В качестве иллюстрации данного тезиса достаточно упомянуть труды таких отечественных учёных, как Л. С. Бархударов (1975), Н. К. Гарбовский (2004), Н. Н. Гавриленко (2019), П. П. Дашинимаева (2009; 2017), В. Б. Кашкин (2002), В. Н. Комиссаров (1990),

З. Д. Львовская (2008), Ю. Н. Марчук (1985; 2010), А. Г. Минченков (2008), Р. К. Миньяр-Белоручев (1980), И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг (1964), А. Д. Швейцер (1988). Принципы моделирования также широко используются в работах зарубежных переводоведов, к которым относятся труды М. Бэйкер (2011), Ж. Вине и Ж. Дарбельне (1978), О. Каде (1978), Дж. Катфорда (2004), Ю. Найды (1964), М. Снелл-Хорнби (1995; 2006).

Однако здесь необходимо подчеркнуть, что в подобных случаях речь, как правило, идёт о моделировании *перевода*, который и является объектом описания и изучения. Что касается *оценки* качества перевода, то до настоящего времени она не рассматривалась в качестве объекта моделирования, поскольку деятельностный аспект проблемы оценки качества перевода ранее не анализировался как самостоятельный.

Повторим, что в нашем случае объектом моделирования является оценочная деятельность в области перевода, которая осуществляется с определённой целью и в определённых условиях. На каждом из этапов данной деятельности ставятся конкретные задачи, решение которых требует выполнения определённых действий, что, как мы указывали выше, в целом соответствует теории деятельности, представленной в трудах А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, указанных выше.

Разработанная нами общая модель оценочной деятельности в области перевода [Княжева 2024a] строится в виде иерархической структуры и имеет следующий вид:

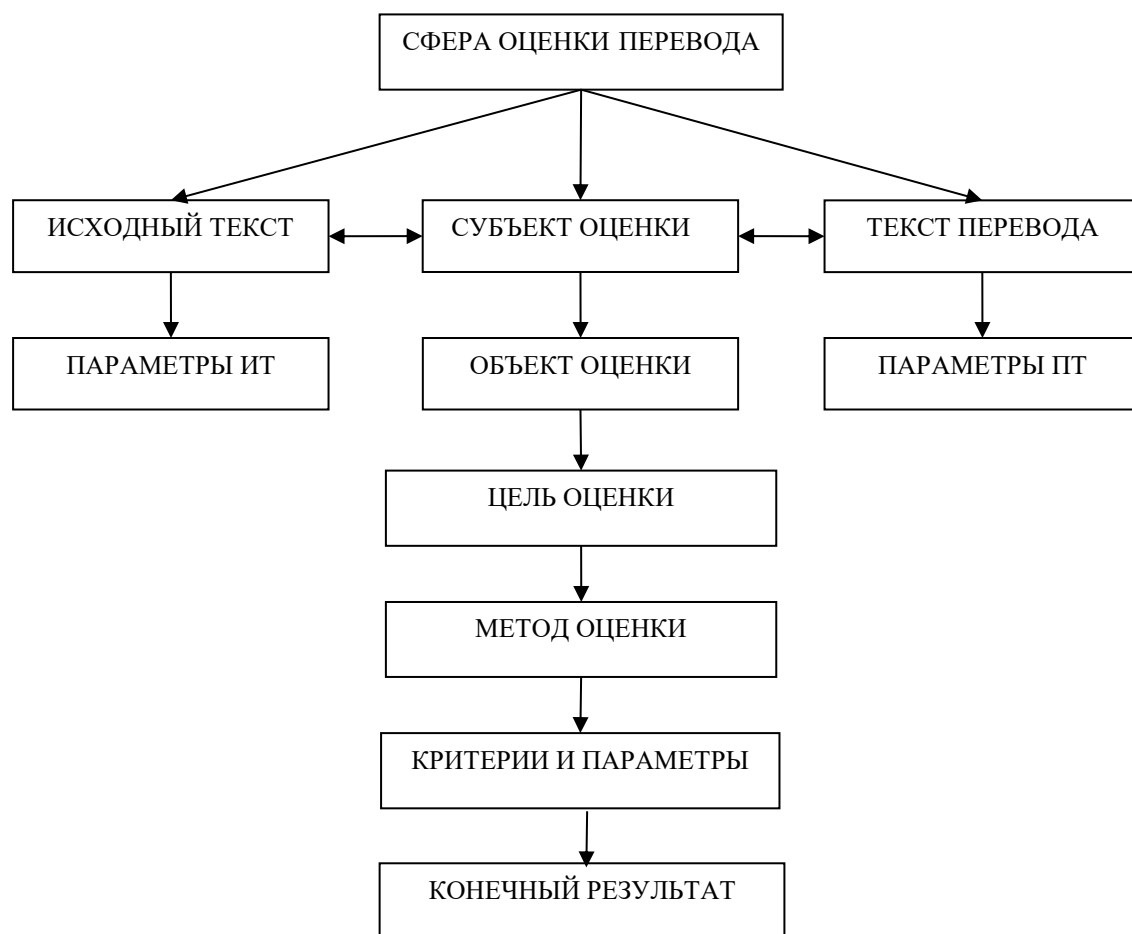

Рис. 2.2. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности:
общая модель

В верхней позиции нашей блок-схемы расположен компонент *сфера оценки*, который играет детерминирующую роль в процессе оценочной деятельности, поскольку именно сфера профессиональной деятельности обуславливает конкретное наполнение таких компонентов модели, как субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии и параметры. В своей совокупности перечисленные компоненты данной модели определяют содержание и формат конечного результата. На сегодняшний день мы выделяем *учебную сферу оценки перевода*, которая ориентирована на подготовку будущих переводчиков, *индустриальную сферу оценки перевода*, включающую работу профессиональных переводческих компаний и агентств, и *научно-исследовательскую сферу оценки перевода*,

связанную с деятельностью теоретиков и критиков перевода. Однако реальность такова, что оценка перевода осуществляется также и с непрофессиональных позиций в лице его конечных получателей, что позволяет говорить об *общественной сфере оценки перевода*, которая стала доступной для наблюдения благодаря развитию интернет-коммуникации. Необходимо также отметить, что оценка качества перевода является неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, однако при этом сфера перевода и сфера оценки перевода отнюдь не тождественные понятия. Профессиональный перевод осуществляется, в первую очередь, представителями переводческой отрасли, т.е. индустриальной сферы, а перевод учебный практикуется в процессе обучения будущих переводчиков. Исходя из современных реалий, можно также выделять и сферу любительского или непрофессионального перевода, которым занимаются ради собственного удовольствия или развлечения. При этом оценку и профессионального, и любительского перевода могут осуществлять как конечные получатели, так и переводоведы, т.е. представители разных сфер оценки. Исходя из того, что в этих случаях оценка будет осуществляться с разных позиций и точек зрения, расхождения в результатах оценки будут в какой-то степени ожидаемы [Сдобников, 2015а].

В различных коммуникативных ситуациях с участием перевода *субъектом оценки* оказываются представители индустриальной, учебной, научно-исследовательской или общественной сфер перевода. Таким образом, оценка перевода осуществляется как *специалистами*, так и *неспециалистами*, т.е. представителями широкой общественности, к которым относятся конечные получатели перевода, а в некоторых случаях – его инициаторы или заказчики. Это уточнение является существенным, так как данные факторы определяют уровень оценки – профессиональный или непрофессиональный, от которого во многом зависит её цель и методы или способы, а также характер используемых критериев – формализованных или же понимаемых интуитивно. Следовательно, система приоритетов субъекта оценки, формирующая его подход к оцениванию перевода, во многом определяется его профессиональной или предметной деятельностью.

Если *субъектом оценки* является специалист в области перевода, то результат его оценочной деятельности, во-первых, обусловлен научной парадигмой (лингвистической, коммуникативно-функциональной, дискурсивной и т.д.), «носителем» которой он является, а во-вторых, интерпретационной позицией по отношению к конкретному исходному материалу, которая формируется на основе теоретических знаний, практического опыта и вкусовых предпочтений субъекта. Непрофессиональная оценка основана на субъективных представлениях оценивающей стороны о переводе в целом и его конкретном результате, который устраивает или не устраивает данного субъекта. Заказчик, который, как правило, не является специалистом в области перевода, оценивает переводческий продукт на основе соответствия или несоответствия своим ожиданиям и предъявляемым требованиям, а также и конкретному назначению перевода. Что касается конечного получателя, т.е. «потребителя» переводческого продукта, то в данном случае оценка обусловлена его субъективными потребностями, представлениями и ожиданиями [Княжева, Зюзина 2011].

Следует также упомянуть и о том, что в зависимости от сферы перевода субъекты профессиональной и непрофессиональной оценки могут осуществлять как оценку промежуточную, так и оценку конечную. В сфере индустриального перевода субъектами промежуточной оценки являются представители профессиональной среды, т.е. сами переводчики, редакторы и менеджеры переводческих проектов, а субъектами конечной оценки – представители непрофессиональной среды, т.е. заказчики и конечные получатели. В учебной сфере наблюдается прямо противоположная ситуация. Промежуточная оценка учебного перевода, по сути, является самооценкой и осуществляется его исполнителями, т.е. студентами, которые пока ещё не являются специалистами в области перевода, в то время как конечная оценка учебного перевода осуществляется уже представителями профессиональной среды, т.е. преподавателями [Княжева 2023].

Объектом оценки, на который направлена интеллектуальная деятельность субъекта, является конкретный результат перевода, однако в каждой из

выделенных нами сфер оценочной деятельности прослеживаются определённые традиции. Представители индустриальной сферы, как правило, не занимаются оценкой учебного перевода за теми редкими исключениями, когда их привлекают для участия в экспериментальных исследованиях или каких-либо совместных проектах с учебными заведениями, занимающимися подготовкой переводчиков. Поэтому здесь можно говорить и о некоторой пограничной зоне – оценке переводов, выполненных студентами старших курсов на производственной практике, а также выпускников переводческих отделений, переводы которых оценивают представители переводческих компаний при приёме на работу. В учебной сфере объектом оценки является материал самой разнообразной тематики и жанров, выбор которого осуществляется преподавателем в зависимости от конкретных учебных задач. Представители научно-исследовательской сферы, к которым относятся лингвисты и переводоведы, также работают с практически ничем не ограниченным материалом. Подчеркнём, что, как и в учебной сфере, объектом оценки могут быть результаты профессионального, учебного или любительского перевода, а сегодня и перевода машинного. Однако объектом переводческой критики как раздела теории перевода традиционно является перевод произведений художественной литературы, обладающих особой художественной и исторической ценностью [Княжева 2024, с. 109-110].

В ситуации профессиональной оценки перевода в зоне внимания оказываются типологические характеристики объекта оценки (результата перевода), которые влияют на отбор и рейтинг оценочных критериев. К ним относятся: 1) канал коммуникации (устный / письменный перевод); 2) речевой жанр, понимаемый в соответствии с концепцией М. М. Бахтина [Бахтин 1986]; 3) место и время осуществления данного перевода, т.е. его хронотоп; 4) цель данного перевода; 5) выбор и реализация переводческой стратегии, соответствующей цели перевода [Княжева 2017, с. 175-176].

Как и любая другая деятельность, оценка качества перевода осуществляется с определённой *целью*, причём представители учебной, индустриальной, научно-исследовательской и общественной сфер видят её по-разному. В индустриальной

сфере оценка осуществляется с целью определения готовности конечного продукта и его соответствия техническому заданию, но помимо этого оценка также может осуществляться и с целью определения уровня исполнителя. В последнем случае цель оценки заключается в контроле и обеспечении качества, которые практикуются в переводческих компаниях. Цель оценки в учебной сфере является дидактической, поскольку она напрямую связана с установлением степени сформированности необходимых переводческих компетенций на разных этапах обучения. В научно-исследовательской сфере цель оценки перевода обусловлена задачами конкретного исследования, которое может проводиться как в области перевода, так и в области лингвистики.

Что касается цели оценки перевода в общественной сфере, то, как мы уже отмечали выше, наблюдаемая здесь картина достаточно неоднородна. Тем не менее, на сегодняшний день можно выделить следующие основные тенденции. Цель оценки в лице заказчика перевода или его представителя связана с производственной необходимостью принять работу. Цель оценки переводческого продукта со стороны конечного получателя достаточно часто обусловлена потребностью общения, что наблюдается, например, при обсуждении переводных кинофильмов или сериалов в социальных сетях. Вместе с тем, одним из движущих мотивов конечного получателя оценить перевод может быть и стремление реально улучшить результат перевода, что наиболее ярко представлено в ситуациях оценки перевода компьютерных игр, осуществляемой в лице их пользователей. И, наконец, цель конечного получателя оценить перевод может быть также обусловлена потребностью самореализации в процессе общения на интересующую его тему [Там же].

В ситуации профессиональной оценки перевода субъект оценки, как правило, следует определённому *методу*, который применяется в силу сложившихся в той или иной сфере традиций и представляет собой конкретные действия или их последовательность [Там же, с. 111]. В настоящее время в целях оценки переводов применяются традиционные, измерительные и экспериментальные методы, причём традиционные методы, основанные на сопоставлении исходного и переводного

текстов и анализе результата перевода, являются достаточно востребованными во всех сферах перевода, за исключением общественной. Как уже было отмечено в предыдущей главе, сегодня также возрастает интерес к измерительным и экспериментальным методам оценки переводов, что особенно характерно для индустриальной и научной сферы перевода. С нашей точки зрения, следование определённому методу при оценке переводов задает общую направленность процедуре оценки, принципам подхода к объекту оценки (конкретному результату перевода) и характеру интерпретации полученных результатов.

Следование методу также предполагает использование определённых оценочных *критериев*, на основе которых проводится анализ результата перевода. Мысль о том, что отбор и определение приоритетности критериев оценки во многом обусловлены особенностями письменной и устной коммуникации и жанровой принадлежностью исходного текста, является в настоящее время общепризнанной. Однако это утверждение можно считать справедливым только в тех случаях, когда целью перевода является воспроизведение исходного содержания в наиболее полной форме с сохранением исходного формата текста. Отметим, что в реальной практике цель перевода далеко не всегда представлена эксплицитно. По умолчанию она заключается в создании коммуникативно-функционального аналога исходного текста или же обусловлена конкретной коммуникативной ситуацией перевода и по этой причине является интуитивно понятной. В других случаях цель формулируется инициатором или заказчиком перевода в техническом задании на перевод [Княжева, Боровкова, 2021].

Здесь необходимо уточнить, что данное положение относится к переводу текстов специальной сферы. Что же касается художественного перевода, то здесь речь может идти о неформальной издательской установке, т.е. о неких особых пожеланиях заказчика и / или издателя. Переводчик также следует общим нормативным требованиям, однако основные приоритеты всё-таки устанавливаются в соответствии с требованиями заказчика. В учебной сфере критерии оценки главным образом основаны на классических нормативных требованиях к переводу, а также на прогнозируемых параметрах объекта оценки,

обусловленных такими объективными факторами, как канал коммуникации, речевой жанр, хронотоп, цель перевода. Кроме того, немаловажную роль играют и факторы субъективные, к которым относятся интерпретационная позиция и вкусовые предпочтения субъекта оценки. В научной сфере основой для отбора оценочных критериев является научная парадигма, носителем которой является исследователь, а в некоторых случаях и собственная теоретическая концепция автора. В общественной сфере критерии в основном понимаются интуитивно и основаны на индивидуальных представлениях о «хорошем переводе» как идеальном эталоне. Таким образом, выбор оценочных критериев обусловлен комплексом всех рассмотренных выше позиций: сферой оценки, её субъектом и целью, релевантными характеристиками объекта оценки и методом [Княжева 2023 б].

Вопрос о *параметрах* оценки качества перевода, на первый взгляд, лежит на поверхности, так как в традиционном понимании оценка качества перевода основана на квалификации и определении веса (т.е. степени критичности) допущенных переводческих ошибок, а также на подсчёте их количества. Действительно, переводческие ошибки представляются достаточно универсальным инструментом во всех рассмотренных выше сферах перевода, включая общественную. Однако в настоящее время существуют различные подходы к анализу ошибок, что, на наш взгляд, связано с приоритетами, характерными для конкретной сферы [Княжева 2023 а, с. 150-212].

При использовании данного параметра неизбежно возникает вопрос о том, что именно понимается под переводческой ошибкой и какого рода ошибки являются наиболее критичными в каждом конкретном случае. Причины, характер и степень критичности переводческих ошибок получили достаточно подробное освещение в работах Е. В. Аликиной, Д. М. Бузаджи, Н. К. Гарбовского, М. Дебрэнн, Ю. В. Красикова, М. А. Куниловской, О. В. Петровой, В. В. Сдобникова, А. Б. Шевнина [Аликина 2011; Бузаджи, Гусев, Ланчиков, Псурцев 2009; Гарбовский 2004; Дебрэнн 2007; Красиков 1980; Куниловская 2013; Петрова 2016; Сдобников 2007]. По нашему мнению, существенные различия в

предлагаемых типологиях связаны как со спецификой того материала, на котором выстраивалась та или иная классификация (художественный или информативный перевод), так и с подходом к анализу переводческих ошибок – чисто лингвистическим, переводоведческим, редакторским или же дидактически ориентированным. Кроме того, помимо переводческих ошибок как отрицательных результатов перевода, в зоне внимания переводоведов и преподавателей перевода также оказываются и удачные переводческие решения. Если же говорить о переводе индустриальном, то здесь мы выделяем ещё и своеобразную «серую зону», представленную *вынужденными* переводческими решениями. Вопрос об отрицательных результатах перевода рассматривается в Главе 4 настоящей работы.

Результат оценочной деятельности традиционно представляет собой оценочное суждение, представленное в определённом формате, который напрямую зависит от всех компонентов структуры оценочной деятельности, представленной выше на Рис. 2.2. Содержание и формат конечного результата обусловлены целевыми, нормативными и ситуативными факторами, относящимися к сфере деятельности, в которой осуществляется оценка. Немаловажную, если не критическую роль играет и то, каким образом принималось оценочное решение, т.е. осуществлялась ли эта деятельность на основе анализа (что характерно для оценки профессиональной) или же в большей степени интуитивно (что наблюдается в ситуации непрофессиональной, или потребительской, оценки) [Княжева 2024].

В сфере учебного перевода оценка может иметь как вербальную форму, представляющую собой суждение преподавателя о результате перевода, так и форму оценки в баллах. В индустриальной сфере оценка также может осуществляться вербально, однако результат оценки может быть также представлен в виде таблицы Excel, включающей фрагменты исходного текста, результаты редакторской правки и квалификацию допущенных переводчиком ошибок. В переводческих компаниях, где регулярно практикуется внутренний аудит, результаты оценки оформляются в виде письменного заключения, имеющего достаточно жесткий формат. Помимо этого некоторыми фирмами

практикуется экспертная оценка чужого перевода в виде экспертного заключения, которое может быть заверено нотариально. В научно-исследовательской сфере конечный результат оценочной деятельности может быть представлен в виде доклада, статьи, монографии или фрагмента научной работы.

Результаты наших наблюдений мы представили в сводной таблице 2.1. Компоненты структуры оценочной деятельности в области перевода. На основе этой информации могут быть построены частные модели ОКП, в которых доминирующую позицию может занимать каждый из компонентов рассмотренной нами структуры в зависимости от изучаемого аспекта.

Таблица 2.1. Компоненты структуры оценочной деятельности в области перевода

Компоненты общей структуры ОД	Учебная сфера	Индустриальная сфера	Научно- исследовательская сфера	Общественная сфера
Субъект	Преподаватель Студент	Инициатор перевода Заказчик Менеджер проекта Старший коллега Редактор	Исследователь	Инициатор, заказчик, конечный получатель
Объект	Конкретный результат перевода	Конкретный результат перевода	Конкретный результат перевода	Конкретный результат перевода
Цель оценки	Дидактическая: оценить уровень работы; оценить уровень исполнителя	Обусловлена производственными задачами: оценить готовность продукта; оценить уровень исполнителя	Обусловлена целью научного исследования	Обусловлена потребностями общения, личной заинтересованность ю
Метод	Сопоставительный; формально- количественный; аналитический	Сопоставительный; формально- количественный; аналитический	Сопоставительный; формально- количественный; аналитический	Не определяется
Критерии	Нормативные требования: формализованные	Требования заказчика; переводческое задание; целевое назначение	Обусловлены научной парадигмой и концепцией автора	Интуитивные, субъективные:

	и понимаемые интуитивно; интерпретационна я позиция субъекта оценки	перевода; нормативные требования		нравится/не нравится
Параметры	Переводческие ошибки и переводческие достижения	Переводческие ошибки	Переводческие ошибки и переводческие достижения; тактические и стратегические переводческие решения	Ошибки, понижаемые интуитивно, плюс разноуровневые дефекты текста: неясность/нелогичн ость содержания, языковые ошибки в ПЯ
Результат оценки в традиционном формате	Оценка в баллах; оценочное суждение; комментарий	Передача заказчику; оплата; комментарий; экспертное заключение	Научная работа: доклад, статья, монография	Оценочное суждение в вербальной и невербальной форме

2.3. Метод структурно-функционального анализа и моделирования в исследовании процесса оценки качества перевода

Перспективу привлечения методов компьютерного моделирования в исследовании проблемы оценки качества перевода мы видим в том, что они дают возможность изучения оценочной деятельности с учётом условий её осуществления. В порядке эксперимента мы обратились к методу структурно-функционального моделирования, применение которого оказалось полезным для изучения *процесса* оценки переводов. Опыт его использования для моделирования процессов в различных сферах деятельности свидетельствует о том, что он позволяет наглядно представить сущность и процедуру любой деятельности, и далее выявить слабые звенья в изучаемых процессах и наметить пути их устранения [Княжева 2023; Княжева 2024б].

В соответствии с методологией структурного системного анализа, моделирование начинается с наиболее общего описания изучаемого процесса, и далее при необходимости осуществляется детализация его отдельных аспектов.

При этом общая модель строится в виде некоторой иерархической структуры, которая отражает различные уровни абстракции с ограниченным числом наиболее существенных компонентов на каждом из уровней.

Для построения модели, дающей наиболее адекватное отображение процесса оценки качества перевода, наиболее удобной для наших целей оказалась технология Structured Analysis and Design Technique (далее по тексту SADT) с применением нотации Integration definition for functional modeling (далее по тексту IDEF0). Технология SADT широко используется в структурном системном анализе для моделирования информационных систем различного назначения, а нотация IDEF0 позволяет сформировать наглядное графическое представление моделируемой системы и реализуемых в ней процессов и дать ответы на некоторые заранее поставленные вопросы [Алгазинов, Сирота 2009, с. 83-100].

При моделировании какой-либо системы в терминах IDEF0 первым шагом является определение *контекста*, т.е. наиболее абстрактного, а по сути, концептуального уровня описания системы в целом. Это предполагает задание *объекта* моделирования, *целей* моделирования и *точки зрения* на модель. Исходя из того, что под объектом понимается сама система, в первую очередь необходимо установить, что входит в систему, т.е. является её внутренними компонентами, а что лежит за её пределами и рассматривается как внешняя среда. В нашем случае объектом моделирования является процессуальный аспект оценки качества перевода, т.е. интеллектуальная деятельность, результатом которой является вынесение оценочного суждения. Точка зрения на модель представляет собой позицию субъекта оценки, в соответствии с которой осуществляется её процедура. Таким образом, цель моделирования состоит в том, чтобы исследовать, описать и при необходимости оптимизировать алгоритм оценки, осуществляемой в определённой сфере оценочной деятельности.

Основные методологические принципы моделирования оценочной деятельности, на основе которых могут быть разработаны частные модели оценки, заключаются в следующем. Во-первых, необходимо определить область моделирования (Score), что в нашем случае соотносится со сферой деятельности, в

которой осуществляется оценка качества перевода. Как уже было указано выше, мы придерживаемся разграничения на индустриальную сферу, охватывающую работу профессиональных переводчиков, учебную сферу, ориентированную на подготовку будущих переводчиков, научную сферу, связанную с деятельностью теоретиков и критиков перевода, и общественную сферу, представленную конечными получателями перевода.

Во-вторых, необходимо сформулировать цель построения модели (Purpose), т.е. объяснить, почему этот процесс должен быть исследован и что должна показывать данная модель. В нашем случае модель должна отображать *деятельность* оценивающего перевод субъекта с учётом основных факторов, влияющих на формирование конечного результата оценки. Иными словами, модель строится с целью исследования и наглядной репрезентации деятельностной стороны оценки качества перевода.

В-третьих, несмотря на то, что при построении модели должны учитываться мнения различных субъектов деятельности, модель должна строиться с заданной точки зрения (Viewpoint), т.е. отражать мнение субъекта, который обладает определёнными ролевыми признаками и в силу этого видит объект оценки в определённой системе координат. Как мы уже отмечали ранее, точки зрения студента и преподавателя, редактора и переводчика, теоретика перевода и конечного получателя на один и тот же объект (результат перевода) могут не совпадать. Поэтому в целях обеспечения эффективности модели в её основу закладывается одна оценочная позиция: например, учебный перевод оценивает преподаватель с дидактической целью, профессиональный перевод в индустриальной сфере оценивает редактор с целью определения «готовности продукта» и т.д.

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что в нашем случае моделирование направлено на изучение *процесса* оценки качества перевода и, при необходимости, его оптимизацию. Для того чтобы решить эти задачи, нам в первую очередь необходимо получить представление о реальном процессе, т.е. построить модель, обозначаемую как **модель AS IS** (как есть). В бизнес среде основной целью

создания подобной модели является выявление узких мест и недостатков, и поэтому она строится на основе изучения таких источников, как рабочая документация, анкетирование и опрос персонала, протоколирование действий сотрудников в течение рабочего дня и т.д. Результатом устранения выявленных недостатков является создание *модели TO BE* (как будет), причём, как правило, строится несколько моделей TO BE, среди которых выбирается оптимальный вариант.

Специалисты по исследованию бизнес процессов отмечают, что весьма распространенной ошибкой при моделировании является создание идеализированной модели, например, её построение на основе знаний или предположений руководителя, а не конкретного исполнителя работ. В результате получается приукрашенная модель, получившая обозначение ***SHOULD BE*** (как должно быть), которая несет ложную информацию и которую невозможно использовать в дальнейшем для анализа [Там же, с. 83-100]. В области перевода этот риск вполне очевиден в связи с отсутствием чёткой границы между дескриптивным и прескриптивным подходом к анализу результатов перевода.

Далее мы продемонстрируем методику моделирования оценочной деятельности на материале оценки учебного и индустриального перевода и прокомментируем полученные результаты. Основным источником эмпирического материала, на котором осуществлялось моделирование оценочной деятельности в учебной сфере, является курс письменного перевода, предполагающий регулярную проверку студенческих работ в рамках текущей и промежуточной аттестаций, а также обсуждение этих результатов с коллегами – преподавателями письменного перевода. Сфера индустриального перевода также оказалась доступной для наблюдения и анализа благодаря сотрудничеству с переводческой компанией ООО «Альба» и переводчиками-редакторами, имеющими огромный опыт в области редактирования перевода, которые являются штатными сотрудниками переводческих компаний, а также переводчиками-редакторами, работающими с издательствами переводной художественной литературы на договорной основе.

2.4 Структурно-функциональное моделирование процесса оценки учебного перевода

В соответствии с выбранной методологией, моделирование начинается с создания контекстной диаграммы, которая даёт самое общее представление о системе и её взаимодействии с внешней средой. Следующим шагом в моделировании изучаемого процесса является декомпозиция контекстной диаграммы, т.е. разбиение исследуемого процесса на несколько крупных фрагментов. Каждый из этих фрагментов и их взаимодействие описывается в виде диаграмм декомпозиции, уточняющих детали процесса. После декомпозиции контекстной диаграммы, при которой система разбивается на подсистемы или процесс разбивается на подпроцессы, проводится декомпозиция каждого большого фрагмента на всё более мелкие до тех пор, пока не будет достигнут нужный уровень детальности описания.

Контекстная диаграмма или каждый фрагмент (подсистема, подпроцесс) на диаграммах декомпозиции в IDEF0 отображается в виде прямоугольника с наименованием выполняемой деятельности, по сторонам которого в строгом порядке располагаются стрелки. Эти стрелки определяют связи между фрагментами или связи всей системы с внешней средой и имеют следующий смысл:

- стрелки *input* – определяют входные объекты или данные и располагаются всегда слева;
- стрелки *control* – определяют управление (правила, регламенты, методические рекомендации, условия решения задачи) и располагаются всегда сверху;
- стрелки *output* – определяют выходные объекты или данные как результаты выполненной работы и располагаются всегда справа;
- стрелки *mechanism* – определяют задействованные при выполнении работы ресурсы (материальные, людские) и располагаются всегда снизу.

Контекстная диаграмма с этими элементами (для **моделей AS IS или TO BE**) представлена на рис. 2.3. Как уже было отмечено выше, модель **AS IS** и модель **TO BE** создаются с целью отображения и изучения реальных процессов (действующих или реализуемых в перспективе). В нашем случае речь идёт об оценке переводов в ситуациях текущей и промежуточной аттестаций. Этот вид деятельности традиционно включает в себя сопоставительный анализ исходного и переводного текста, который осуществляется на основе фоновых и профессиональных знаний преподавателя с привлечением необходимых информационно-справочных материалов и с использованием отобранных преподавателем критериев качества перевода, как формализованных, так и понимаемых интуитивно. В данном случае объектом оценки является учебный перевод, представляющий собой полный письменный перевод публицистического текста. Общий взгляд на данную ситуацию оценки перевода отображается контекстной диаграммой 1 (см. рис. 2.3).

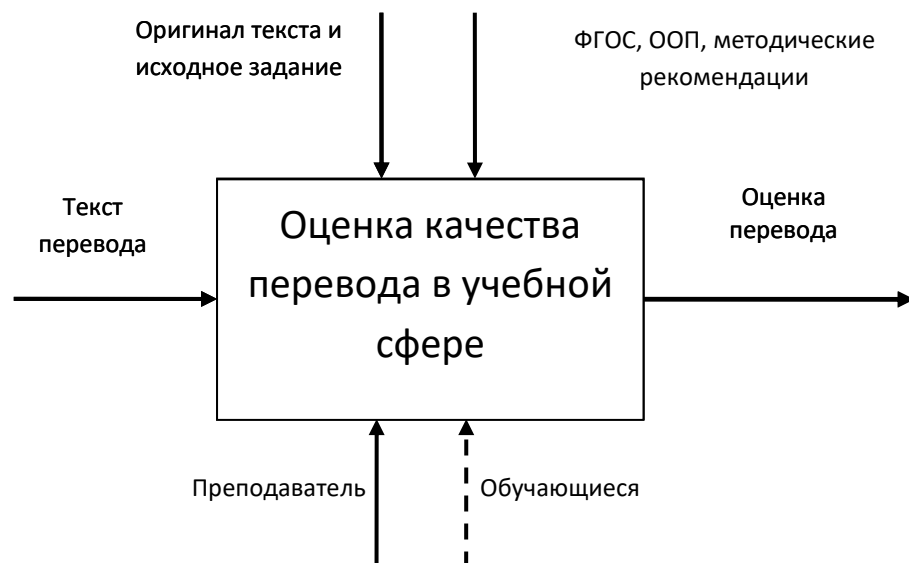

Рис. 2.3. Контекстная диаграмма 1

Поскольку субъектом оценки в данном случае является преподаватель письменного перевода, то в качестве основного источника информации для построения модели **AS IS** послужил анализ данных опроса, в ходе которого преподавателям было предложено описать свои действия при проверке

студенческих письменных переводов в формате текущей и промежуточной аттестации. В отличие, например, от переводческой практики, это работы небольшого объёма (т.е. порядка 2000 печатных знаков). По результатам анализа действий преподавателей в рамках указанной ситуации были построены следующие альтернативные модели.

Модель AS IS, вариант 1. В данном случае оценка качества перевода основана на проверке текста перевода, при которой основное внимание уделяется стилистическим и грамматическим нормам ПЯ, корректности выбора терминологических соответствий и точности передачи фактической информации. По данным критериям осуществляется выявление переводческих ошибок и выставляется оценка. Эти действия представлены на диаграмме декомпозиции 1 (см. рис. 2.4).

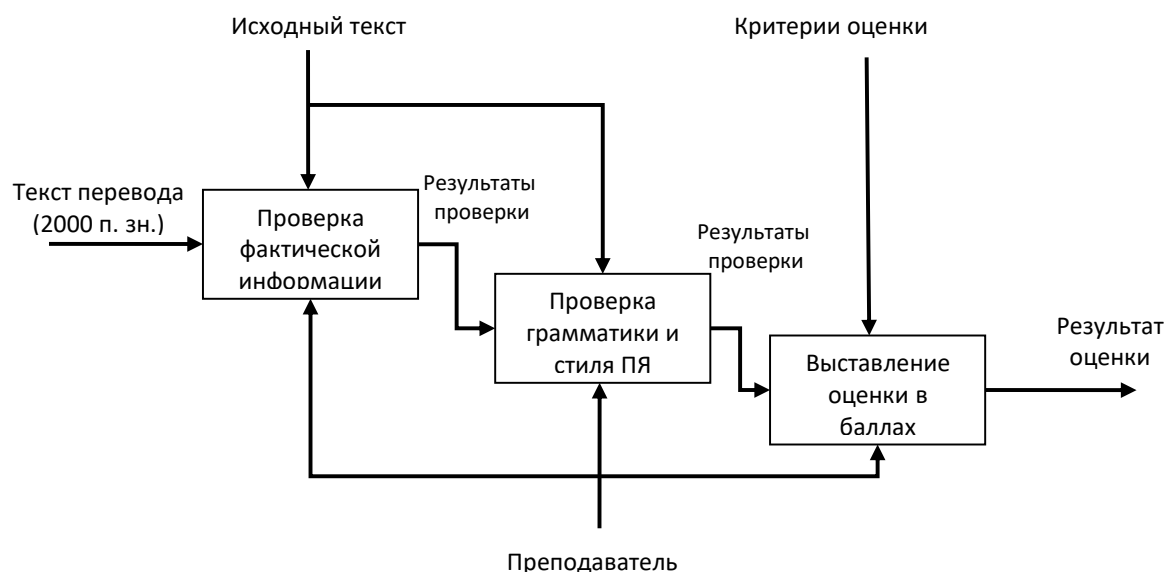

Рис. 2.4. Диаграмма декомпозиции 1

Модель AS IS, вариант 2. Этот вариант действий включает такой этап оценки, как предварительный анализ исходного текста, осуществляемый самим преподавателем. Далее следует проверка текста перевода, направленная как на выявление смысловых и языковых ошибок, так и на анализ удачных переводческих

решений. В отличие от предыдущей модели, оценочная деятельность преподавателя включает сверку перевода с исходным текстом, а также обращение к информационно-справочным материалам в целях уточнения используемой прецизионной лексики и языковых норм ПЯ. Выставление оценки осуществляется на основании подсчёта допущенных ошибок и удачных переводческих решений. Данные действия представлены на диаграмме декомпозиции 2 (см. рис. 2. 5).

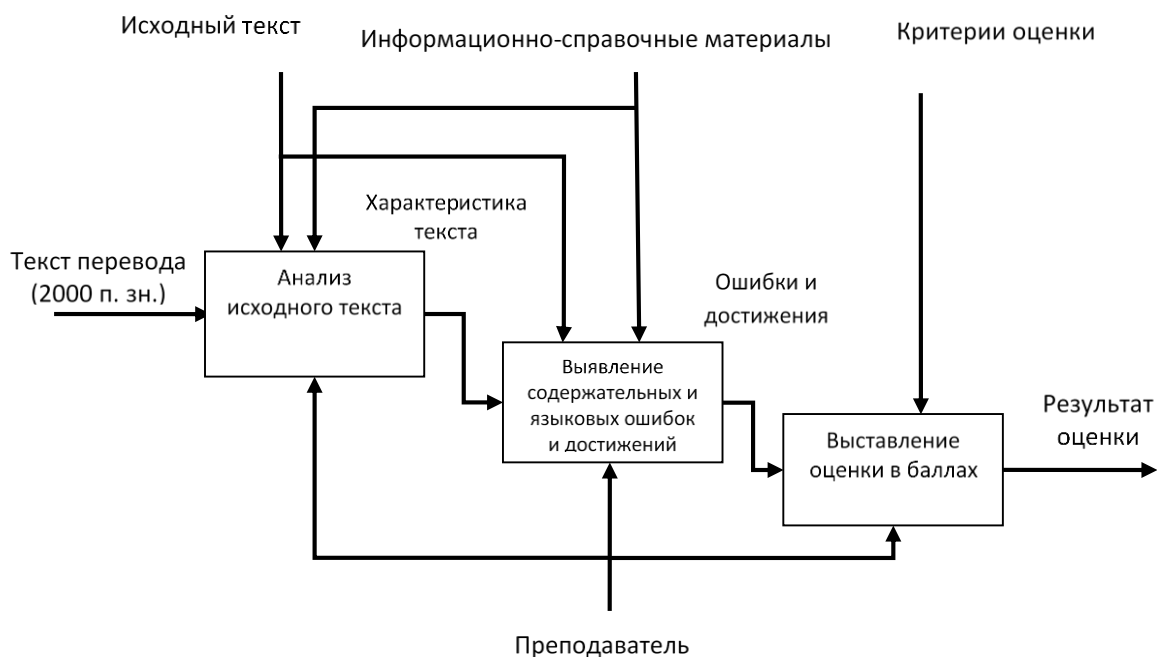

Рис. 2.5. Диаграмма декомпозиции 2

Модель AS IS вариант 3. Кардинальным отличием данной модели от предыдущих является иная последовательность действий преподавателя, который в первую очередь обращается к проверке наиболее сложных для понимания и перевода фрагментов текста. Далее следует проверка всего текста перевода, включающая не только выявление, но и подробную квалификацию переводческих ошибок (содержательных и языковых). Эта модель также включает параллельную сверку с исходным текстом и использование информационно-справочных материалов. Оценка перевода выставляется по результатам подсчёта и определения типа ошибок. Данные действия представлены на диаграмме декомпозиции 3 (см. рис. 2.6).

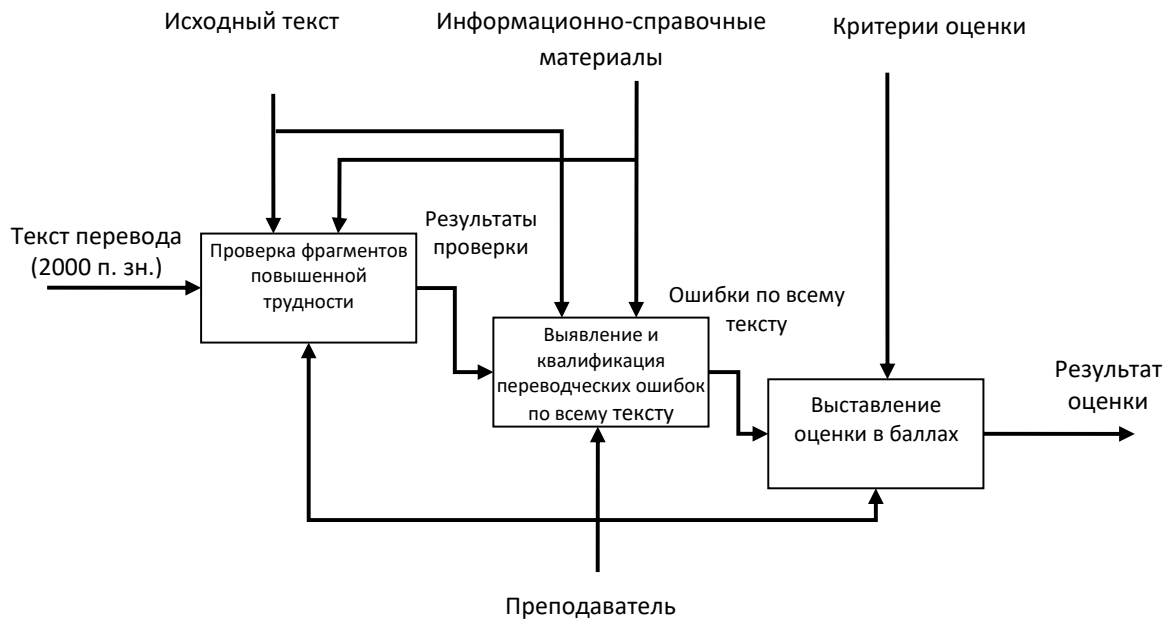

Рис. 2.6. Диаграмма декомпозиции 3

Представленные здесь варианты модели AS IS показывают следующее. Во-первых, цель оценки в ситуации текущей и промежуточной аттестации понимается достаточно формально, поскольку в данном случае очевидно отсутствие обратной связи, и именно структурно-функциональное моделирование делает этот недостаток особенно наглядным. Во-вторых, преподаватели в большинстве случаев используют традиционный метод проверки переводов, который заключается в сверке исходного и переводного текстов, выявлении и квалификации (более или менее подробной) переводческих ошибок. В-третьих, основными критериями оценки являются полнота передачи содержания, точность фактической (прецизионной) информации, корректность выбора терминологических соответствий, соблюдение языковых норм и узуса ПЯ. Основными параметрами оценки являются переводческие ошибки, однако при выставлении оценки также учитываются и удачные переводческие решения, хотя, к сожалению, это происходит в немногочисленных случаях. В-четвёртых, наиболее уязвимым моментом данных моделей является, на наш взгляд, то обстоятельство, что при оценке перевода не учитывается задание на перевод — этот элемент здесь

отсутствует. Однако, с другой стороны, указанные критерии и типы ошибок позволяют предположить, что имеется в виду перевод в традиционном понимании, который выполняется с целью создания функционального аналога исходного текста.

Теперь рассмотрим **модель ТО ВЕ**, цель построения которой мы видим в усилении дидактической направленности оценки учебного перевода. В данном случае мы исходим из того, что оценка переводов в учебной сфере связана с задачей формирования переводческих компетенций студента. Поэтому нам представляется целесообразным разграничить оценку качества перевода, осуществляемую на этапе промежуточной и текущей аттестации, поскольку здесь решаются разные дидактические задачи. Эти модели оценочной деятельности представлены ниже как **модель ТО ВЕ, вариант 1** и **модель ТО ВЕ, вариант 2** соответственно.

Модель ТО ВЕ, вариант 1. Общий взгляд на оценку экзаменационного перевода в рамках промежуточной аттестации демонстрирует контекстная диаграмма 2, представленная на рис. 2.7.

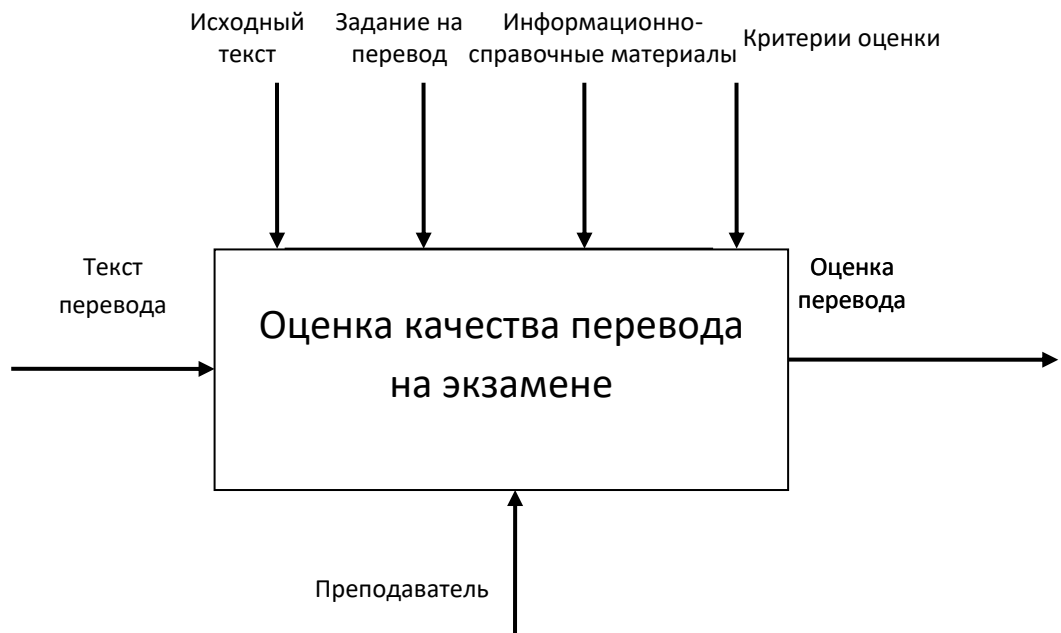

Рис. 2.7. Контекстная диаграмма 2

Для более эффективного управления процессом оценки преподавателю необходимо учитывать жанр и хронотоп исходного текста и задание на перевод. Иными словами, следует иметь чёткое представление о характере исходного материала и цели его перевода, что играет решающую роль при отборе и ранжировании критериев оценки. Сопоставление текста перевода с исходным текстом и заданием на перевод, а также привлечение дополнительных информационно-справочных материалов обеспечивают большую объективность оценки. Необходимость регулярного использования информационных ресурсов связана с этапом анализа исходного текста, проверкой прецизионной информации и языковых норм ПЯ. На диаграмме декомпозиции 4 (рис. 2.8) оценочная деятельность преподавателя представлена с учётом данных соображений.

Рис. 2.8. Диаграмма декомпозиции 4

В соответствии с данной моделью первым шагом является составление общей характеристики исходного текста, осуществляемое на основе его анализа с привлечением необходимых информационно-справочных материалов. Информация, полученная при анализе текста, сопоставляется с переводческим

заданием, что позволяет сформировать представление о задачах, которые должны быть решены при переводе. На этой основе составляется общая характеристика текста перевода и осуществляется выбор и ранжирование критериев оценки. Далее осуществляется анализ текста перевода на основе его сопоставления с переводческим заданием и отобранными критериями, в ходе которого выявляются переводческие ошибки и удачные переводческие решения. Конечным результатом этой деятельности преподавателя является оценка перевода в баллах.

Теперь рассмотрим **модель ТО ВЕ, вариант 2**, предлагаемую нами для оценки перевода в рамках текущей аттестации, которая представлена на контекстной диаграмме 3 (см. рис. 2.9).

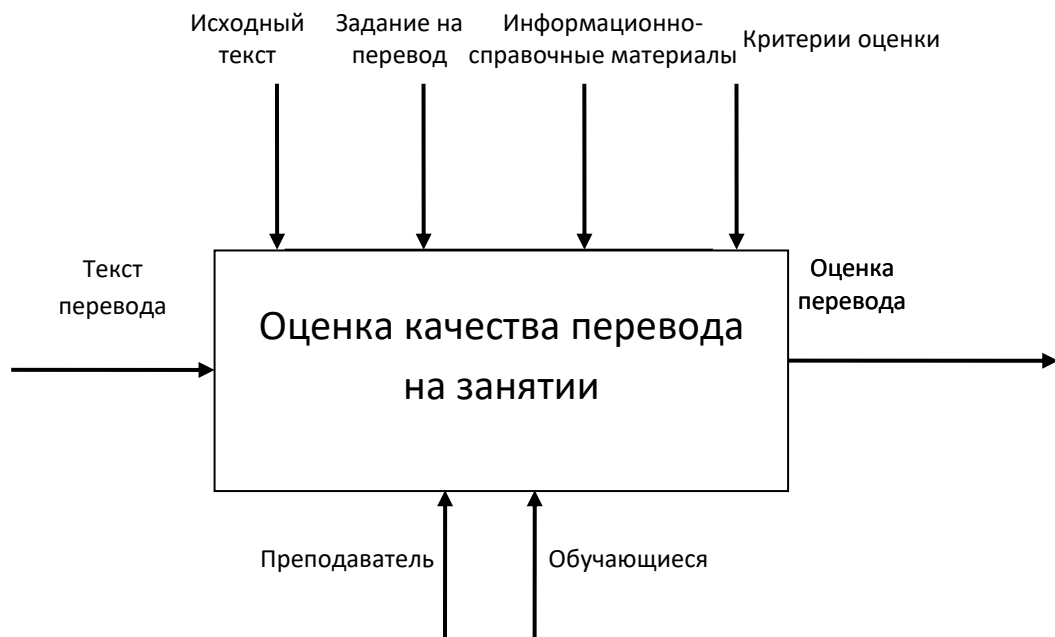

Рис. 2.9. Контекстная диаграмма 3

В первую очередь подчеркнём, что в данном случае усиливается дидактическая направленность оценочной деятельности, осуществляемой на занятии, за счёт введения в модель компонента *обучающиеся*. Взаимодействие преподавателя и обучаемого направлено на решение главной учебной задачи — обучению переводчиков, что напрямую связано с процессом формирования

переводческих компетенций. Наличие обратной связи далее учитывается при построении диаграммы декомпозиции 5, рис. 2.10.

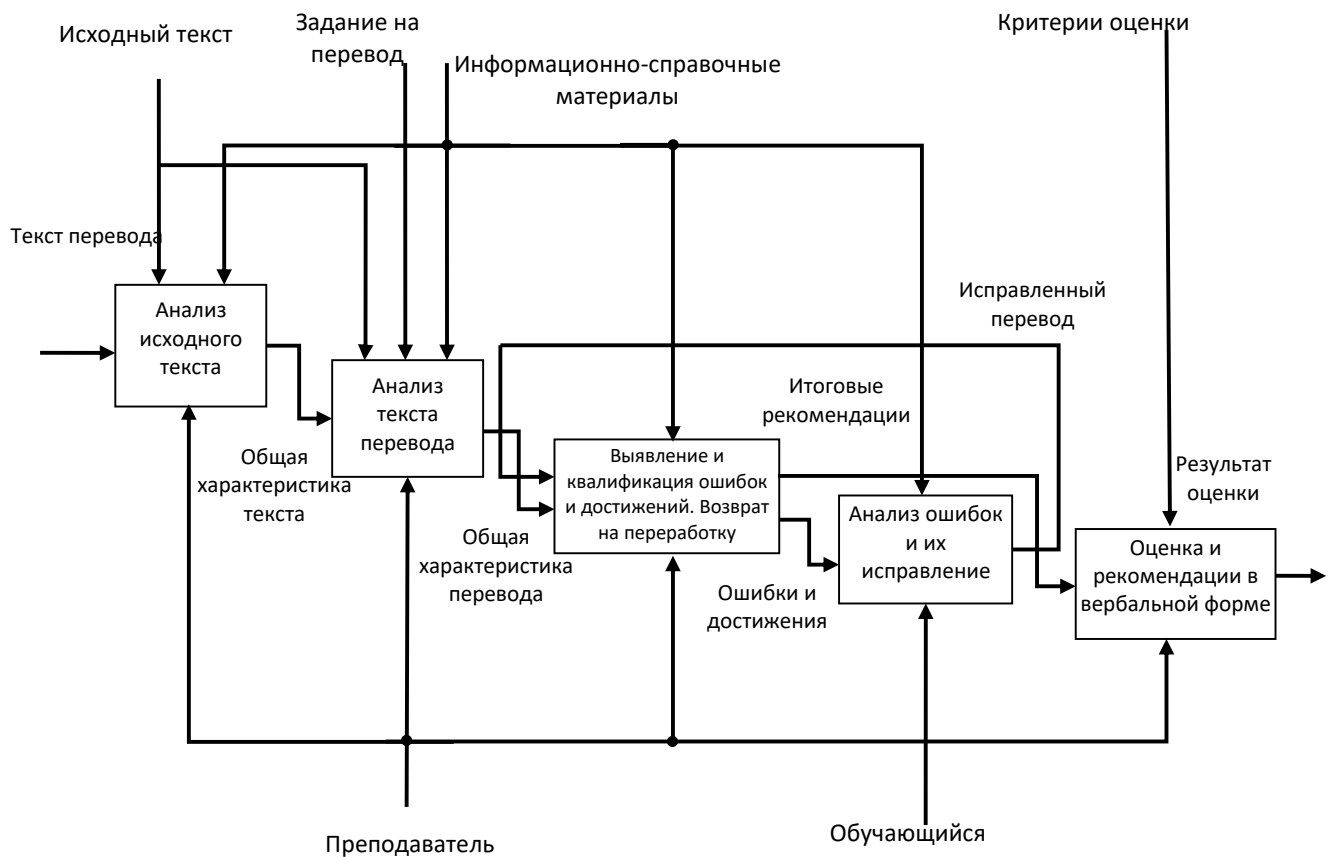

Рис. 2.10. Диаграмма декомпозиции 5

В соответствии с данным вариантом модели процесс оценочной деятельности, осуществляемой на практическом занятии по переводу, может выглядеть следующим образом. Как и в предыдущем варианте модели **ТО ВЕ**, оценка перевода основана на сопоставительном анализе исходного и переводного текста, а также на соотнесении результата перевода с переводческим заданием. Переводческие ошибки и удачные переводческие решения выявляются и квалифицируются преподавателем в режиме реального времени, и перевод возвращается обучаемым на доработку. Конкретное наполнение компонента *квалификация ошибок* зависит от этапа и соответствующих задач обучения. Если на начальных этапах важно дать подробное определение вида ошибки (например, искажение содержания или лексическая сочетаемость) с последующими

рекомендациями по её исправлению, то на продвинутых этапах это может быть выявление ошибки и при необходимости – комментарий относительно степени её критичности для данного перевода. При этом квалификация допущенных ошибок (как собственных, так и чужих) может являться дополнительным заданием для обучаемых. Модель **ТО ВЕ, вариант 2** также предполагает, что студенты исправляют ошибки самостоятельно и далее передают исправленный вариант перевода преподавателю на повторную проверку. В соответствии с диаграммой декомпозиции 5, этот этап работы может повторяться неоднократно.

Как уже было отмечено выше, компонент *информационно-справочные материалы* необходим для осуществления анализа исходного и переводного текстов, а также для анализа и аргументации удачных и неудачных переводческих решений. На наш взгляд, использование информационно-справочных материалов необходимо не только студенту, но и преподавателю, причём на всех этапах проверки перевода, что повышает уровень объективности оценки. Что касается *результата оценки*, то в ситуации рядового занятия данный компонент, как правило, имеет форму оценочного суждения, комментария и / или рекомендаций.

Преимущества рассмотренной здесь модели **ТО ВЕ** в её двух вариантах состоят в том, что предлагаемая нами модель позволяет более чётко расставить акценты на процессе и результате оценки и благодаря этому усилить дидактическую составляющую оценочной деятельности в учебной сфере. Модель **AS IS**, построенная на материале экзаменационного перевода, демонстрирует, что в данном случае оценка качества перевода ориентирована исключительно на результат. Модель **ТО ВЕ** отражает оценку качества перевода как компонента обучения, что выражается во взаимодействии преподавателя и обучаемого при анализе и исправлении допущенных ошибок. Кроме того, основное внимание при оценке переводов традиционно уделяется именно отрицательным результатам перевода, в то время как удачные переводческие решения остаются в модели **AS IS** за рамками анализа. Этот существенный с дидактических позиций недостаток устранён в модели **ТО ВЕ**.

Другим слабым звеном, которое было выявлено нами в процессе моделирования оценки переводов, является доминирование микроуровня текста. Это означает, что основное внимание при проверке переводов уделяется отдельным трудностям содержательного и языкового характера, но при этом текст как коммуникативное и семантическое целое уходит на второй план. Этот недостаток устраняется за счёт введения в модель компонента *переводческое задание*, что позволяет рассматривать результат перевода с коммуникативно-функциональной стороны. Повторим, что соотнесение текста перевода с исходным текстом и переводческим заданием позволяет составить общее представление о результате перевода, т.е. о том, насколько переводной текст соответствует своему потенциальному назначению. Ещё одним важным отличием модели **ТО ВЕ** является уточнение компонента *результат перевода*, касающегося конкретного формата оценки. Если результатом перевода в модели **AS IS** является исключительно оценка в баллах, то в модели **ТО ВЕ** вводится вербальная форма оценки, предусматривающая такие варианты, как оценочное суждение, комментарий и рекомендации.

В заключение этого раздела отметим, что моделирование процесса оценки учебного перевода с применением выбранной методологии представляет определённый интерес как для теории, так и для дидактики перевода. Использование метода структурно-функционального моделирования ориентировано на детальное изучение и описание реального процесса оценочной деятельности, на выявление и устранение его слабых звеньев. Оптимизация оценочной деятельности на основе полученных данных позволяет повысить уровень обоснованности и конструктивности оценки учебного перевода.

2.5. Структурно-функциональное моделирование процесса оценки индустриального перевода

В данном разделе работы представлены некоторые результаты изучения оценочной деятельности в области индустриального перевода с использованием метода структурно-функционального моделирования, рассмотренного в

предыдущем разделе. Наиболее доступной для наблюдения и анализа является промежуточная оценка перевода, которая осуществляется переводчиком-редактором (или несколькими редакторами) перед сдачей работы заказчику. Поэтому наши модели строятся на основе данных опросов, проведённых среди переводчиков-редакторов, работающих в переводческих компаниях, и редакторов, сотрудничающих с издательствами переводной художественной литературы. Соответственно, в зоне нашего внимания оказывается промежуточная оценка качества перевода специальной и художественной литературы.

Отметим, что, по нашим наблюдениям, оценочная деятельность редактора перевода далеко не всегда эксплицируется как таковая, поскольку основной акцент, как правило, делается на собственно правке, т.е. квалификации допущенных переводчиком ошибок и их исправлении. Однако вполне очевидно, что оценка перевода является необходимой составляющей деятельности редактора и интегрирована в неё по умолчанию. Это подтверждается, в том числе, и тем, что в самом общем смысле под редактированием понимается «обработка текста *с целью повышения его качества*» (курсив наш) [Березовская и др. 2019, с. 81], что предполагает формирование представления об исходном качестве текста, который является результатом работы переводчика. Подчеркнём, что в нашем случае объектом моделирования является оценка качества *чужого перевода*, осуществляемая редактором, а не саморедактирование, которое выполняется переводчиком на заключительном этапе его работы. Данное уточнение является существенным, так как редактор и переводчик являются разными субъектами оценки, точки зрения которых могут не совпадать. Таким образом, подобно тому, как редактирование является частью переводческого процесса, промежуточная оценка его качества является тем необходимым и естественным этапом редактирования, на основе которого осуществляется правка текста перевода.

Задачи и функции редакторов перевода достаточно подробно описаны в нормативной и учебной литературе [Березовская 2019]. Как правило, в подобных источниках речь идёт о приведении результата перевода в соответствие с переводческими нормами, правилами и требованиями заказчика, иными словами,

об обеспечении необходимого уровня качества переводного продукта [Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику 2013, с. 7]. Стандартная процедура работы редактора включает сопоставление переводного и исходного текстов по таким традиционным критериям, как полнота передачи содержания, точность прецизионной информации, использование рекомендуемых терминологических соответствий, соблюдение языковых норм и узуса ПЯ и соблюдение требований по оформлению. Однако реальный практический опыт редакторов пока ещё не получил достаточного освещения в переводоведческой литературе. Первым шагом в этом направлении можно считать работу В. В. Сдобникова, посвящённую изучению основных особенностей деятельности редакторов, работающих в штате переводческих компаний [Сдобников 2018].

Как уже было указано выше, в соответствии с выбранной методологией, моделирование изучаемого процесса начинается с построения контекстной диаграммы, отображающей общее представление о данном виде деятельности – оценке качества специального перевода.

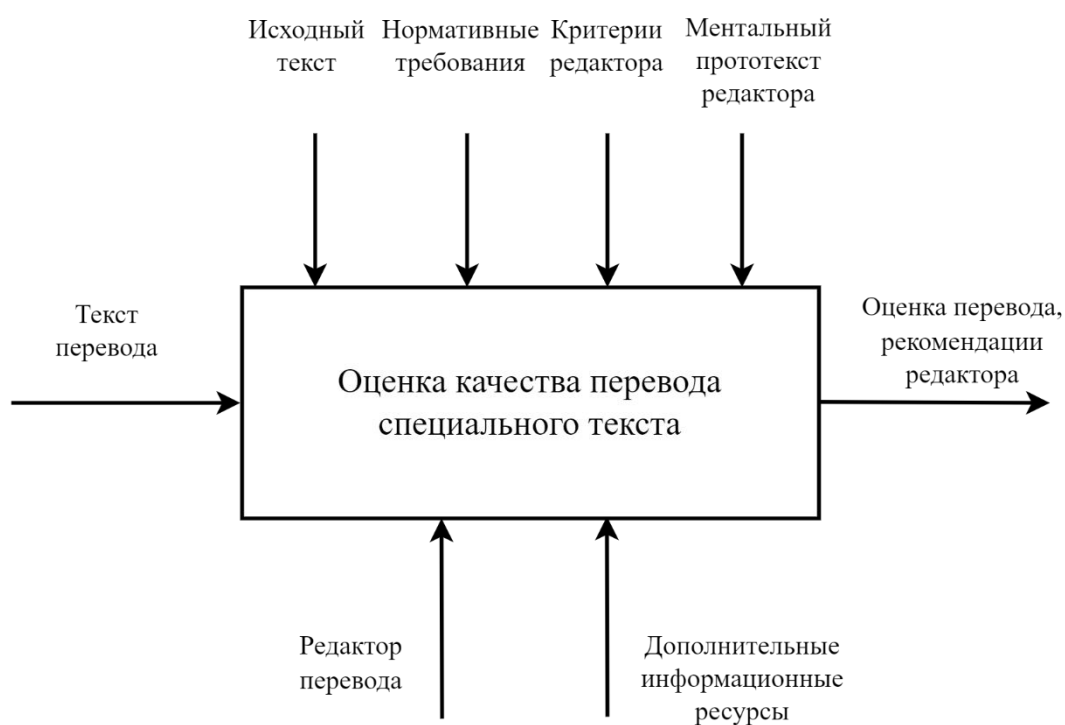

Рис. 2.11. Контекстная диаграмма 4

Контекстная диаграмма 4 показывает, что оценочное суждение редактора о качестве перевода формируется в процессе сопоставления исходного и переводного материала и соотнесения результата перевода с нормативными требованиями и оценочными критериями с одной стороны, и ментальным прототекстом редактора с другой, т.е. представлением редактора о том, как этот материал следует переводить. Обращение редактора к тексту оригинала является хорошо испытанной и естественной практикой, однако при этом редактор также не может обойтись без «соотнесения перевода с неким прообразом, существующим в его сознании» [Сдобников, 2018, с. 153]. В своей совокупности знание нормативных требований и собственные представления редактора формируют критерии «правильности перевода».

Основным источником информации для построения модели **AS IS** послужили результаты эксперимента, проведённого В. В. Сдобниковым, в ходе которого редакторам было предложено внести исправления в текст перевода. На основе анализа этих данных нами были построены следующие альтернативные модели.

Модель AS IS, вариант 1.

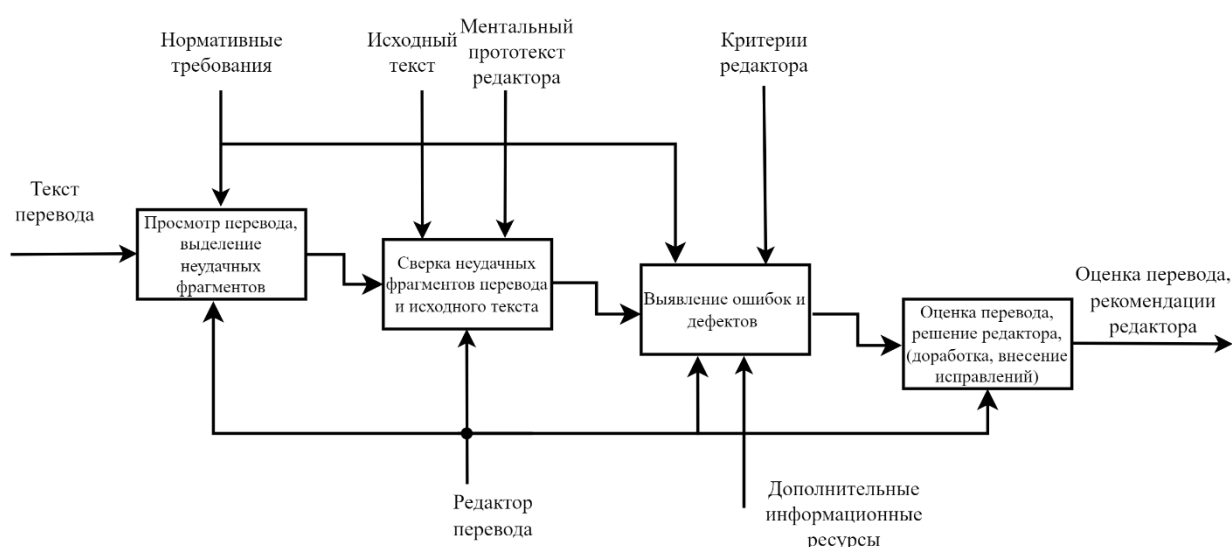

Рис. 2.12. Диаграмма декомпозиции 6.

Данная модель отображает следующий порядок действий. В первую очередь, редактор знакомится с текстом перевода и выделяет все неудачные, с его точки зрения, фрагменты. Эти фрагменты текста сверяются с соответствующими фрагментами исходного текста и оцениваются на основе нормативных требований к специальному переводу, субъективных критериев редактора, а также его ментального прототекста. Результатом оценочной деятельности редактора является решение о необходимости доработки текста и внесения исправлений, обеспечивающих необходимый уровень качества перевода.

Модель AS IS, вариант 2.

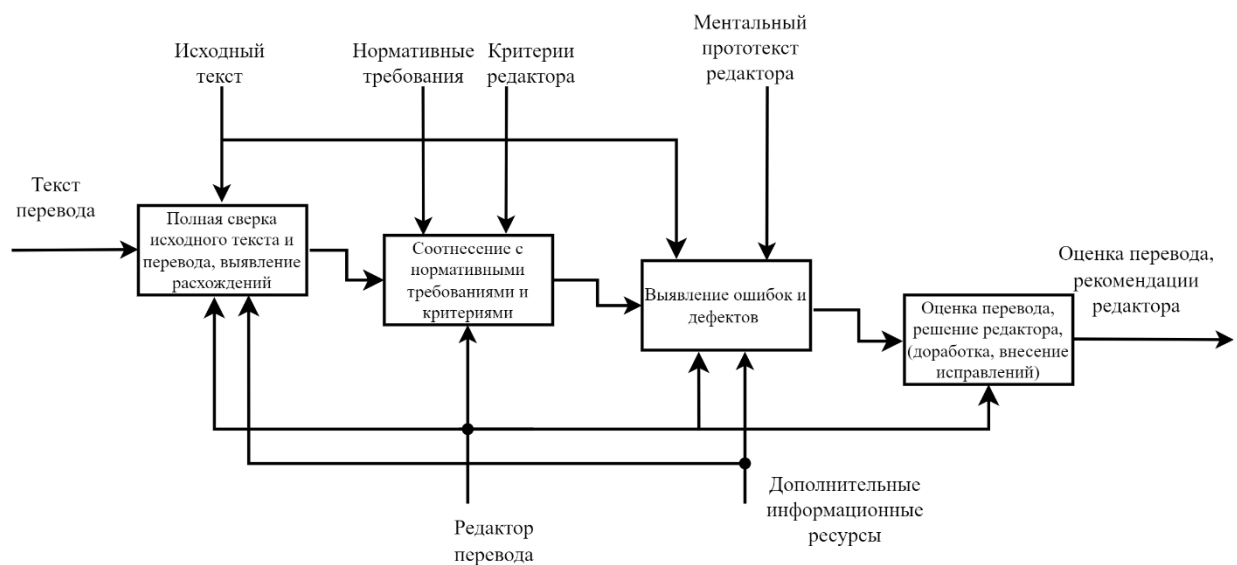

Рис. 2.13. Диаграмма декомпозиции 7.

В отличие от предыдущей модели, этот вариант действий включает *полную* сверку исходного и переводного текстов на содержательном и языковом уровнях, в ходе которой редактор отмечает все расхождения перевода с оригиналом. Преимущество данного подхода заключается в том, что в этом случае редактор владеет контекстом в полном объёме, что минимизирует пропуски содержательных ошибок. Как и в предыдущей модели, оценочные критерии редактора, по которым осуществляется сверка, основаны на общих требованиях к переводу и на субъективных представлениях о «правильности», в основном понимаемых интуитивно. Таким образом, главными ориентирами редактора, как и в модели **AS**

IS, вариант 1, являются нормативные требования к специальному переводу, приоритетные требования (критерии) редактора и ментальный прототекст, возникающий в сознании редактора при ознакомлении с оригиналом. Результатом оценочной деятельности редактора является решение о необходимости внесения исправлений, которые и должны обеспечить требуемый уровень качества.

Представленные варианты модели **AS IS** показывают следующее.

Во-первых, несмотря на то, что цель промежуточной оценки в ситуации редактирования чужого перевода традиционно понимается как доведение текста до требуемого уровня качества, на практике это может осуществляться в виде своеобразной «подгонки» перевода к варианту редактора. И поскольку в обеих моделях отсутствует такой компонент, как *обратная связь*, предполагающая взаимодействие редактора с переводчиком, повышается риск вкусовой правки, которая не оказывает существенного влияния на качество перевода. Негативные последствия «приближения» перевода к собственному прототексту также связаны с тем, что редактор бывает прав не всегда и также может допускать или пропускать ошибки.

Во-вторых, несмотря на то, что редакторы используют традиционный метод проверки переводов, который заключается в сверке исходного и переводного текстов, сплошная сверка текстов используется не всегда. Некоторые редакторы обращаются к исходному тексту только в сомнительных, с их точки зрения, случаях, и тогда возникает вероятность пропуска содержательных ошибок.

В-третьих, оценочные критерии, на которые опирается редактор перевода, обусловлены действием как объективного, так и субъективного факторов, причём влияние последнего может оказаться значительным. Объективное начало представлено нормативными требованиями к специальному переводу, субъективное – представлениями редактора о том, как следовало перевести конкретный фрагмент (или текст в целом). По данным В. В. Сдобникова, эти критерии могут различаться не только у различных компаний, но и у редакторов, работающих в одной переводческой компании.

В-четвёртых, достаточно уязвимым моментом данных моделей является отсутствие в обоих вариантах модели **AS IS** *технического задания* (ТЗ) на перевод. Но если цель перевода специальной литературы в большинстве случаев заключается в создании функционального аналога исходного текста, что обусловлено традиционными целями использования специальной литературы, для редактора (как и для переводчика) важна именно та информация ТЗ, которая касается рекомендуемой отраслевой терминологии и требований по оформлению конкретного материала.

Теперь рассмотрим структурно-функциональную модель **ТО ВЕ**, цель построения которой мы видим в оптимизации редакторской деятельности за счёт унификации подходов к редактированию чужого перевода. В данном случае мы исходим из того, что, как уже было упомянуто выше, промежуточная оценка перевода является основой для принятия решения об объёме и характере исправлений, внесение которых обеспечивает повышение качества конечного результата перевода.

Рис 2.14. Контекстная диаграмма 5

Для более эффективного управления процессом оценки редактору необходимо иметь чёткое представление не только о характере исходного материала, но и цели его перевода, что играет решающую роль при отборе и ранжировании критериев оценки. Сопоставление текста перевода с исходным текстом и техническим заданием на перевод должно обеспечить большую объективность оценки, а обратная связь в лице переводчика связана с необходимостью минимизации вкусовой правки. Данные соображения отражены в диаграмме декомпозиции 8.

Рис. 2.15. Диаграмма декомпозиции 8.

Таким образом, для повышения эффективности редактирования промежуточная оценка перевода проводится, как минимум, в два этапа. На первом этапе оценка перевода является основой для составления общего представления о качестве перевода и принятия решения о необходимости, объёме и характере редакторской правки. На втором этапе редактор привлекает переводчика для совместной оценки исправленных фрагментов и далее выносит решение о готовности переводческого продукта и его сдаче заказчику.

Теперь рассмотрим некоторые результаты исследования промежуточной оценки художественного перевода, которое выполнено с привлечением метода

структурно-функционального моделирования. Материалом исследования являются данные, которые были получены в ходе опроса редакторов, сотрудничающих с издательствами, выпускающими переводную художественную литературу. По результатам проведённого нами опроса была построена следующая контекстная диаграмма, дающая общее представление о данном виде оценочной деятельности:

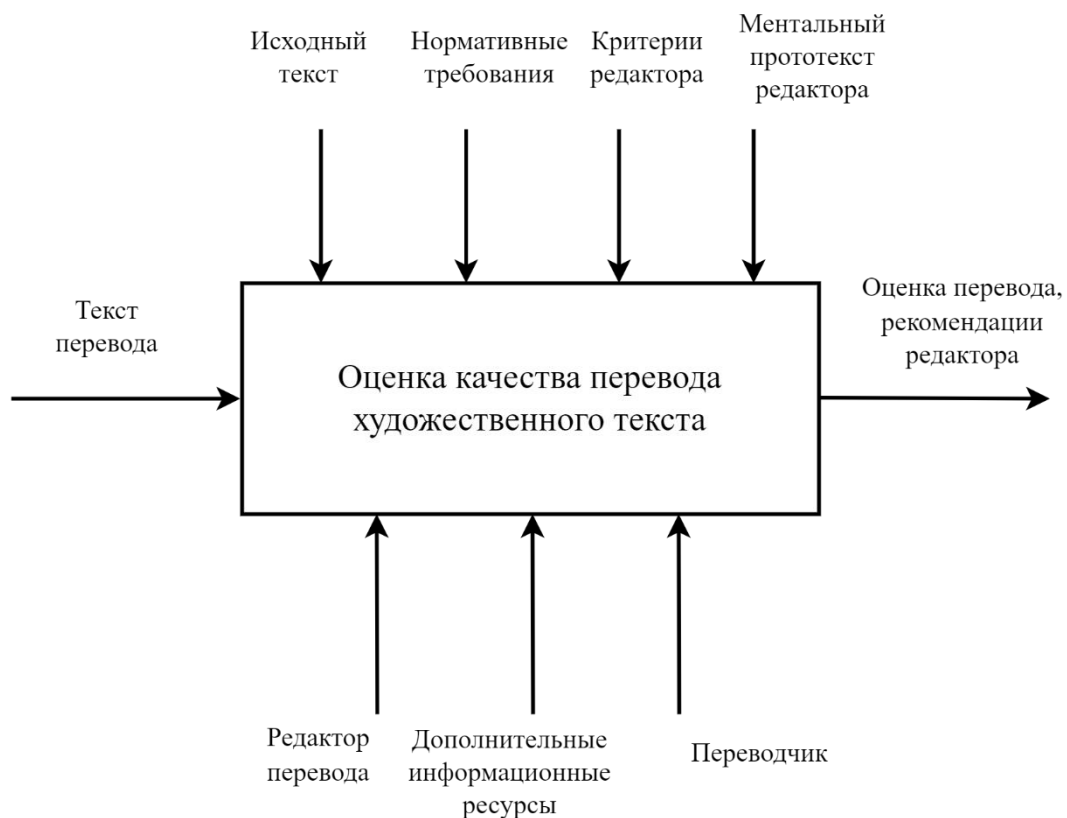

Рис. 2.16. Контекстная диаграмма 6

Контекстная диаграмма 6, приведённая на рис. 2.16, показывает, что промежуточная оценка качества художественного перевода осуществляется в процессе сопоставления исходного и переводного материала и соотнесения текста перевода с нормативными требованиями и оценочными критериями редактора. Немаловажную роль при этом играет и некий прообраз перевода конкретного фрагмента, существующий в сознании редактора и обозначенный в данной контекстной диаграмме как *ментальный прототекст редактора*. В целях

обоснования своей оценочной позиции в формате обратной связи с переводчиком редактор использует дополнительные информационные ресурсы.

Как уже было указано выше, основным источником информации для построения модели **AS IS** послужили результаты опроса, в ходе которого редакторам было предложено кратко описать наиболее привычный для них порядок работы над текстом чужого перевода, рассказать о том, в чём они видят свои главные задачи, какими критериями они руководствуются в процессе оценки перевода и какие действия они осуществляют в спорных случаях. Следует отдать должное респондентам, которые описывали реальные ситуации и не стремились при этом «улучшить» или каким-либо образом приукрасить описание своих действий. (Ранее мы уже отмечали, что в подобных случаях велик риск получения искажённых данных, т.е. подмена ситуации **AS IS** ситуацией **SHOULD BE**). На основе анализа полученных данных нами были построены следующие альтернативные модели.

Модель AS-IS, вариант 1.

Рис. 2.17. Диаграмма декомпозиции 9.

Данная модель отображает следующий порядок действий. Редактор самостоятельно вносит правки в текст перевода, при необходимости оставляя комментарии или вопросы, и затем отправляет текст переводчику, который

принимает или отклоняет правки и отвечает на комментарии. Сопоставление исходного и переводного текстов осуществляется, в основном, по проблемным, т.е. неудачным, с точки зрения редактора, фрагментам. Отсутствие в данной модели компонента *ТЗ на перевод* объясняется тем, что, как правило, издательства такого официального документа не представляют. Оценочные критерии редактора выстраиваются на базе нормативных требований к художественному переводу, учёте тематики и жанра текста и собственном прообразе перевода, основанном на интуиции и личном переводческом опыте. Данная модель также предусматривает наличие обратной связи с исполнителем, реализуемой в процессе обсуждения редакторской правки, в ходе которого рассматриваются доводы с обеих сторон, т.е. со стороны редактора и переводчика. В спорных случаях редактор приводит ссылки на соответствующие информационные ресурсы (корпус, словарь, форум и т.д.), подтверждающие его точку зрения.

Модель AS IS, вариант 2.

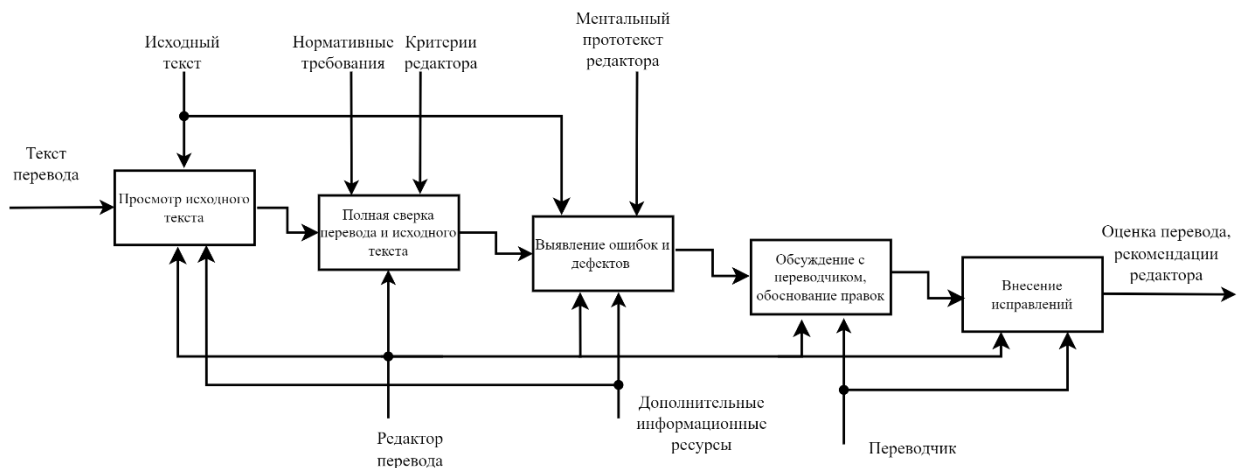

Рис. 2.18. Диаграмма декомпозиции 10.

В данном случае редактор начинает работу с чтения текста оригинала, после чего следует этап сплошной сверки перевода и оригинала, необходимость которой обусловлена следующим. Несмотря на то, что представление о качестве конкретного перевода формируется у профессионального редактора уже с первых

страниц, реальность такова, что к середине или к концу текста качество перевода может снижаться и возникает опасность пропуска ошибок и различного рода дефектов. Как и в предыдущем случае, оценочные критерии редактора понимаются интуитивно и основаны на знании нормативных требований к художественному переводу, с одной стороны, и субъективных представлениях, основанных на личном опыте, с другой. Необходимость исправления проблемных фрагментов текста перевода обосновывается с помощью лингвистических фактов, анализа контекста, ссылок на прецедентные тексты, словари, НКРЯ и пр. Обратная связь реализуется в данной модели в виде обсуждения правок с переводчиком, осуществляемого в режиме диалога.

Модель AS IS, вариант 3.

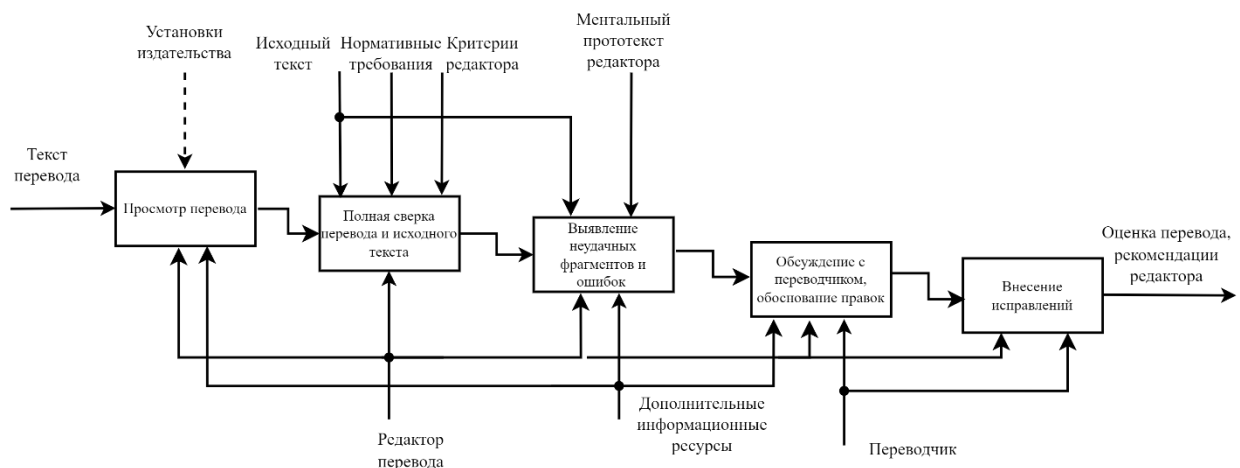

Рис. 2.19. Диаграмма декомпозиции 11

Данная модель отображает следующий порядок работы. Сначала редактор просматривает текст перевода для того, чтобы получить общее представление о его качестве. В отличие от предыдущей модели, здесь появляется такой компонент, как *издательская установка*, т.е. особые пожелания издательства, которые учитывает редактор при ознакомлении с переводом. В отличие от стандартного ТЗ на перевод, в данном случае речь идёт об устной договорённости издателя с редактором, либо о неофициальном (неформальном) электронном письме. Далее полный текст перевода сопоставляется с исходным текстом, причём степень подробности сверки зависит от факторов различного порядка (сроки издательства, уверенность

редактора в качестве работы того или иного переводчика, основанная на профессиональной репутации переводчика, и т.д.). Оценочные критерии, которыми руководствуется редактор, в данном случае также не формализованы, однако интуиция редактора имеет профессиональный характер, поскольку основана на знаниях в области общей теории перевода, частной теории перевода английского и русского языков и личном переводческом опыте.

Несмотря на то, что уровень перевода для профессионального редактора становится очевиден буквально с первых страниц текста, редактор осуществляет *полную* сверку ИТ и ПТ, уделяя повышенное внимание проблемным фрагментам, необходимость изменения которых далее обсуждается с переводчиком. В данной модели формат обратной связи допускает следующие варианты: переводчик вносит необходимые правки в процессе работы с редактором, либо это делает редактор с разрешения переводчика.

Результаты структурного анализа, полученные при создании трёх вариантов модели **AS IS** «Оценка качества перевода художественного текста», показывают следующее.

Работа редактора с текстом чужого перевода относится к промежуточной оценке качества перевода, выполняемой с профессиональных позиций, цель которой заключается в определении степени готовности перевода к сдаче заказчику. Конкретные действия редактора состоят в выявлении недостатков перевода, обосновании необходимости их устранения и внесении согласованных с переводчиком правок. Данные действия могут выполняться в процессе фрагментарной сверки перевода и оригинала (модель **AS IS, вариант 1**) или сплошной сверки (модель **AS IS, варианты 2 и 3**). Необходимость полной сверки связана с тем, что в противном случае редактор не владеет всем контекстом, и тогда возникает опасность пропуска ошибок и различного рода дефектов. В этом, в частности, заключается, на наш взгляд, некоторая уязвимость модели **AS IS, вариант 1**.

Поскольку субъектом оценки перевода является человек, процесс и результат оценки (в нашем случае оценки редактора) обусловлены действием как

объективных, так и субъективных факторов. К объективным факторам в первую очередь относятся оценочные критерии и действия субъекта оценки, которые основаны на теоретических знаниях в области общей и частных теорий перевода и нормативных требований к художественному переводу. Распространённая практика обращения к необходимым информационным ресурсам для самопроверки и обоснования своей оценочной позиции отображается на всех трёх вариантах модели **AS IS**, что также свидетельствует в пользу объективности оценочных суждений экспертов. Что касается субъективного фактора, то в данном случае его действие связано с влиянием прообраза перевода как ментального прототекста, возникающего в сознании редактора уже в ходе ознакомления с оригиналом. Неизбежность возникновения собственного варианта перевода и его влияния на оценочную деятельность связана с высоким уровнем переводческого мастерства редактора, что само по себе является своего рода гарантией качества конечного продукта. Однако, с другой стороны, это повышает риск вкусовой правки, что может приводить к своеобразной подгонке перевода под переводческое решение редактора, которое не улучшает перевод в стилистическом или содержательном отношении, а просто является другим. Вместе с тем, во всех трёх моделях предусмотрена возможность минимизации вкусовой правки за счёт использования инструментов обратной связи: устной и письменной коммуникации редактора и переводчика, в ходе которой обсуждаются проблемные фрагменты текста, приводятся аргументы обеих сторон и согласовывается внесение необходимых изменений в перевод.

В настоящее время одним из главных ориентиров для переводчика и редактора считается техническое задание на перевод, однако это характерно, скорее, для перевода специальной литературы. В случае художественного перевода известной, но далеко не распространённой практикой являются так называемые особые пожелания издательства в виде устных или неформальных письменных рекомендаций. Необходимость в последних возникает в нестандартных ситуациях перевода художественной литературы, когда издательство по тем или иным причинам заинтересовано в адаптационном или комментированном переводе.

Основными различиями в действиях редакторов является последовательность ознакомления с материалом исходного и переводного текстов. В вариантах 1 и 2 модели **AS IS** редактор начинает работу с ознакомления с текстом перевода, в варианте 3 – с чтения оригинала.

В целом, учитывая, что объектом оценки является текст художественного перевода, а субъектом – высоко профессиональный переводчик-редактор, в данном случае мы не считаем целесообразным давать какие-либо иные рекомендации и унифицировать данный вид деятельности. Редактор имеет полное право на реализацию своего собственного подхода, поскольку в данном случае различия в алгоритмах действий не оказывают существенного влияния на результат оценки художественного перевода.

Перспективы привлечения методов моделирования в исследовании оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности мы видим в том, что они предоставляют возможность детального изучения процесса оценки перевода и факторов, влияющих на её конечный результат и обеспечивающих объективность и конструктивность оценочных суждений. Одним из таких методов является структурно-функциональное моделирование, которое позволяет наглядно представить сущность и процедуру любой деятельности, выявить слабые звенья в изучаемых процессах и наметить пути их устранения.

Выводы по Главе 2

Исследование проблемы оценки качества перевода как специфического вида интеллектуальной деятельности ориентировано на выявление её основных этапов и описание тех факторов, которые оказывают определяющее влияние на формирование оценочного суждения, что способствует снятию ряда противоречий, неизбежно возникающих при изучении эмпирического материала.

Понятие *интеллектуальная деятельность* соотносимо с понятиями *мышление, мыслительная деятельность, умственные действия, процесс решения задач*, которые предполагают процессуальное рассмотрение. Одним из способов изучения процесса интеллектуальной деятельности, скрытого от непосредственного наблюдения, является метод моделирования, позволяющий осуществить изучение и описание общих структурных компонентов, к которым относятся регулирующие мотивы, цели, задачи и отдельные самостоятельные действия, направленные на достижение цели.

Предлагаемая модель оценочной деятельности в области перевода выстроена в виде иерархической структуры, в верхней позиции которой расположен компонент *сфера оценки*, в рамках которой проводится разграничение индустриальной, учебной, научно-исследовательской и общественной сфер. *Сфера оценки* играет детерминирующую роль в процессе оценочной деятельности, поскольку обуславливает конкретное наполнение таких компонентов модели, как *субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии и параметры*. В своей совокупности перечисленные компоненты определяют содержание и формат *конечного результата*.

Оценочная деятельность в области перевода является неотъемлемой составляющей переводческой деятельности, однако данные виды деятельности не тождественны. Перевод как вид профессиональной деятельности осуществляется представителями переводческой отрасли, т.е. индустриальной сферы, учебный перевод практикуется в процессе обучения будущих переводчиков, любительский перевод осуществляется непрофессионалами, как правило, с целью развлечения.

Данные виды перевода, включая и машинный перевод, являются объектами оценочной деятельности, при этом оценка перевода осуществляется представителями различных сфер с различными целями и с разных позиций, что в определённой степени объясняет расхождения в результатах оценки.

Система приоритетов субъектов оценки, влияющая на подход к оценке перевода, обусловлена их профессиональной или предметной деятельностью, что, в свою очередь, определяет уровень оценки – профессиональный или непрофессиональный, от которого во многом зависит цель и методы оценки, а также характер используемых критериев – формализованных или же понимаемых интуитивно.

Промежуточная оценка перевода, как и оценка конечная, осуществляется субъектами профессиональной и непрофессиональной оценки в зависимости от того, представителями какой сферы перевода они являются. В сфере индустриального перевода субъектами промежуточной оценки являются представители профессиональной среды (переводчики, редакторы и менеджеры переводческих проектов), а субъектами конечной оценки – представители непрофессиональной среды (заказчики и конечные получатели). В учебной сфере промежуточная оценка перевода осуществляется его исполнителями (студентами), в то время как конечная оценка выполняется представителями профессиональной среды (преподавателями). Любительский перевод оценивается самими исполнителями на промежуточном этапе и представителями широкой общественности на конечном этапе, однако его результаты могут также представлять определённый интерес для научно-исследовательской и учебной сферы.

Изучение процесса оценки перевода как вида интеллектуальной деятельности, осуществляемое с использованием метода структурно-функционального моделирования, позволяет наглядно представить сущность и процедуру оценочной деятельности, а также выявить слабые звенья и наметить пути их устранения. Эти возможности предоставляет технология SADT, широко используемая в структурном системном анализе для моделирования

информационных систем различного назначения, с применением нотации IDEF0, позволяющей сформировать наглядное графическое представление моделируемой системы и реализуемых в ней процессов.

Данный метод был использован в ходе исследования процессов оценочной деятельности в сферах учебного и индустриального перевода. На основе данных, полученных в ходе анкетирования и опроса преподавателей и редакторов перевода как лиц, выносящих оценочное суждение, была построена модель **AS IS**, отражающая реальную ситуацию оценки учебного и индустриального перевода, и оптимизированная модель **TO BE**, в которой были учтены обнаруженные недостатки. Контекстные диаграммы моделей **AS IS** и **TO BE** дают общее представление о системе, т.е. о процессе оценки качества перевода, и её взаимодействии с внешней средой. Дальнейшая детализация процесса оценочной деятельности предусматривает разбиение изучаемого процесса на несколько крупных фрагментов, каждый из которых описывается в виде диаграмм декомпозиции, уточняющих детали процесса и их взаимодействие.

Модель **AS IS** оценки учебного перевода показывает, что в данной сфере используется традиционный метод, который заключается в сверке исходного и переводного текстов, выявлении и подсчёте переводческих ошибок. Оценочные критерии, которыми руководствуется преподаватель перевода, в основном, понимаются интуитивно. Уязвимыми звеньями в данных моделях являются отсутствие задания на перевод, игнорирование субъектом оценки удачных переводческих решений, а также отсутствие обратной связи.

Модель **TO BE** позволяет усилить дидактическую составляющую оценочной деятельности в учебной сфере за счёт введения компонента *обратная связь*, которая выражается во взаимодействии преподавателя и обучаемого при анализе и исправлении допущенных ошибок. Доминирование микроуровня текста в процессе оценки устраняется за счёт введения в модель компонента *переводческое задание*, что позволяет рассматривать результат перевода как коммуникативное и семантическое целое. Помимо традиционной оценки в баллах в данной модели

вводится вербальная форма оценки, предусматривающая такие варианты, как оценочное суждение, комментарий и рекомендации преподавателя.

Моделирование оценки индустриального перевода осуществлялось на материале изучения оценочной деятельности профессиональных редакторов в области специального и художественного перевода. Модель **AS IS** «Оценка качества перевода специального текста» показывает, что редакторы используют традиционный сопоставительный метод проверки переводов, однако сплошная сверка текстов используется не всегда, что повышает риск пропуска ошибок. Оценочные критерии редактора перевода обусловлены действием как объективного, так и субъективного факторов, причём влияние последнего может оказаться значительным. Уязвимым звеном обоих вариантов модели **AS IS** является отсутствие в них *технического задания* (ТЗ) на перевод.

Модель **TO BE** «Оценка качества перевода специального текста» показывает, что для более эффективного управления процессом оценки редактору необходимо иметь чёткое представление не только о характере исходного материала, но и цели его перевода, что играет решающую роль при ранжировании критериев оценки. Сопоставление текста перевода с исходным материалом и техническим заданием на перевод должно обеспечить большую объективность оценки, а обратная связь в виде взаимодействия редактора и переводчика позволяет минимизировать вкусовую правку.

Результаты структурного анализа, полученные при создании трёх вариантов модели **AS IS** «Оценка качества перевода художественного текста», показывают, что редакторы используют сплошную и фрагментарную сверку исходного и переводного текстов, в процессе которой выявляются недостатки перевода и обосновывается необходимость их устранения. Объективность оценочных суждений редакторов обеспечивается теоретическими знаниями в области общей и частных теорий перевода и нормативных требований к художественному переводу, на основе которых формируются оценочные критерии редактора, а также широкой практикой использования необходимых информационных ресурсов для самопроверки и обоснования своей оценочной позиции.

Действие субъективного фактора связано с влиянием ментального прототекста, неизбежно возникающего в сознании редактора при ознакомлении с исходным текстом, что повышает риск вкусовой правки и может приводить к своеобразной подгонке перевода под переводческое решение редактора. Вместе с тем, во всех трёх вариантах модели **AS IS** предусмотрена возможность минимизации вкусовой правки за счёт использования инструментов обратной связи: устной и письменной коммуникации редактора и переводчика, в ходе которой обсуждаются проблемные фрагменты текста, приводятся аргументы обеих сторон и согласовывается внесение необходимых изменений в перевод.

Учитывая, что объектом оценки является текст художественного перевода, а субъектом – высоко профессиональный переводчик-редактор, в данном случае мы не считаем целесообразным давать какие-либо иные рекомендации и унифицировать данный вид деятельности. Редактор имеет полное право на реализацию своего собственного подхода, поскольку в данном случае различия в алгоритмах действий не оказывают существенного влияния на результат оценки художественного перевода.

Глава 3. Методологические основы системных исследований оценки качества перевода как вида интеллектуальной деятельности

В предыдущих разделах настоящей работы мы отмечали, что оценка качества перевода, представляющая собой специфический вид интеллектуальной деятельности человека, относится к категории сложных объектов, требующих многоаспектного подхода. В данной главе мы представим результаты системного исследования деятельностного аспекта оценки качества перевода, которое потребовало интеграции ряда научных дисциплин, в область которых входит изучение особенностей и характера оценочной деятельности, а также разработка различных методов и способов оценивания. Сформированная нами методологическая основа имеет комплексный характер и объединяет теорию перевода с психологией оценки, квалиметрией и системным анализом. Использование данных, полученных в области психологии оценки, связано с тем, что в результате исследований в данной области были сформулированы выводы о взаимодействии объективных и субъективных факторов в оценочной деятельности и обусловленности оценочных суждений качествами личности и степенью сформированности оценочного основания экспертов. Обращение к квалиметрии как научному направлению, изучающему способы и методы измерения и количественной оценки качества различных объектов, процессов и услуг, объясняется необходимостью анализа эффективности измерительных и автоматизированных методов оценки перевода, разрабатываемых в целях повышения её объективности. Решение об использовании методов системного анализа продиктовано мыслью о том, что одним из способов повышения объективности оценки является ограничение влияния субъективного фактора. В ходе нашего эксперимента по использованию методов экспертного оценивания, адаптированных к области перевода, оценка качества перевода осуществлялась группой экспертов, предлагавших свои решения, выраженные в количественной форме, которые были далее обработаны с помощью средств математического и статистического анализа. Полученные результаты позволили сформулировать

практические рекомендации по применению одного из наиболее эффективных методов системного анализа – метода анализа иерархий, главное достоинство которого заключается в том, что его использование позволяет не только учесть субъективные мнения экспертов, осуществляющих оценку перевода, но и просчитать степень согласованности оценочных суждений и осуществить их объективизацию.

3.1. Объективность и субъективность оценки качества перевода

Вопрос об объективности оценки качества перевода, осуществляемой различными субъектами – как специалистами в области теории, практики и дидактики перевода, так и представителями широкой общественности – представляет несомненный исследовательский интерес с позиций теоретического осмысления и анализа практического опыта.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что соотношение объективного и субъективного начала в оценочных позициях и суждениях оценивающей стороны рассматривается нами как диалектическое единство. Ранее мы отмечали, что оценивающие перевод эксперты основываются на собственных профессиональных знаниях, формируемых на базе нормативной теории, а также руководствуются документами, регламентирующими переводческую деятельность, к которым относятся профессиональные стандарты и литература нормативного характера. Однако даже в тех случаях, когда субъектом профессиональной оценки является специалист в области перевода, результат оценки не может считаться целиком и полностью объективным. Согласно данным психологов, занимающихся проблемами оценки и оценивания, любая оценочная деятельность субъективна по своей природе, в связи с чем влияние субъективного фактора на её конечный результат следует признать неизбежным [Батурин 1998; Батурин 2008; Батурин, Выбойщик 2008; Батурин, Карлышев 2009; Иноземцев 2011].

Экспериментальные исследования, проведённые в данной области, свидетельствуют о том, что результаты оценок различного рода далеко не всегда соответствуют общепризнанным критериям точности и правильности. В своё

время этот вывод получил отражение в принципе ограниченной рациональности Герберта Саймона, суть которого заключается в том, что «когнитивные способности отдельного человека ограничены, поэтому закономерно, что его оценки и решения существенно отличаются от рациональных, они не оптимальные и полны ошибок» [Приводится по: Батурин, Карлышев 2009, с. 12].

Ставя под сомнение такие характеристики оценки, как объективность и беспристрастность, Н. А. Батурин и Г. В. Карлышев предпочитают говорить, скорее, об *относительной* объективности оценочных суждений. Кроме того, оценка также обладает и свойством *изменчивости*, что объясняется, во-первых, фактором времени, а во-вторых, изменчивостью самих оценочных оснований, так как они «зависят от опыта, дополнительной информации, а значит, оценка обязана соответственно изменяться» [Там же].

С точки зрения цитируемых авторов, наиболее приемлемой положительной характеристикой оценки является *адекватность*, которая может быть применима к большинству существующих видов оценки, что, с нашей точки зрения, распространяется и на оценку перевода. «Адекватность не противоречит изменчивости, не предъявляет оценке высоких требований точности, допускает субъективность и пристрастность, поскольку может рассматриваться только с позиции *соответствия* оценок опыту и потребностям конкретного человека при отражении отношений, которые могут быть необходимы только одному субъекту» [Там же].

Субъективное начало, присутствующее в оценочных суждениях специалистов, психологи также связывают с влиянием такого фактора, как *индивидуальный оценочный стиль*, который проявляется в «устойчивых предпочтениях к использованию тех или иных способов оценивания», что обусловлено эмоциональными и интеллектуальными свойствами личности оценивающего субъекта [Батурин, Выбойщик 2008]. Согласно Н. А. Батурину и И. В. Выбойщику, к проявлениям индивидуального оценочного стиля относится склонность к крайностям при принятии решений, доминирование позитивных или же негативных оценок, а также предрасположенность субъекта к изменению своей

позиции при оценивании. Существование устойчивых предпочтений при использовании тех или иных способов оценивания связаны с эмоциональными и интеллектуальными свойствами личности субъекта оценки. Как отмечает Д. В. Иноземцев, точность профессионального оценивания зависит от когнитивных свойств, параметров оценочного стиля и интеллектуальных качеств эксперта [Иноземцев 2011, с. 104].

В настоящее время в профессиональной среде нередко звучит мысль о необходимости повышения объективности оценки качества перевода, что актуально как для индустриальной и учебной сферы, так и для научно-исследовательской. В этой связи возникает проблема поиска и анализа соответствующей методологии и методов оценивания, которые способны обеспечить обоснованность оценки, и, следовательно, повысить степень её объективности за счёт минимизации влияния субъективного фактора и проявления индивидуального оценочного стиля.

3.2. Методологические основы и методы оценки качества перевода

В ходе исследования мы пришли к мысли о том, что используемые в настоящее время подходы к оценке качества перевода можно (с некоторой степенью условности) подразделить на *традиционные, измерительные и автоматизированные*. Методологической основой *традиционного подхода* является нормативный раздел общей теории перевода, согласно которому качество перевода оценивается на основе критериев эквивалентности и адекватности, а также соответствия текста перевода переводческой норме, о чём уже шла речь в предыдущих главах работы. Вместе с тем, классические нормативные требования к переводу, характерные для лингвистической парадигмы, на практике часто оказываются в состоянии конфликта, что объясняет проблематичность соблюдения таких, например, требований, как прагматическая норма и норма эквивалентности перевода в рамках одного текста или же его фрагмента. В конечном итоге, приоритеты, определяющие переводческие действия, расставляются в соответствии с характером конкретной коммуникативной ситуации с участием

перевода, т.е. с его целью и адресатом. Как известно, при переводе юридических и технических текстов точность передачи содержания и соответствие требованиям по оформлению являются приоритетными критериями, в то время как при переводе маркетинговых материалов переводческие решения зачастую обусловлены необходимостью прагматической адаптации текста для обеспечения ожидаемой или планируемой реакции получателя перевода.

Коммуникативно-функциональная парадигма ставит во главу угла соответствие переводного текста прежде всего требованиям инициатора перевода или его заказчика, причём несоблюдение данного требования квалифицируется как нарушение прагматической нормы [Nord 2005]. Иными словами, перевод, оцениваемый как вполне добротный и точный с лингвистических позиций, в какой-то конкретной ситуации может не соответствовать представлениям и потребностям заказчика и по этой причине оказывается неадекватным поставленной или предполагаемой цели. Само существование подобных ситуаций ставит перед теоретиками и практиками перевода вопрос об отборе и построении рейтинга критериев оценки, как общих, основанных на профессиональных требованиях, так и частных, обусловленных конкретной переводческой ситуацией и потребностями или ожиданиями заказчика. Проблема оценивания перевода разными субъектами на основе их собственных приоритетов и параметров конкретной коммуникативной ситуации с использованием перевода получила подробное освещение в монографии В. В. Сдобникова [Сдобников 2015, с. 60-92]. Принципиальным отличием оценки перевода, осуществляемой с позиций коммуникативно-функционального подхода, является выход за рамки текста и смещение фокуса на коммуникативную ситуацию. Как отмечает В. В. Сдобников, оценка перевода осуществляется всеми участниками коммуникативной ситуации, включая её инициатора, и поэтому содержание конкретных оценочных критериев полностью зависит от субъекта оценки. Например, в рассматриваемой В. В. Сдобниковым ситуации устного перевода, обозначаемой как КСП-1, к которой относятся официальные встречи, презентации, интервью, круглый стол, шепмонтаж и т.д., субъектами оценки являются заказчик или инициатор перевода,

отправитель исходного сообщения и конечный получатель. Конечный получатель, в большинстве случаев не знающий исходного языка, оценивает перевод с позиций соответствия / несоответствия его ожиданиям. Отправитель сообщения, не владеющий переводящим языком, оценивает качество перевода и успешность работы переводчика на основе соответствия реакции получателей его ожиданиям, как вербальной (уточняющие вопросы), так и невербальной (смех как реакция на шутку). Как правило, лингвистические критерии при этом не используются за исключением тех ситуаций, когда автор исходного текста владеет переводящим языком и поэтому может оценить точность передачи информации и узуальность используемых средств языка перевода. Инициатор / заказчик *перевода* в большинстве случаев не владеет переводящим языком и далеко не всегда непосредственно вовлечён в коммуникативную ситуацию. Поэтому главным оценочным критерием данного субъекта является удовлетворённость конечных получателей перевода, т.е. перевод оценивается исходя из того, насколько он оказался удачным для обеспечения успеха мероприятия. Таким образом, оценки, сделанные разными субъектами, – это оценки разного уровня [Там же].

Возвращаясь к проблеме методологии и методов оценки качества перевода, осуществляемой профессиональным субъектом оценки, отметим, что *традиционный подход* к оценке качества перевода реализуется с помощью сопоставительного метода, суть которого заключается в проверке перевода «вручную», т.е. выявлении и подсчёте переводческих ошибок на основе сравнения исходного и переводного текстов. В сфере учебного перевода данный метод используется при проверке студенческих работ, по результатам которой преподаватель принимает решение о том, насколько существенно сказываются допущенные ошибки, их общее количество и степень серьёзности на качестве конкретного перевода, и выставляет соответствующую оценку в баллах. В индустриальной сфере данный метод используется при редактировании перевода, а количество и степень серьёзности допущенных ошибок является основанием для того, чтобы вернуть перевод на доработку.

Традиционный сопоставительный метод достаточно эффективно работает при оценке нормативности переводящего языка, однако ситуация со смысловым содержанием текста может оказаться неоднозначной. Нередко возникающие вопросы о том, насколько точно требуется передать ту или иную информацию исходного текста, насколько успешно или обоснованно был применён тот или иной переводческий приём, и насколько критичной оказывается та или иная ошибка для конкретного текста, относятся к разряду дискуссионных. Так, например, орфографическая или пунктуационная ошибка обычно квалифицируется как «техническая», однако это справедливо только в том случае, если она не выходит за рамки чисто языкового уровня. Если же последствием подобных ошибок является искажение на уровне предметно-логической ситуации или прагматики текста, то ошибка такого рода неизбежно затрагивает смысловое содержание текста, что значительно снижает качество перевода. (Проблема переводческих ошибок как параметров оценки качества перевода рассматривается в Главе 4 настоящей работы.) Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что широко практикуемая в учебной сфере оценка в баллах (по пяти-, десяти- и стобалльной шкале) в значительной степени основана на интуиции, знаниях и качествах личности конкретного преподавателя, а, следовательно, она не свободна от субъективности.

Несмотря на то, что в современной литературе по теории и практике перевода часто употребляется такой термин, как *вес ошибки*, преподаватель перевода «взвешивает» обнаруженные дефекты и несоответствия, действуя в основном на интуитивной основе. Это приводит к тому, что за ошибку одного и того же типа может быть снято разное количество баллов, что наблюдается, например, при проверке текстов большого объёма во время учебной переводческой практики. Таким образом, очевидно, что содержание термина *вес ошибки* всегда требует конкретных уточнений и / или дополнительной аргументации. Кроме того, существует и проблема технического характера: для того, чтобы всесторонне проанализировать и оценить студенческую работу, преподавателю часто не хватает стандартных пяти баллов. Что касается сто балльной системы оценивания, то здесь

неизбежно возникает вопрос о соответствии между общим количеством баллов и итоговой оценкой за перевод [Княжева 2023].

В настоящее время повышение объективности оценки качества перевода связывают с *измерительным подходом*, который практикуется во многих сферах человеческой деятельности, поскольку мысль о том, что объективность оценок любого рода достигается благодаря использованию измерений, является в науке общепризнанной. Методологической основой измерительного подхода является квалиметрия как научное направление, изучающее «методологию и проблематику комплексного количественного оценивания качества объектов любой природы, предметов или процессов, продуктов труда или продуктов природы, имеющих материальный или духовный характер, искусственное или естественное происхождение» [Савцева 2014, с. 145].

В квалиметрической парадигме под термином *качество* понимается функция организованной системы, которая определяется по количественным параметрам, доступным измерению, и характеризуется как переменная величина [Там же]. И поскольку *качество* проявляется через объективные особенности объекта, или его свойства, *оценивание качества*, в соответствии с данной методологией, предполагает выполнение следующего порядка действий. В первую очередь, определяется совокупность свойств, характеризующих качество объекта оценки в достаточно полной мере. Далее осуществляется измерение данных свойств с помощью определения их численных значений. И, наконец, полученные данные сопоставляются с аналогичными характеристиками другого объекта, принимаемого за эталон. Согласно В. В. Савцевой, полученный таким образом результат характеризует качество объекта с достаточной степенью достоверности [Там же, с. 144].

Для измерения показателей качества в квалиметрии используются такие методы как: экспериментальный метод (основан на обнаружении и подсчете количества дефектов); расчетный метод (позволяет производить вычисления показателей качества в зависимости от значений различных параметров объекта); экспертный, или эвристический метод (ориентирован на мнения специалистов);

органолептический метод (основан на ощущениях органов чувств); социологический метод (базируется на сборе и анализе мнений реальных или потенциальных потребителей объекта). Помимо этого, используются современные математические методы из теории вероятности и статистики, линейного, нелинейного и динамического программирования, теории игр, теории оптимального управления, теории случайных процессов и т.д. [Там же, с. 145-146].

Что касается оценки качества перевода, то в данной области ситуация с использованием измерительных методов не свободна от противоречий. С одной стороны, у консервативной части академической среды, представители которой осуществляют подготовку переводчиков, проблема измерения качества перевода нередко вызывает скептическое отношение. С другой, известен опыт некоторых, хотя и очень немногочисленных учёных по разработке и использованию измерительных методов оценки перевода с использованием классических переводоведческих критериев адекватности и эквивалентности. В этом отношении показателен эксперимент финских исследователей по применению различных методик оценки качества переводов по лингвистическим и психолингвистическим критериям, осуществлённый ещё в 80-х гг. прошлого века. С. Тиркконен-Кондит [Tirkkonen-Condit 1985] и И. Вехмас-Лехто оценивали адекватность перевода путём сопоставления глобальных характеристик исходного и переводного текстов, в качестве которых рассматривались функциональные и иерархические связи между предложениями, группами предложений и абзацами. Другое направление их исследований было посвящено сопоставительному изучению реакций лингвистически подготовленной и неподготовленной аудиторий на текст перевода с использованием, соответственно, текстолингвистических параметров и «импрессионистских» оценок («плохой перевод» / «хороший перевод») [Tirkkonen-Condit 1986]. В целях упорядочивания субъективных индивидуальных оценок в ходе эксперимента был использован метод парных сравнений, который заключался в том, что текст А сравнивался с текстом Б, с текстом В и т.д. Далее текст Б сравнивался с текстом В и т.д. На каждом из трёх этапов эксперимента субъектами оценок являлись преподаватели перевода, преподаватели финского языка и

студенты (лингвистически подготовленные и лингвистически неподготовленные). В результате оказалось, что оценка переводов по лингвистическим критериям, выполненная преподавателями перевода, в целом совпала с оценкой переводов, выставленной лингвистически неподготовленной аудиторией. Однако при этом было выявлено существенное расхождение с оценками преподавателей финского языка. Комментируя полученные результаты, С. Тиркконен-Кондит отмечала, что и преподаватели перевода, и лингвистически неподготовленные испытуемые обращали основное внимание на коммуникативные особенности текста, причём последние, собственно, и отразили восприятие переводного текста его получателем. Преподаватели финского языка подходили к текстам переводов со своих позиций, обращая внимание на малейшие стилистические погрешности, что и сказалось на их гораздо более жёстких оценках. [Приводится по Комиссаров 1999, с. 108-114].

На современном этапе *измерительный подход* реализуется в переводческой сфере через разработку методов количественной оценки качества перевода, известных как TQ metric. Главная цель разработчиков количественных методов заключалась в создании инструмента, который способен обеспечить точную и максимально объективную оценку перевода, выраженную численно [Тишин 2009; Чемезов 2017; Makoushina 2007; Gural, Chemezov 2014; Schiaffino, Zearo 2005; Han, Jones, Smeaton 2021].

Согласно информации, представленной на сайтах крупных переводческих компаний (например, Lionbridge, Aliquantum, Palex), системы TQ metric используются как для внутреннего аудита переводческой фирмы (например, в целях оценки сотрудников), так и в целях экспертизы перевода. К моделям и системам, применяемым сегодня на практике, относятся: система Sical, разработанная Канадским государственным бюро переводов, которая используется для проведения аттестации переводчиков; система SAE J 2450, разработанная Британским агентством переводов, которая предназначена для оценки технических переводов в американской автомобильной промышленности; система BlackJack; система ATA применяемая при сертификации переводчиков в США; система LISA

QA Model, разработанная Международной ассоциацией в области стандартов локализации (Localization Industry Standards Association), которая ориентирована на универсальную оценку переводческого продукта. У некоторых компаний есть свои собственные системы количественной оценки качества, например, системы компаний Lionbridge Technologies и БП Окей. Обзор наиболее известных систем количественной оценки перевода представлен в диссертации Е. А. Гильмуллиной «Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход» [Гильмуллина 2016].

Предполагается, что объективность оценки при использовании систем TQ metric достигается за счет формализованной процедуры, представляющей собой следующий порядок действий: 1) разработка классификатора ошибок с указанием относительного «веса» каждой ошибки; 2) проверка перевода с заполнением соответствующей формы; 3) вычисление TQI (Translation Quality Index) – индекса качества перевода, представляющего собой количественный результат оценки качества перевода; 4) сопоставление TQI со шкалой, в которой заданы пороговые (а иногда и промежуточные) значения качества перевода [Тишин 2009; Чемезов 2017].

При составлении классификатора ошибок выбираются или создаются необходимые категории ошибок, например: Accuracy, Style, Grammar, Formatting, которые далее детализируются за счёт включения в них конкретных типов ошибок. В свою очередь категория Accuracy включает такие типы ошибок, как Incorrect meaning, Non-standard terminology, Inconsistent terminology, Untranslated SL; а к категории Style относятся Wrong register, Inappropriate anglicisms, Inappropriate use of passive/active voice. Каждому из типов ошибок присваивается вес, который является численным показателем, отражающим степень серьезности ошибки. Например, в системе LISA QA переводческие ошибки квалифицируются как *critical*, *major* и *minor* (критические, серьезные и незначительные) которым соответствует определенное количество баллов: critical 10, major 5, minor 1 [Жомин 2005]. Подчеркнём, что выбор и наполнение категорий, а также присвоение веса

разным типам ошибок делается вручную, т.е. эти решения принимает субъект оценки.

После проверки перевода и заполнения формы следует этап математической обработки данных, который представляет собой вычисление индекса качества перевода TQI (Translation Quality Index). Отметим, что способы расчета количественной оценки качества перевода могут варьироваться. Например, в системе ATA производится расчет балла ошибок, приходящихся на объем текста в 250 слов: $ATA\ TQI = EP/W/250$. Соответственно, чем меньше коэффициент TQI, тем более качественным является перевод. При расчете может использоваться также балл за отличный перевод, который не должен превосходить значения, равного 3. В системе SAEJ 2450 коэффициент TQI представляет собой отношение суммарного балла ошибок и количества слов в тексте перевода: $TQI = EP/W$. В системах LISA и БП Окей используется формула $TQI = (1 - EP/W)*100$, в соответствии с которой рассчитывается балл ошибок на 100 слов текста, а далее этот балл вычитается из 100 и таким образом определяется объем текста, выполненный без каких-либо переводческих ошибок. Таким образом, чем больше значение TQI, тем более качественным является перевод. Полученное значение TQI сопоставляется со специально разработанной шкалой, в которой заданы пороговые и промежуточные значения степени качества выходного продукта.

Negative	Poor	Low	Improbable	Average	Good	Excellent
0%	50%	60%	70%	80%	90%	100%

Рис. 3.1. Пример оценочной шкалы.

Поскольку все указанные системы имеют собственную классификацию ошибок и градацию их веса, а также способ расчета оценки, TQI разных систем не подлежат прямому сравнению. Все модели, за исключением SAEJ 2450, имеют пороговое значение, ниже которого перевод считается неудовлетворительным и не подлежит передаче заказчику. Для системы ATA это пороговое значение

составляет 18 баллов ошибок на 250 слов (92.80%), для стандарта LISA – 1 балл ошибок на 100 слов (99%) и для стандарта БП «Окей» – 14 баллов ошибок на 100 слов (86%). Таким образом, наиболее строгие требования к качеству перевода предъявляются моделью LISA; далее следует модель АТА, где требования к качеству перевода несколько ниже, а модель БП «Окей» оказывается наименее жёсткой. Результаты проведённого нами сопоставления представлены на рис. 3.1 в процентном выражении.

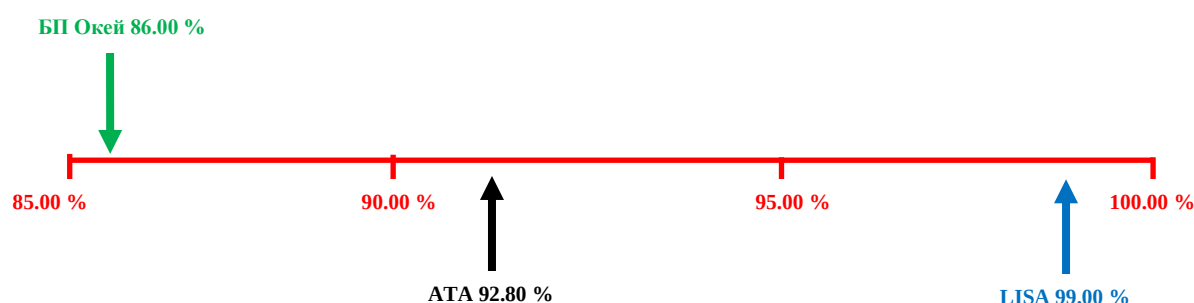

Рис. 3.2. Сопоставительная шкала TQI порогового значения в системах LISA, АТА и БП «Окей»

Разработка и внедрение *автоматизированного подхода* к оценке качества перевода связаны с развитием и широким использованием систем машинного перевода. Методологическая основа автоматизированной оценки перевода имеет комплексный характер, поскольку объединяет информационные технологии, квалиметрию, теорию перевода и лингвистику. Совокупность свойств и характеристик качества перевода, а также критерии оценки преимущественно основаны на лингвистических параметрах текста и переводческих критериях, в то время как разработкой инструментария занимается специалист в сфере информационных технологий. Инструменты автоматизированной оценки качества перевода QAT (Quality Assessment Tools) включают отдельные приложения, QA-плагины и QA-функции программ ТМ (Translation Memory) [Gural, Chemezov 2014], [Vela-Valido 2021]. Преимущество отдельных приложений заключается в их способности работать с разными типами файлов, тогда как плагины ограничены

только форматом программы [Там же]. Фактически, разработка систем QAT начинается с создания баз данных Quality Memory Tools (QMT, базы переводов). Возможность пополнения баз существует в Déjà vu, Trados QA Checker, а в программах типа Xbench пользователь следует стандартным настройкам, включённым в набор правил приложения [Макушина, 2007]. Новые программы, плагины и функции программ, оценивающие качество перевода, разрабатываются на основе таких систем, как ABBYY Aligner, Déjà vu, Omega T, SDLX, STAR Transit, Wordfast.

Необходимо подчеркнуть, что эффективное использование того или иного средства автоматизированной оценки качества перевода возможно только при условии предварительной подготовки программы. Рассмотрим этот процесс на примере одного из наиболее популярных инструментов – модуля оценки качества перевода TQA в Trados Studio. В первую очередь субъект оценки (в данном случае имеется в виду редактор перевода) либо создаёт собственный шаблон TQA (TQA Template), в котором задаются критерии оценивания, либо выбирает один из встроенных в программу шаблонов, основанных на четырёх метриках: LISA, MQM, SAE или TAUS. В первом случае редактор самостоятельно создаёт категории ошибок, включающие различные виды ошибок, которым, в зависимости от степени серьёзности, присваиваются штрафные баллы. Во втором случае категории, подвиды и штрафные баллы уже заданы, однако редактор имеет возможность изменять существующие настройки, подстраивая метрики под цели и задачи конкретного проекта. Например, в шаблоне TAUS предусмотрены следующие категории ошибок: Accuracy, Language, Others, Style и Terminology. В каждой категории представлены различные виды ошибок: от орфографических, пунктуационных и грамматических в категории Language до добавлений и неточностей в категории Accuracy (addition, ambiguous, improper, mistranslation и т.д.). В отдельной графе также представлены пояснения, раскрывающие суть того или иного вида ошибки.

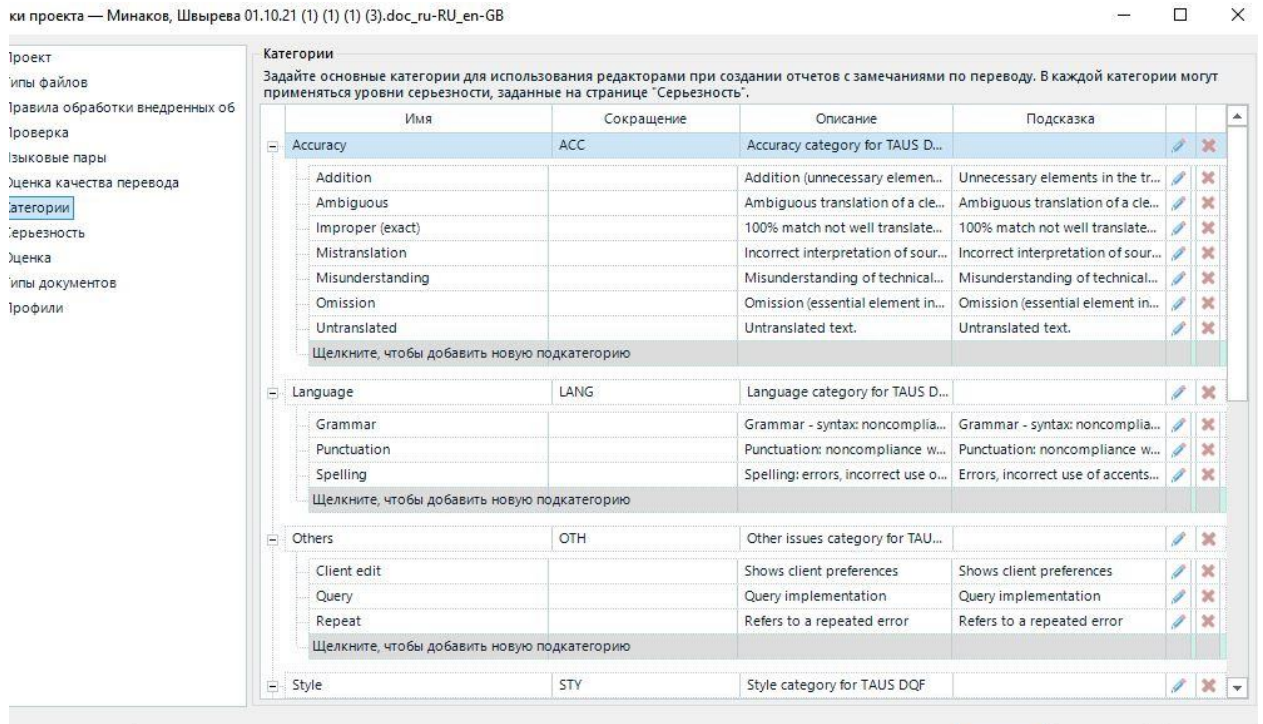

Рис. 3.3. Диалоговое окно с настройками шаблона TAUS в программе SDL Trados Studio 2019

На данном этапе редактор может удалить или добавить как отдельные виды ошибок, так и целые категории. Далее задаются уровни серьезности ошибок, например, critical, major, minor.

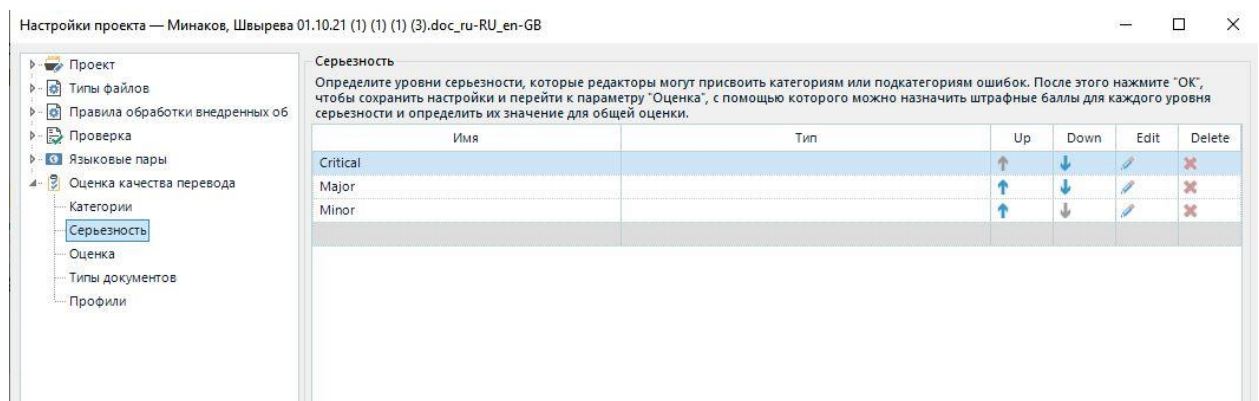

Рис. 3.4. Определение степени серьезности ошибок для шаблона TAUS в программе SDL Trados Studio 2019

После этого каждому виду ошибки назначается количество штрафных баллов по шкале от 1 до 10 и задаётся порог пригодности/непригодности, т.е. максимально допустимое количество штрафных баллов на определённый объём текста (например, на 1000 слов), при превышении которого текст перевода автоматически определяется как не прошедший проверку.

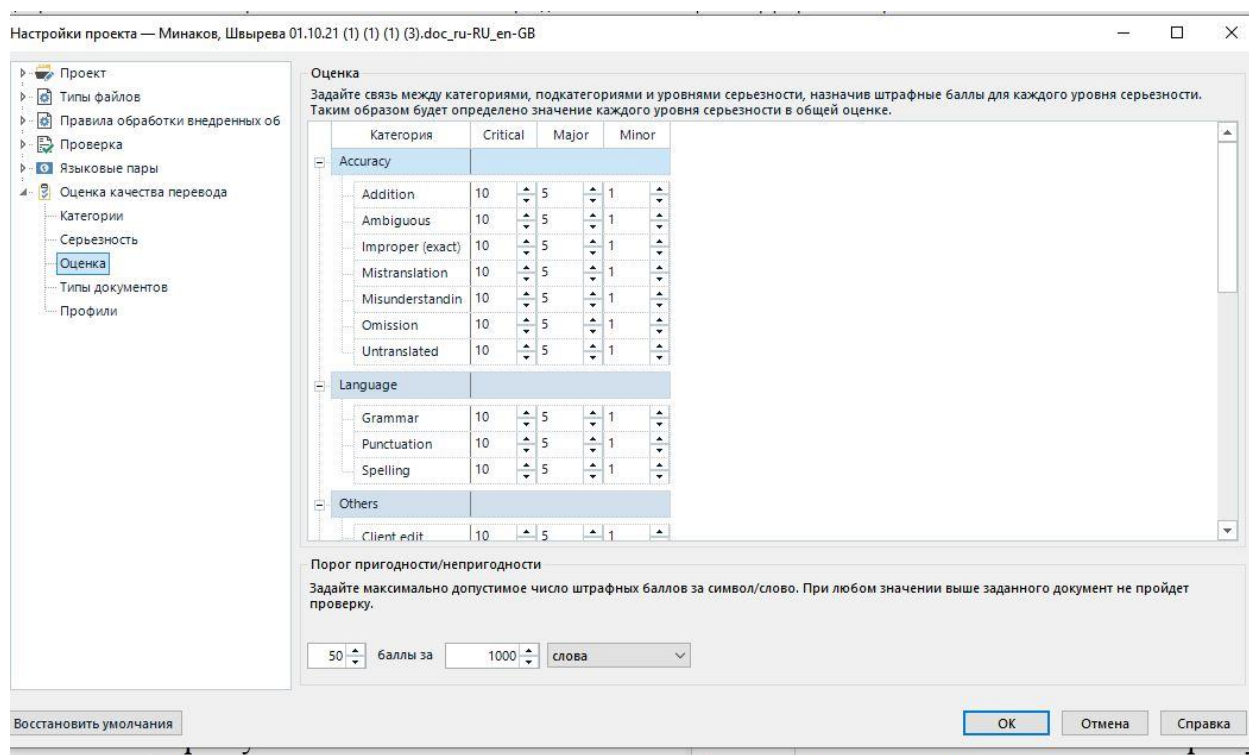

Рис. 3.5. Шкала штрафных баллов по категории, виду и степени серьёзности ошибки для шаблона TAUS в программе SDL Trados Studio 2019

Завершив настройки, редактор переходит к работе над конкретным файлом перевода. Данный этап в целом соответствует традиционному процессу редактирования и подразумевает сплошную вычитку текста перевода в сопоставлении с оригиналом с той лишь разницей, что редактор не вносит изменения в текст перевода, а только отмечает ошибки. В отдельном диалоговом окне редактор выбирает категорию, вид и степень серьёзности ошибки из тех, что были ранее заданы в шаблоне, а также при необходимости оставляет комментарий для переводчика. После разметки текста перевода программа автоматически присваивает штрафные баллы выделенным ошибкам, подсчитывает общее

количество ошибок, количество ошибок по степени серьёзности и количество ошибок каждой категории, а также предлагает финальную оценку: перевод принимается / перевод не принимается. Редактор может либо принять, либо изменить финальную оценку и оставить комментарий для переводчика или заказчика.

После этого программа генерирует отчёт, в котором представлена подробная статистика по каждому виду ошибок, а также сводная таблица всех фрагментов текста, в которых редактор обнаружил ошибки, в следующем формате: номер сегмента – текст оригинала – текст перевода – отредактированный перевод (если редактор предлагает свой вариант) – тип ошибки – категория ошибки – серьёзность ошибки – комментарий редактора. Этот отчёт отправляется переводчику для доработки текста перевода либо заказчику или менеджеру проекта для подтверждения уровня выполненного перевода.

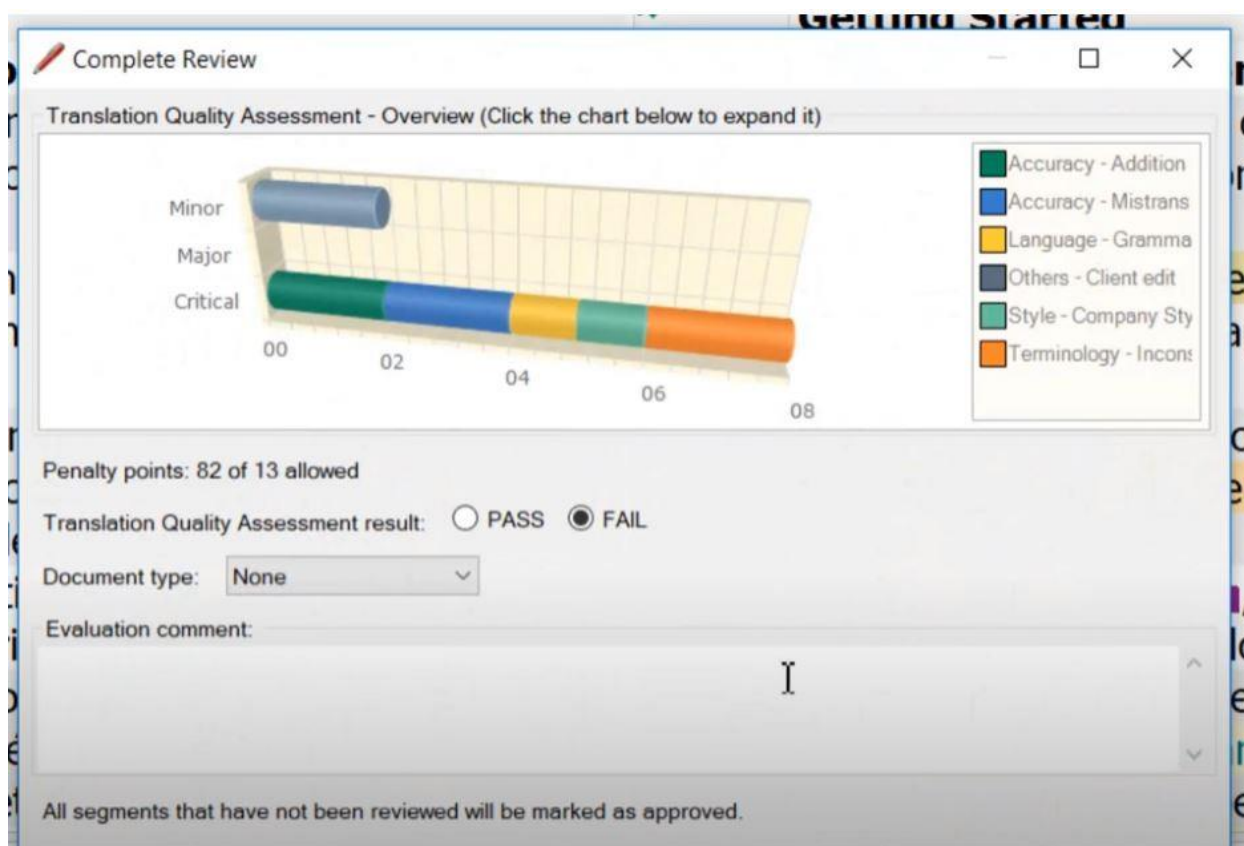

Рис. 3.6. Результат оценки качества перевода в программе SDL Trados Studio

Приведённые в данном разделе работы рассуждения свидетельствуют о том, что влияние субъективного фактора вполне очевидно не только при использовании традиционных методов оценки качества перевода, но и измерительных и автоматизированных, поскольку в последних двух случаях основные операции делаются вручную. Несмотря на возможность получения объективных сведений о свойствах объекта оценки, субъективное начало проявляется как при выборе эталона, т.е. того образца, с данными о котором сопоставляются сведения о свойствах исследуемого объекта, так и при выборе методов оценки, в большей степени соответствующих интересам и задачам эксперта [Савцева 2014, с. 144]. Кроме того, научная ценность информации, полученной при использовании экспертных методов, напрямую зависит от психофизиологических возможностей эксперта, от соответствия требованиям к психологическим характеристикам экспертов и рекомендациям по правильной процедуре проведения экспертного опроса [Там же, с. 145].

Таким образом, для оценочной деятельности в области перевода характерно взаимодействие субъективного и объективного начал, в связи с чем говорить о достижении полной объективности было бы сильным упрощением. Вместе с тем, существуют различные возможности *повышения* объективности оценки, к которым относятся распространённые в квалиметрии экспертные методы, поскольку в подобных случаях речь идёт об использовании обобщенного опыта, квалификации и интуиции экспертов как специалистов в конкретной области знаний. Далее мы рассмотрим один из возможных подходов к проблеме оценки качества перевода на основе использования экспертных методов системного анализа и представим результаты проведённого нами экспериментального исследования.

3.3. Проблема оценки качества перевода в русле методологии системного анализа

Предварительно следует сказать несколько слов о терминах *системный подход* и *системный анализ*, которые в настоящее время широко используются в естественных, технических и гуманитарных науках. В самом широком смысле под

системным подходом имеется в виду направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем. Соответственно, одним из главных принципов исследования является его направленность на раскрытие целостности объекта путём выявления многообразных типов связей и сведения их в единую теоретическую картину [Большой энциклопедический онлайн словарь]. В лингвистике XX века системное понимание языка получило отражение в трудах Фердинанда де Соссюра, Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна де Куртенэ, О. Есперсена, Ш. Балли [Мельников 1973]. Становление и развитие системного подхода к языку происходило на фоне перехода науки XX в. от атомистических к холистическим взглядам и признанию доминирования целого над частями. Идеи о системной организации языка получили развитие в русле структурной лингвистики. Системный подход представителей пражской лингвистической школы, получивший отражение в трудах Р. О. Якобсона, Б. Трнки, Й. Вахека, С. О. Карцевского, Е. Д. Поливанова, заключался в рассмотрении языковой системы как системы функциональной, т.е. служащей какой-либо определённой цели [Кондрашов 1967; Джавршян 2008]. Используемое структуралистами понятие функции языка указывает на место языковой системы в системе высшего порядка, которой является общественная жизнь людей; функция языкового элемента понимается как его роль и соотношение с другими элементами языковой системы. Подчеркнём, что подобное понимание языка как «системы систем» созвучно концепции основателя общей теории систем Людвиг фон Берталанфи, согласно которой различные объекты могут рассматриваться как взаимосвязанные системы независимо от их конкретной природы [Берталанфи 1969]. Более того, данная трактовка в определённой степени соответствует пониманию *сложной системы* в современной кибернетике. С точки зрения Л. Н. Черкасова, системное изучение языка с учётом его связей с внешними факторами является общей тенденцией, наблюдаемой в отечественной и зарубежной лингвистике. Исходя из этого, «есть основание полагать, что системный подход в изучении языка удержит лидирующее место в методологии лингвистических исследований» [Черкасов 2012, с. 106].

Термины *системный подход* и *системный анализ* также получили распространение и в современной теории перевода [Гарбовский 2004; 2015]. Использование данных терминов в переводоведческой литературе отражает их общее значение, характерное для теории познания в целом, так и явное влияние уже упоминавшейся выше общей теории систем. По мнению Н. К. Гарбовского, одна из главных проблем современного переводоведения заключается в том, чтобы попытаться «совместить необходимую широту взгляда с точно обозначенной предметностью» [Гарбовский 2015, с.13]. Возможный способ решения этой задачи видится автором в синтезе предметов разных наук, изучающих перевод, и в создании нового направления, которое Н. К. Гарбовский обозначает как *системологическое*, ориентированное на «синтез различных предметов с целью построения единой теории объекта, способный привести к созданию новой научной дисциплины <...>. Иначе говоря, наука о переводе должна синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой **системы**» [Там же]. Системный подход к переводу заключается в том, что он позволяет выявлять разнообразные типы внешних и внутренних связей изучаемого объекта, и в итоге позволяет получить единую теоретическую картину. Это свидетельствует о методологической ценности системного подхода к переводу, позволяющего «ориентировать исследование изучаемого объекта на раскрытие его целостности и на анализ тех механизмов, которые эту целостность обеспечивают» [Там же, с. 15].

Уточним, что в настоящей работе мы сочли необходимым использовать понятия и термины *системный подход* и *системный анализ*, заимствованные из системных исследований в области естественных и технических наук. Термин *системный подход* означает многоаспектный характер изучения сложного объекта с разных сторон, или точек зрения, или аспектов. Данный подход также подразумевает сохранение комплексного характера проводимого исследования, предполагающего учет взаимовлияния различных аспектов и разнородных факторов. Реализация этих двух концепций системного подхода, в отличие от классического разделения на узкоспециализированные (экономические,

химические, физические и др.) исследования, позволяет получить более полное представление о реальных сложных объектах, выявить их новые и подчас неожиданные свойства и лучше определить взаимоотношения объекта с внешней средой. В современной теории систем использование данных терминов связано с представлением сложных объектов исследования с целью их изучения, ориентированного на улучшение ситуации [Алгазинов, Сирота 2009, с. 52].

Наглядное представление о сущности системного подхода и его применении в познании простых и сложных объектов дает метафорическое отображение, предложенное А. А. Сиротой [Алгазинов, Сирота 2009, с. 27] и представленное здесь на рис. 3.7. Смысл приведённого здесь рисунка состоит в том, что познание геометрических свойств простого объекта, в данном случае, шара, требует использования только одной точки зрения, или аспекта. Свойства объекта сложной формы могут быть поняты (хотя и не до конца) при использовании различных точек зрения, которые затем объединяются в рамках комплексных исследований для составления целостного представления об анализируемом объекте. Несмотря на внешнюю очевидность и целесообразность подобного подхода, в реальной жизни он реализуется далеко не всегда.

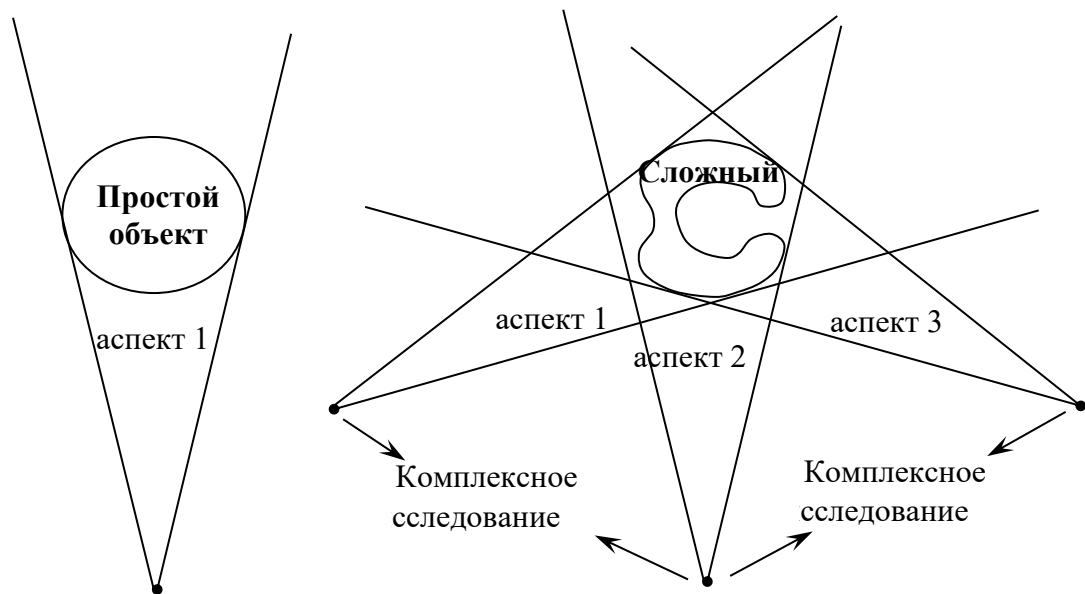

Рис. 3.7. Многоаспектное и комплексное восприятие сложного объекта

Используемый здесь и далее термин *системный анализ* обозначает исследование сложной проблемы, осуществляемое с использованием определенной методологии, которая обеспечивает формирование структурной основы проведения исследований для решения сложной проблемы по частям. В частности, речь идёт о том, чтобы расчленить сложную проблему на более простые проблемы или задачи, выделить этапы анализа, разбить изучаемый процесс на отдельные подпроцессы и т.п.

Особое внимание при реализации системного анализа уделяется определению целей при решении сложной проблемы, вопросам формализации представления целей и их структурирования при декомпозиции изучаемой проблемной ситуации. В ходе системного анализа могут исследоваться также такие понятия, как планирование поведения системы, структура и эффективность системы в зависимости от основных факторов внешней среды. Для подобных исследований характерно сочетание формальных и неформальных методов и приёмов, которые соответствуют сути решаемой проблемы.

Идея системного анализа существовала в интуитивном представлении учёных ещё во времена античности. Как известно, основные принципы данного

вида интеллектуальной деятельности были сформулированы древнегреческим философом Демокритом в его сочинении «Письмо учёному соседу» следующим образом: «Если тебе, мой друг, нужно разобраться в сложном нагромождении фактов или вещей, ты сначала разложи их на небольшое число куч по похожести. Картина прояснится, и ты поймешь природу этих вещей» [Демокрит 1955]. Таким образом, основной методологический принцип системного анализа заключается в том, чтобы разложить *сложную проблему на несколько простых задач*, последовательное решение которых и будет основанием для получения конечного результата.

Методы описания и исследования сложных проблем в ходе системного анализа (далее СА) классифицируются в порядке возрастания степени формализации на *количественные* и *качественные* методы [Алгазинов, Сирота 2009, с. 27].

Количественные методы СА связаны, прежде всего, с анализом и количественной оценкой вариантов, описанием законов функционирования систем, установлением связи показателей их эффективности и основных внешних факторов влияния, определением точности, корректности используемых моделей систем. При использовании данных методов постановка задачи целиком и полностью осуществляется человеком. В литературе данные методы также называют методами формализованного представления систем. К ним относят методы математического анализа, статистические методы, теоретико-множественные методы (общая теория абстрактных множеств, реляционная алгебра, теория категорий, теория нечетких множеств и т.п.), логико-математические методы (алгебра логики, методы логического анализа и вывода и др.), структурно-лингвистические методы и пр. [Алгазинов, Сирота 2009; Анфилатов 2005; Мухин 2006; Ползунова, Краев 2004].

Качественные методы СА направлены на организацию постановки задачи, первый этап ее формализации, формирование множества альтернативных вариантов решения и выбор подходов к оценке вариантов. Эти методы и подходы являются эвристическими, то есть опирающимися на опыт, творческий потенциал

и интуицию исследователя. К подобным методам, подробно описанным в литературе, относят методы «мозгового штурма», методы сценариев, методы «Дельфи», методы деревьев целей (метод Черчмена, метод PATTERN), методы экспертных оценок (метод прямого ранжирования, метод последовательных сравнений, метод парных сравнений, метод анализа иерархий, методы организованных стратегий творчества и алгоритмы решения изобретательских задач, и многие другие [Анфилатов 2005; Андрейчиков, Андрейчикова 2004; Мухин 2006; Ползунова, Краев 2004].

Следует отметить, что классификация, предусматривающая выделение количественных и качественных методов, является в достаточной степени условной. Зачастую методы использования опыта и активизации творческого потенциала специалистов в той или иной степени используют формализованные представления (статистический анализ данных, графическое описание задачи и т.п.). С другой стороны, морфологические методы в ряде работ относят к количественным методам [Мухин 2006, с. 52]. Исходя из того, что строгого разделения на формальные и неформальные методы не существует, можно говорить лишь о большей или меньшей степени формализации или опоре на интуицию и здравый смысл исследователя.

Между рассмотренными крайними классами методов имеются методы и подходы, которые направлены на то, чтобы в максимально возможной степени охватить стадии постановки задачи, выбора альтернативных вариантов, их исследования и количественной оценки. Данные подходы можно назвать синтетическими, так как они сочетают разнообразные способы анализа и описания сложных систем и позволяют разрабатывать как концептуальные, так и формализованные модели систем, обеспечивающие выработку необходимых решений на всех этапах исследования.

Возвращаясь к проблеме оценки качества перевода, которая, несомненно, относится к категории сложных объектов исследования, отметим, что и сам перевод, и его оценка представляют собой своеобразную точку пересечения практически всех областей гуманитарного знания и разнообразных методик

исследования [Гарбовский 2004, с. 13]. Поэтому вполне естественно, что современное переводоведение развивается в настоящее время как направление междисциплинарного характера, объединяющее лингвистику, семиотику, теорию коммуникации, психологию и т.д. Причём, даже в переводоведческих работах лингвистического направления отчётливо проявляется осознание необходимости всестороннего подхода к анализу как теоретических, так и практических проблем перевода: исследователи всё чаще обращаются к терминам «системный подход» и «системный анализ», интерпретируя их содержание как «многоаспектный». Отметим, что в лингвистике и переводоведении эти два понятия зачастую употребляются как синонимы, что, на наш взгляд, не вполне корректно, поскольку ограничивает возможности применения методик системного анализа в целях исследования проблем перевода.

Как уже было отмечено выше, при использовании традиционных методов оценки качества перевода сам факт наличия субъективных предпочтений экспертов нередко рассматривается как серьёзное препятствие на пути достижения конечного объективного результата. Однако в своём исследовании мы исходим из того, что любая оценочная деятельность субъективна по своей природе, о чём уже шла речь в начале данной главы. Таким образом, в нашем случае научный интерес представляет именно изучение субъективного мнения оценивающих перевод экспертов и выявление на основе рассматриваемых далее методик степени противоречивости или же согласованности данных ими оценок.

Гипотеза о возможности применения методов системного анализа в сфере перевода и переводоведения в своё время была выдвинута М. Я. Цвиллингом, но, к сожалению, не получила должного внимания в отечественной теории перевода. Мысль о том, что суждение о «правильности» перевода выносится преподавателем или редактором на основе субъективного ощущения, также высказывалась и Р. К. Миньяр-Белоручевым [Миньяр-Белоручев 1996]. Однако способ преодоления этого индивидуального субъективизма М. Я. Цвиллинг видел «не в замене субъективных критериев объективными, а в объективизации тех закономерностей, которые лежат в основе субъективных суждений, и выработке мер,

способствующих уменьшению их «разброса». Для этого может быть использована методика, получившая широкое применение в социологических, социально-психологических и социально-лингвистических исследованиях» [Цвиллинг 2009, с. 62]. В частности, имеется в виду проведение серии экспериментов, включающих одновременную и независимую оценку одного и того же перевода группой преподавателей, а также сопоставление оценок, данных преподавателями, с оценками профессиональных переводчиков и редакторов. М. Я. Цвиллинг подчёркивал, что полученные в ходе экспериментальной работы данные должны подвергаться как статистической обработке, так и содержательной интерпретации, и выражал надежду на то, что исследования подобного рода будут способствовать конкретизации требований к переводам, установлению «степени тяжести» различных отклонений от адекватности и уточнению оценочной шкалы.

3.4. Оценка качества перевода с использованием методов экспертного оценивания

В ходе исследования мы изучили возможности следующих двух экспертных методов системного анализа: *метода прямого ранжирования* и *метода анализа иерархий*, адаптировав их к проблемам перевода. Для этого нам потребовалось объединить достаточно разнообразные и разнородные данные, как точные, к которым относится, например, «объективная» оценка реальности в виде количественной информации, так и неточные, т.е. *субъективные наблюдения и интерпретации*, полученные на основе личного опыта эксперта и его индивидуальных предпочтений.

Как известно, экспертные методы основаны на привлечении к анализу проблемной ситуации группы специалистов, которые формируют свои мнения в виде выраженных в количественной форме оценок этой ситуации и вариантов ее решения. Уточним, что в сфере учебного перевода такими специалистами, или субъектами оценки, являются преподаватели перевода, которые в нашем случае совмещают преподавательскую деятельность с переводческой. Далее по тексту параллельно с термином *субъект оценки*, в соответствии с традициями

используемой методологии, будут использоваться такие обозначения, как *эксперт* и *оценивающая сторона (ОС)*. Полученные данные обрабатываются с использованием статистических или иных математических методов для получения обобщенного, группового, а, следовательно, обьективизированного мнения и оценки степени согласованности суждений экспертов. Итоговый результат может использоваться для верификации гипотезы и выводов исследований, для компьютерного моделирования, а также и иметь самостоятельное значение. Возможности использования данных методов для оценки качества перевода мы усматриваем в том, что экспертные оценки отражают хотя и индивидуальные, но всё же обобщенные суждения группы достаточно опытных специалистов относительно решаемой проблемы, снабженные определенным инструментом проверки их согласованности и адекватности, что в нашем случае представляет первостепенный интерес.

Что касается математики, которая используется при реализации представленных ниже метода прямого ранжирования и метода анализа иерархий, то задача экспертов заключается в заполнении простых таблиц при ответах на задаваемые вопросы. Вся остальная деятельность заключается в использовании результатов необходимых вычислений, реализуемых с помощью готовых программных средств. В настоящее время в открытом доступе имеются многочисленные программы проведения анализа сложных проблем на основе метода анализа иерархий [Метод анализа иерархий онлайн].

3.4.1. Оценка качества перевода с использованием метода прямого ранжирования

Апробация данной методики применительно к задаче оценки качества перевода осуществлялась нами на кафедре теории перевода и межкультурной коммуникации факультета РГФ Воронежского государственного университета. При использовании метода прямого ранжирования в нашем эксперименте мы предложили шести преподавателям перевода оценить работы студентов и определить их рейтинг, исходя из собственных предпочтений. Далее эта

информация была обработана с использованием средств статистического анализа [Ползунова, Краев 2004]. Суть данной процедуры состоит в следующем:

1. Имеется M экспертов, которые оценивают N переводов.
2. Каждый i -й эксперт проводит ранжирование всех переводов, определяя их ранг – место в порядке убывания относительно всех остальных $r_{i,j}$, $j = \overline{1, N}$, $r_{i,j} \in \{1, 2, 3, \dots, N\}$, $i = \overline{1, M}$.

3. Определяется суммарный ранг (суммарное место) каждого перевода как сумма R_j , а также среднее арифметическое всех суммарных рангов $\bar{R}$ и проводится ранжирование переводов по полученному суммарному рейтингу

$$R_j = \sum_{i=1}^M r_{i,j}, j = \overline{1, N}, \quad \bar{R} = \frac{\sum_{j=1}^N R_j}{N} = 0.5M(N+1).$$

Наилучшим считается перевод, получивший наименьшее число мест в сумме.

4. Проводится анализ согласованности группового мнения на основе расчета коэффициента конкордации Кендалла, который рассчитывается следующим образом:

$$W = \frac{12D}{M^2(N^3 - N)}, \quad D = \sum_{j=1}^N d_j^2 = \sum_{j=1}^N (R_j - \bar{R})^2,$$

где D – сумма квадратов разности между суммой рангов и их средним арифметическим.

5. Если значение W лежит в диапазоне от 0.7 и выше, то это свидетельствует о хорошей согласованности результатов опроса, и его итоговые результаты могут быть приняты. Значение $W = 0$ свидетельствует о том, что мнения экспертов несогласованны, а значение $W = 1$ свидетельствует о том, что их мнения полностью совпадают.

Результаты статистической обработки суждений экспертов методом прямого ранжирования представлены в Таблице 3.1. Согласно этим данным рейтинг переводов выстраивается следующим образом: П1, П3, П4, П5, П2. Полученное

значение W показывает, что мнения экспертов были согласованными, а, следовательно, итоговому суждению данной экспертной группы можно доверять.

Таблица 3.1. Матрица рангов и результаты оценки степени согласованности

Переводы	Ранги, определенные каждым экспертом								
	Э1	Э 2	Э 3	Э 4	Э 5	Э 6	Сумма рангов перевода	$R_j - \bar{R}$ $\bar{R} = 18$	$(R_j - \bar{R})^2$
Перевод 1	1	3	1	2	2	1	10	-8	64
Перевод 2	5	4	5	5	5	4	28	+10	100
Перевод 3	2	2	3	3	1	2	13	-5	25
Перевод 4	3	1	2	1	4	3	14	-4	16
Перевод 5	4	5	4	4	3	5	25	+7	49
Итого	15	15	15	15	15	15	90	-	254
W	3048/4320=0.705								

Использование метода прямого ранжирования даёт возможность осуществить объективизацию суждений экспертов относительно качества конкретных переводов, а также получить представление о степени «разброса» между их мнениями. Основным ограничением данного метода является то, что в данном случае не рассматриваются этапы и особенности самого процесса принятия решений. Иными словами, такой важный вопрос, как критерии оценки переводов, которыми руководствовались эксперты, остаётся открытым.

3.4.2. Оценка качества перевода с использованием метода анализа иерархий

Как было продемонстрировано выше, возможности метода прямого ранжирования ограничены результатами экспертной оценки. Для того, чтобы получить представление о самом процессе оценочной деятельности, мы обратились к одному из наиболее эффективных методов принятия решений при исследовании сложных проблем – *методу анализа иерархий* (далее МАИ), предложенному американским ученым Т. Саати [Саати, Кернс 1991]. Данный метод представляет

собой наиболее яркую реализацию базовых принципов системного подхода и применяется для выбора целесообразных вариантов решения сложной проблемы из нескольких возможных альтернатив.

Повторим, что решение сложной проблемы всегда представляет собой процесс поэтапного установления приоритетов. Сначала выявляются наиболее важные составляющие, или элементы проблемы, затем определяются наилучший способ оценки элементов и их влияние на альтернативные варианты развития ситуации; следующим этапом может быть уточнение элементов проблемы или выработка окончательного решения с оценкой его качества. Весь процесс подвергается уточнению и переосмыслению до тех пор, пока не будет уверенности в том, что все характеристики, необходимые для представления и решения проблемы, охвачены.

Другой важный аспект решения сложной проблемы выбора в МАИ исходит из естественной способности людей мыслить логически и творчески, определять события и устанавливать естественные отношения между ними. Человеку присущи такие характерные признаки аналитического мышления, как умение наблюдать и анализировать получаемые наблюдения; устанавливать отношения между наблюдениями, оценивая уровень их взаимосвязей, а затем синтезировать эти отношения в общее восприятие наблюдаемого. Эти особенности используются при построении общей схемы принятия решений на основе МАИ.

Подчеркнём, что МАИ, как и любые другие качественные методы системного анализа, не даёт «абсолютного» решения проблемы, а только формирует структурную основу для ее познания и исследования. Это позволяет максимально приблизиться к поставленной цели, а для субъектов оценки, в конечном счете, понять свои собственные предпочтения. Следует также отметить, что МАИ может применяться для анализа проблемной ситуации как группой экспертов для создания обобщенных представлений, так и одним экспертом (в этом случае он просто систематизирует свои знания и навыки).

В своей классической форме МАИ предполагает выполнение следующих действий [Саати 1991]: 1) построение и визуальное отображение иерархической

декомпозиции сложной проблемы на более простые составляющие; 2) проведение по специальной форме экспертного опроса лиц, принимающих решения (в нашем случае это оценивающая перевод сторона); 3) математическую обработку полученных данных с целью оценки согласованности результатов опроса и окончательной оценки рейтингов альтернатив.

Соответственно, на первом этапе использования МАИ осуществляется моделирование проблемы в виде доминантной иерархии, включающей три уровня. На первом уровне – вершине иерархии – размещается глобальная цель, или фокус проблемы; промежуточный уровень содержит критерии или факторы, от которых зависит решение проблемы; на нижнем уровне находится перечень альтернатив, подлежащих выбору.

На втором этапе использования МАИ выполняется опрос лиц, принимающих решения (в нашем случае, преподавателей перевода) и реализуется сравнительный анализ элементов проблемы и установление локальных приоритетов на каждом уровне для критериев и альтернатив. При проведении опроса составляются матрицы парных сравнений критериев между собой по отношению к общей цели и альтернатив по отношению к каждому из этих критериев. Последний этап заключается в синтезе глобальных приоритетов для окончательного принятия решения на основе полученных результатов. По сути, здесь выполняется интеграция различных точек зрения на выбор альтернатив, т.е. реализуются принципы комплексного подхода к решению проблемы.

Одним из важных достоинств МАИ является то обстоятельство, что данный метод позволяет учитывать человеческий фактор при подготовке принятия решения путем построения дополнительной модели согласования различных мнений (иногда достаточно спорных и противоречивых), посредством определения их приоритетов. Поэтому применение МАИ достаточно широко распространено при анализе проблемных ситуаций и практике принятия решений в бизнесе, промышленности, здравоохранении и образовании.

Апробация данной методики применительно к задаче оценки качества перевода также осуществлялась нами на кафедре теории перевода и

межкультурной коммуникации факультета РГФ ВГУ. В эксперименте принимали участие восемь преподавателей перевода, привлечённых в качестве субъектов оценки, и группа студентов пятого курса дневного отделения.

Подготовка электронных анкет и математическая обработка результатов была выполнена Е. А. Пирко. Результаты данного эксперимента представлены в совместной и авторской публикациях [Княжева, Пирко 2013; Княжева 2015].

Наше экспериментальное исследование осуществлялось следующим образом. На предварительной стадии в качестве исходного материала был выбран газетно-журнальный информационно-экспрессивный текст «Scandal of Royal Mail's Rich Bosses», опубликованный в британском таблоиде «Daily Mirror»¹. Предметная ситуация данного текста представляет собой информацию о дефиците средств пенсионного фонда Королевской почты Великобритании и неравном распределении бонусов между руководством и рядовыми сотрудниками почтовой службы. Смысловое содержание исходного текста выстроено под определенным углом зрения, отражающим субъективную позицию автора, которая имеет ярко выраженный оценочный характер. Поэтому для адекватного перевода данного текста существенна не только корректная передача фактической информации, но и воспроизведение авторской модальности.

Как известно, одним из требований к полному письменному переводу является воспроизведение коммуникативной интенции исходного текста, что подразумевает необходимость подыскивать равноценные жанрово-стилистические средства для передачи как стандартных, так и индивидуально-авторских средств выражения. В переводческом задании для студентов было указано, что перевод выполняется с целью его публикации в средствах СМИ, что подразумевает создание функционального аналога исходного текста. Поскольку перевод осуществлялся в учебной сфере, требования по оформлению текста исходили от преподавателя перевода и включали: шрифт (Times New Roman 14), выравнивание по ширине, поля (слева – 30 мм, справа 10 – мм, сверху – 25 мм и снизу – 20 мм),

¹ www.mirror.co.uk › News › UK News › Pensions strike

выравнивание заголовка по центру, выделение текста заголовка полужирным шрифтом.

Данный текст был переведён группой студентов 5 курса переводческого отделения за два академических часа. В целях нашего экспериментального исследования было отобрано пять вариантов перевода (далее по тексту ПТ1, ПТ2, ПТ3, ПТ4, ПТ5), которые *на предварительном этапе эксперимента* были проверены и оценены преподавателем письменного перевода по стандартной методике, т.е. путём выявления, квалификации и подсчёта переводческих ошибок.

В процессе проверки переводов преподавателем были сделаны следующие комментарии. Перевод ПТ1 в целом даёт представление о смысловом содержании исходного текста, однако студентом были допущены некоторые искажения предметно-логической информации, среди которых имеет место одна существенная содержательная ошибка. Также отмечены случаи буквализма, которые приводят к нарушениям стилистических и синтаксических норм переводящего языка и норм лексической сочетаемости. Не учтены такие требования по оформлению текста, как шрифт и выравнивание.

Студенту, выполнившему перевод ПТ2, не удалось корректно передать фактическую информацию, а результатом неудачного выбора лексических соответствий является неясность смыслового содержания переводного текста. Кроме того, были выявлены нарушения грамматических, синтаксических и пунктуационных норм ПЯ (2, 3 и 2 ошибки соответственно). Существенным недостатком является неадекватная передача прагматики исходного текста, связанная с использованием стилистически окрашенной лексики для передачи стилистически нейтральных средств ИТ (4 ошибки). Не соблюдены требования по оформлению заголовка и выравниванию текста.

В переводе ПТ3 в целом корректно передана фактическая информация и адекватно воспроизведена исходная прагматика текста. Допущены две стилистические ошибки, которые можно квалифицировать как несущественные. Выполнены все требования по оформлению текста.

В переводе ПТ4 смысловое содержание и прагматика текста переданы корректно, допущена одна незначительная стилистическая ошибка. Не соблюдены требования по оформлению заголовка и выравниванию текста.

В переводе ПТ5 допущены четыре содержательных ошибки: одна ошибка, искажающая содержание текста, и три ошибки, квалифицируемые как неясность содержания. Допущены ошибки в пунктуации (1 ошибка), орфографии (1 ошибка) и стилистике ПЯ (1 ошибка). Не соблюдены требования по оформлению, касающиеся выбора шрифта и выравнивания заголовка текста.

По результатам проверки студенческих работ преподавателем рейтинг переводов выстроился следующим образом: ПТ4 – «5», ПТ3 – «5-», ПТ1 – «4», ПТ2 – «3», ПТ5 – «3-».

Далее нами была осуществлена экспериментальная оценка переводов в соответствии с выбранной методикой системного анализа, реализующей МАИ. Соответственно, *первый этап* нашего эксперимента заключался в том, чтобы визуально представить проблему оценки качества переводов *в виде доминантной иерархии*, как это показано на рис. 3.8.

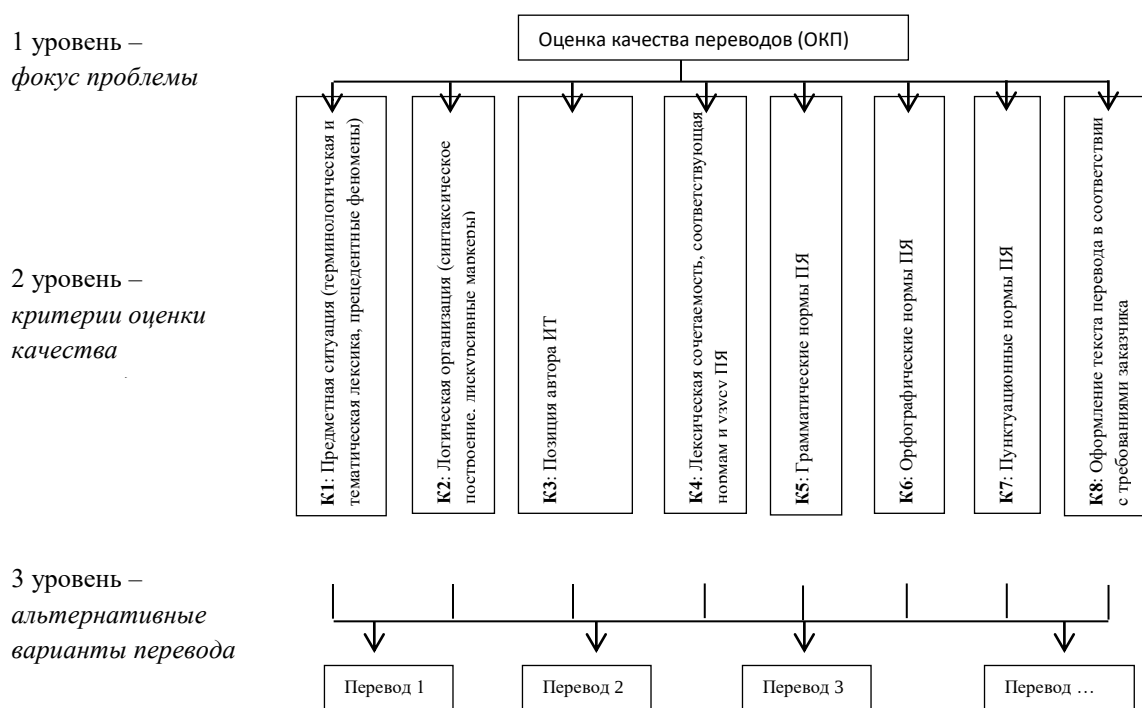

Рис 3.8. Уровни иерархии решаемой задачи (оценка качества переводов)

Первый уровень иерархии содержит определение *цели* оценочной деятельности, или *фокуса проблемы*, второй уровень содержит введенные субъектом оценки *критерии* оценки перевода, третий уровень отображает альтернативные варианты перевода, среди которых требуется установить приоритеты выбора. Здесь важно отметить, что МАИ требует структурирования проблемы участниками непосредственно в процессе ее решения. В рассмотренном примере эксперты составили иерархию в соответствии с их собственными потребностями, пониманием ограничений и существующими вариантами выбора. Данный этап включает обсуждения, чтобы иметь уверенность в том, что критерии и альтернативы отражают весь спектр предпочтений участников. При этом необязательно, чтобы все участники в процессе формирования перечня критериев пришли к согласию по всем компонентам проблемы. Здесь важно *объединить* их мнения в наиболее полную картину. В то же время, решающим является наличие согласия по высшему уровню – фокусу проблемы [Саати, Кернс 1991].

Отбор критериев оценки перевода был осуществлён с учётом таких определяющих факторов, как сфера перевода (в данном случае учебный перевод), цель перевода (создание функционального аналога исходного текста), тип текста (информационно-экспрессивный), способ перевода, обеспечивающий достижение поставленной цели (полный письменный перевод), и стратегия коммуникативно-равноценного перевода. Исходя из приведённых соображений, нами были отобраны следующие критерии: 1) критерии, характеризующие полноту передачи смыслового содержания исходного текста, к которым относятся: воспроизведение предметной ситуации К1, корректная логическая организация текста перевода К2 и передача позиции автора К3 исходного текста; 2) критерии, относящиеся к языковому оформлению текста перевода, к которым относятся: соблюдение норм лексической сочетаемости переводящего языка К4, соответствие грамматической норме ПЯ К5, соответствие орфографической норме ПЯ К6 и соответствие пунктуационной норме ПЯ К7; 3) критерии, относящиеся к соблюдению требований к оформлению текста перевода К8 [Княжева 2012, с. 171].

Третий уровень доминантной иерархии, представленной на рис. 3.8, как уже отмечалось выше, содержит пять альтернативных вариантов перевода, выполненного студентами пятого курса факультета РГФ ВГУ.

Задача *второго этапа эксперимента* состояла в проведении опроса экспертов, реализации сравнительного анализа элементов проблемы и установление локальных приоритетов на каждом уровне для критериев и альтернатив в соответствии с принципом дискриминации и сравнительных суждений.

Здесь существенным является то, что в соответствии с МАИ, элементы проблемы сравниваются попарно по отношению к их воздействию («весу», или «интенсивности») на общую для них характеристику. Установление важности элементов путем парного сравнения является отражением способности человека к вынесению сравнительных суждений, в то время как оценка сложной проблемы в целом обычно вызывает затруднения.

Поясним идею парных сравнений на абстрактном примере. Пусть $A_1, \dots, A_n$ — множество n сравниваемых между собой элементов некоторого уровня иерархии (критериев или альтернатив) и $\omega_1, \dots, \omega_n$ абсолютные веса (рейтинги) или интенсивности этих элементов, которые неизвестны заранее и которые следует найти. В рамках МАИ путем опроса лиц, принимающих решения, формируется матрица парных сравнений элементов на основе субъективных суждений, численно оцениваемых по определенной шкале. Матрица парных сравнений n элементов является квадратной и имеет вид, представленный на рис. 3.9.

	A_1	A_2	$\dots$	A_n
A_1	a_{11}	a_{12}	$\dots$	a_{1n}
$A' \sim A_2$	a_{21}	a_{22}	$\dots$	a_{2n}
$\vdots$	$\vdots$	$\vdots$		$\vdots$
A_n	a_{n1}	a_{n2}	$\dots$	a_{nn}

Рис. 3.9. Типовой вид матрицы парных сравнений

Каждый коэффициент a_{ij} определяется экспертом или группой экспертов и характеризует относительное превосходство (относительную важность) элемента A_i по отношению к элементу A_j при их попарном сравнении, выраженное количественно.

Значения коэффициентов a_{ij} , соответствующие высказанным экспертом суждениям, указаны в шкале относительной важности, которая была разработана Т. Саати для проведения экспертами субъективных парных сравнений (Таблица 3.2).

Таблица 3.2. Шкала относительной важности

Значение коэффициента относительной важности	Определение соответствующей ситуации
1	Равная важность, приоритетность
3	Умеренное превосходство одного над другим
5	Существенное (сильное) превосходство
7	Весьма значительное превосходство
9	Подавляющее превосходство
2, 4, 6, 8	Промежуточные значения между двумя соседними суждениями (для компромиссных ситуаций)

При заполнении в ходе опроса матрицы $A = \|a_{ij}\|$ необходимо обеспечить свойства обратной симметричности, т.е.

$$a_{ij} = 1/a_{ji}, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{1, n}.$$

Таким образом, значение коэффициента a_{ij} матрицы A , равное 7, означает, что, по мнению экспертов, i -ый элемент (критерий, альтернатива) имеет весьма значительное превосходство над j -ым элементом и, напротив, важность (приоритетность) j -го элемента по отношению к i -му составляет всего $a_{ji} = 1/7$.

На основе выраженных численно результатов парных сравнений далее решается задача нахождения весов (локальных приоритетов) $\omega_1, \dots, \omega_n$ сравниваемых элементов иерархического описания проблемы.

При полной согласованности суждений элементы матрицы парных сравнений имеют вид

$$a_{ij} = \omega_i / \omega_j = 1/a_{ji}, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{1, n},$$

то есть они пропорциональны весам сравниваемых элементов. Матрица $A = \|a_{ij}\|$ тогда естественным образом обладает свойством обратной симметричности $a_{ij} = \omega_i / \omega_j = 1/a_{ji}, \quad i = \overline{1, n}, \quad j = \overline{1, n}$. Полная согласованность парных сравнений означает также, что элементы матрицы A удовлетворяют уравнению $a_{ij}a_{jk} = a_{ik}$.

Для полностью согласованной матрицы оценки весов проводятся на основе вычисления среднего геометрического по элементам каждой строки и нормализации и представляются в окончательном варианте в виде элементов вектора $x = (x_1, \dots, x_n)^T$:

$$\tilde{x}_i = \sqrt[n]{\frac{\omega_i}{\omega_1} \times \frac{\omega_i}{\omega_2} \times \dots \times \frac{\omega_i}{\omega_n}} = \frac{\omega_i}{\sqrt[n]{\prod_{k=1}^n \omega_k}}, \quad x_i = \frac{\tilde{x}_i}{\sum_{k=1}^n \tilde{x}_k} = \frac{\omega_i}{\sum_{k=1}^n \omega_k}, \quad i = \overline{1, n}, \quad \sum_{i=1}^n \tilde{x}_i = 1. \quad (1)$$

Если умножить матрицу A на вектор $x = (x_1, \dots, x_n)^T$, можно получить, что

$$y = Ax = nx.$$

Для полностью согласованной матрицы A величина n играет роль максимального собственного числа, соответствующего собственному вектору x .

Важно отметить, что реально получаемые в ходе опроса экспертов матрицы парных сравнений не всегда являются полностью согласованными. Для любой такой матрицы A' величина наибольшего собственного числа $\lambda_{\max}$ удовлетворяет неравенству

$$\lambda_{\max} \geq n, \quad A'x' = \lambda_{\max} x',$$

Выявление оценок локальных приоритетов $x' = (x'_1, \dots, x'_n)^T$ – весов сравниваемых элементов (критериев или альтернатив) для *получаемой в ходе опроса реальной матрицы* парных сравнений A' и вычисление ее максимального собственного числа $\lambda_{\max}$, играющего, как будет видно далее, важную роль для оценки степени согласованности суждений экспертов, проводится по формулам

$$x' = (x'_1, \dots, x'_n)^T, \quad x'_i = \frac{\tilde{x}'_i}{\sum_{k=1}^n \tilde{x}'_k}, \quad \tilde{x}'_i = \sqrt[n]{\prod_{k=1}^n a'_{ik}}, \quad (2)$$

$$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^n y_i, \quad y = (y_1, \dots, y_n)^T = A' x'$$

Когда проблема представлена иерархически, матрица парных сравнений составляется для сравнения относительной важности критериев на втором уровне по отношению к общей цели (фокусу проблемы). Затем подобные матрицы строятся для сравнения между собой критериев второго уровня. Любая такая матрица составляется путем заполнения таблицы, в которой надо указать в левом верхнем углу цель, по отношению к которой проводится сравнение, и перечислить все сравниваемые критерии в верхней строке и левом столбце.

Первоначально в ходе нашего эксперимента проводился сравнительный анализ критериев, что позволило не только получить промежуточные результаты для окончательного выбора альтернатив (вариантов перевода), но и установить *степень важности критериев* или, в соответствующей терминологии, *веса критериев* на основе обработки данных, полученных в ходе опроса преподавателей перевода. Учитывая, что оценка сложной, многоаспектной проблемы в целом, как правило, вызывает затруднения, методика МАИ предусматривает *попарное* сравнение критериев с точки зрения их влияния на конечный результат (в нашем случае – качественный перевод). Например, критерий *предметная ситуация* сравнивался с критерием *логическая организация*, далее – с критерием *позиция автора*, *лексическая сочетаемость* и т.д. В целях оптимизации данного этапа работы была разработана электронная анкета с выпадающим меню, которой

пользовались эксперты при установлении своих приоритетов (фрагмент анкеты представлен на рис. 3.10).

1ый критерий	Степень относительной важности	2ой критерий
Предметная ситуация (терминологическая и тематическая лексика, прецедентные феномены)	Существенное превосходство 1ого над 2ым	Логическая организация (синтаксическое построение, дискурсивные маркеры)
Предметная ситуация (терминологическая и тематическая лексика, прецедентные феномены)	Существенное превосходство 1ого над 2ым Равная важность Умеренное превосходство 1ого над 2ым	Прагматика (жанрово-стилистические характеристики, эмоционально-экспрессивно-оценочные средства)
Предметная ситуация (терминологическая и тематическая лексика, прецедентные феномены)	Умеренное превосходство 2ого над 1ым Существенное превосходство 1ого над 2ым Существенное превосходство 2ого над 1ым Значительное превосходство 1ого над 2ым Значительное превосходство 2ого над 1ым	Лексическая сочетаемость, соответствующая нормам и узусу ПЯ

Рис. 3.10. Анкета для лиц, принимающих решения

Как показали промежуточные результаты эксперимента, в нашем случае эксперты оперировали только тремя или четырьмя степенями относительной важности; при этом в связи с наличием в данной шкале большого количества оценочных величин они зачастую испытывали затруднения при принятии решений. Поэтому из рассмотрения нами были исключены промежуточные значения между соседними суждениями – 2, 4, 6, 8 (введенные Т. Саати для компромиссных ситуаций). Урезанный вариант шкалы, представленной в таблице 3.2, позволил сделать процесс опроса экспертов более удобным, а также снизил вероятность ошибок и расхождений, допущенных по невнимательности.

Указанные анкеты заполнялись четырьмя экспертами (преподавателями перевода) одновременно и независимо друг от друга. В результате парные

сравнения критериев оценки качества перевода получили соответствующее выражение в виде четырёх матриц (см. рис. 3.11).

1 эксперт								
ОКП	K_1	K_2	K_3	K_4	K_5	K_6	K_7	K_8
K_1	1	5	3	7	7	9	9	7
K_2	1/5	1	3	3	7	9	9	7
K_3	1/3	1/3	1	3	5	7	9	5
K_4	1/7	1/3	1/3	1	1	7	9	7
K_5	1/7	1/7	1/5	1	1	3	5	5
K_6	1/9	1/9	1/7	1/7	1/3	1	3	3
K_7	1/9	1/9	1/9	1/9	1/5	1/3	1	1/3
K_8	1/7	1/7	1/5	1/7	1/5	1/3	3	1

2 эксперт								
ОКП	K_1	K_2	K_3	K_4	K_5	K_6	K_7	K_8
K_1	1	1	3	5	7	9	9	7
K_2	1	1	3	5	3	9	5	7
K_3	1/3	1/3	1	7	7	9	7	7
K_4	1/5	1/5	1/7	1	1	7	5	7
K_5	1/7	1/3	1/7	1	1	5	1	3
K_6	1/9	1/9	1/9	1/7	1/5	1	1/3	1/3
K_7	1/9	1/5	1/7	1/5	1	3	1	1/3
K_8	1/7	1/7	1/7	1/7	1/3	3	3	1

3 эксперт								
ОКП	K_1	K_2	K_3	K_4	K_5	K_6	K_7	K_8
K_1	1	5	5	5	5	7	7	7
K_2	1/5	1	3	5	5	7	9	9
K_3	1/5	1/3	1	5	5	7	9	9
K_4	1/5	1/5	1/5	1	1	5	5	7
K_5	1/5	1/5	1/5	1	1	3	5	5
K_6	1/7	1/7	1/7	1/5	1/3	1	3	5
K_7	1/7	1/9	1/9	1/5	1/5	1/3	1	3
K_8	1/7	1/9	1/9	1/7	1/5	1/5	1/3	1

4 эксперт								
ОКП	K_1	K_2	K_3	K_4	K_5	K_6	K_7	K_8
K_1	1	1	1/3	3	1	5	3	1
K_2	1	1	1/3	1	1	3	3	3
K_3	3	3	1	5	1	3	5	3
K_4	1/3	1	1/5	1	1/3	3	3	1
K_5	1	1	1	3	1	5	5	3
K_6	1/5	1/3	1/3	1/3	1/5	1	3	1/5
K_7	1/3	1/3	1/5	1/3	1/5	1/3	1	1/5
K_8	1	1/3	1/3	1	1/3	5	5	1

Рис. 3.11. Матрицы парных сравнений для критериев, заполненные различными экспертами

В качестве примера рассмотрим первую из приведённых выше матриц. На пересечении первой строки и второго столбца матрицы стоит величина, равная 5. Данную оценку мы получили исходя из того, что эксперт при заполнении анкеты определил критерий K_1 как *существенно превосходящий* по значимости критерий

K_2 (такому суждению в шкале относительной важности соответствует числовое выражение, равное 5). Следовательно, на пересечении второй строки и первого столбца матрицы ставится обратная величина, равная $1/5$. Аналогичным образом заполняются и остальные элементы матрицы парных сравнений. На главной диагонали всегда должна стоять оценка 1, обозначающая равную важность сравниваемого критерия по отношению к самому себе. Так как при принятии решения участвуют четыре эксперта, то, как уже было указано выше, результатом опроса являются четыре аналогичные матрицы.

После заполнения каждым экспертом индивидуальных матриц была проведена математическая обработка данного материала, направленная на определение весовой оценки каждого критерия. По стандартной схеме МАИ индивидуальные суждения всех экспертов собираются в единую матрицу (см. таблицу 3.3). Для этого вычисляется среднее геометрическое значений для каждого элемента четырёх матриц, расположенных на пересечении одних и тех же строк и столбцов:

$$\tilde{a}_{ij} = (a_{ij}^{(1)} \times a_{ij}^{(2)} \times a_{ij}^{(3)} \times a_{ij}^{(4)})^{1/4}$$

Данная величина дает наиболее правильный, усредненный по содержанию результат в тех случаях, когда задача состоит в нахождении такого значения признака, который качественно был бы равноудален как от максимального, так и от минимального значения.

Затем в агрегированной матрице для каждой строки также определяется среднее геометрическое, и полученные значения числа нормализуются, как это представлено в соотношении (2). При этом нормализованный вектор весов (вектор приоритетов) является собственным вектором матрицы парных сравнений.

Таблица 3.3. Матрица парных сравнений для второго уровня, решения и согласованность

ОКП	$\tilde{K}_1$	$\tilde{K}_2$	$\tilde{K}_3$	$\tilde{K}_4$	$\tilde{K}_5$	$\tilde{K}_6$	$\tilde{K}_7$	$\tilde{K}_8$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^8 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/8}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$\tilde{K}_1$	1	2.236	1.968	4.787	3.956	7.297	6.422	4.304	3.374	0.294	0.865
$\tilde{K}_2$	0.447	1	1.732	2.943	3.201	6.422	5.904	6.031	2.528	0.220	1.090
$\tilde{K}_3$	0.508	0.577	1	4.787	3.637	6.031	7.297	5.544	2.437	0.212	1.201
$\tilde{K}_4$	0.209	0.340	0.209	1	0.760	5.207	5.097	4.304	1.032	0.090	1.391
$\tilde{K}_5$	0.253	0.312	0.275	1.316	1	3.873	3.344	3.873	1.046	0.091	1.217
$\tilde{K}_6$	0.137	0.156	0.166	0.192	0.258	1	1.732	1.000	0.363	0.032	1.005
$\tilde{K}_7$	0.156	0.169	0.137	0.196	0.299	0.577	1	0.508	0.298	0.026	0.852
$\tilde{K}_8$	0.232	0.166	0.180	0.232	0.258	1.000	1.968	1	0.411	0.036	0.956
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	2.942	4.956	5.667	15.453	13.369	31.407	32.764	26.564	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 11.489$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^8 y_i = 8.577$				$ИС = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.082$			$ОС = ИС/1.41 = 0.058$				

Результатом вычислений, представленных в таблице 3.3, является нормализованный вектор локальных приоритетов (весов) сравниваемых переводческих критериев $x' = (x'_1, \dots, x'_n)^T$. В данном случае его компоненты, представленные в предпоследнем столбце таблицы, равны 0,294; 0,220; 0,212; 0,090; 0,091; 0,032; 0,026; 0,036. На основании полученных данных производится ранжирование этих критериев по важности (от более важного к менее важному). Таким образом, по результатам этого эксперимента, рейтинг критериев по степени важности выстраивается следующим образом: К1 – предметная ситуация; К2 – логическая организация; К3 – позиция автора; К5 – грамматические нормы ПЯ; К4 – лексическая сочетаемость; К7 – пунктуационные нормы ПЯ; К8 – оформление текста перевода; К6 – орфографические нормы ПЯ.

Поскольку представленные суждения отражают *субъективные* мнения экспертов, всегда существует вероятность расхождения их оценок. Поэтому заключительным шагом сравнительной оценки критериев в соответствии с применяемой методикой является проверка суждений экспертов на

согласованность. Оценка согласованности проводится на основе полученных значений $x' = (x'_1, \dots, x'_n)^T$ весов сравниваемых элементов (в данном случае критериев).

При этом в соответствии с классической схемой МАИ требуется рассчитать максимальное собственное число матрицы парных сравнений $\lambda_{\max}$, индекс согласованности (Ис) и отношение согласованности (Ос). Для этого используются следующие соотношения [Саати, Кернс 1991]:

$$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^n y_i, \quad y = (y_1, \dots, y_n)^T = A'x', \quad Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1}, \quad Ос = \frac{Ис}{Ис_r} \cdot 100\%$$

где A' – полученная после опроса реальная матрица парных сравнений; $Ис_r$ – заранее рассчитанный индекс согласованности, получаемый при усреднении множества данных для матриц парных сравнений различной размерности (для всех значений n) при случайном равновероятном (то есть полностью не осмысленном) выборе количественных значений суждений.

Таблица 3.4. Индекс согласованности при случайной оценке сравнений

п	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
$Ис_r$	0	0	0,58	0,90	1,12	1,24	1,32	1,41	1,45	1,49

Значения $Ис_r$ приведены в табл. 3.4. В таблице 3.3 приведены значения $\lambda_{\max}$, $Ис$, $Ос$, соответствующие полученной для критериев матрице парных сравнений.

Величина $Ос$ считается приемлемой, если её значение не превосходит 10%. Если $Ос$ выходит из указанных пределов, то это означает, что в ходе опроса от экспертов были получены либо недостаточно осмысленные суждения, либо исходной информации не хватает для формирования полноценных высказываний. В этом случае можно рекомендовать лицам, формирующим суждения, пересмотреть их с использованием дополнительной информации.

При проведении нашего эксперимента коэффициент согласованности матрицы парных сравнений для критериев оказался равен 0.058. Это является вполне допустимым значением. Данная величина демонстрирует высокую степень единства мнений среди экспертов, а также свидетельствует о том, что при оценке элементов матрицы и проведении измерений не было допущено ошибок.

После того, как был проведен сравнительный анализ критериев и установлены их рейтинги, на данном (втором) этапе реализации МАИ была осуществлена оценка пяти альтернативных переводов текста методом их попарного сравнения по отношению *к каждому отдельно взятому критерию*. Фактически в этом проявляется многоаспектный характер анализа рассматриваемой ситуации при установлении приоритета и выбора наилучших альтернатив. Так, текст ПТ1 поочерёдно сравнивался с текстами ПТ2, ПТ3, ПТ4, ПТ5 по критерию *предметная ситуация*. Далее текст ПТ2 сравнивался с текстами ПТ3, ПТ4 и ПТ5 и т.д. Отметим, что подобная процедура кардинально отличается от традиционного способа проверки переводов, основанного на последовательном и сплошном сопоставлении исходного и переводного текстов. Как и на предыдущем этапе, результаты работы экспертов фиксировались путём заполнения специально разработанной электронной анкеты, фрагмент которой представлен на рис. 3.12.

1 Критерий. Предметная ситуация (терминологическая и тематическая лексика, прецедентные феномены)

ПТ 1	Равная важность	ПТ 2
ПТ 1	Равная важность	ПТ 3
ПТ 1	Равная важность Умеренное превосходство ПТ 1 над ПТ 3 Умеренное превосходство ПТ 3 над ПТ 1 Существенное превосходство ПТ 1 над ПТ 3 Существенное превосходство ПТ 3 над ПТ 1 Значительное превосходство ПТ 1 над ПТ 3 Значительное превосходство ПТ 3 над ПТ 1	ПТ 4
ПТ 1		ПТ 5

Рис. 3.12. Анкета для лиц, принимающих решения (сравнение переводов)

С целью последующей математической обработки полученных данных по отношению к каждому из оценочных критериев были заполнены матрицы сравнения альтернатив (в нашем случае, текстов переводов). В качестве примера рассмотрим матрицу сравнения альтернатив по отношению к критерию К1, представленную на таблице 3.5. В верхнем левом углу данной матрицы указан критерий, по отношению к которому проводится сравнение, а в верхней строке и левом столбце размещены сравниваемые альтернативы (переводы). Числовые коэффициенты, содержащиеся в матрице на пересечении соответствующих строк и столбцов, отражают степень соответствия переводов критерию К1 при их попарном сравнении. Они также получены путем опроса каждого эксперта и заполнения индивидуальных матриц парных сравнений. Затем суждения всех экспертов собраны в единую матрицу путём вычисления среднего геометрического значения для каждой из элементов четырёх матриц, расположенных на пересечении одних и тех же строк и столбцов.

Таблица 3.5. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К1 (Предметная ситуация)

K_1	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^5 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/5}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	2.590	1.136	1.316	3	1.633	0.304	1.021
$ПТ2$	0.3861	1	0.508	0.508	1	0.631	0.117	0.998
$ПТ3$	0.880	1.968	1	1	1.699	1.241	0.231	0.978
$ПТ4$	0.760	1.968	1	1	1.968	1.241	0.231	1.001
$ПТ5$	0.333	1	0.589	0.508	1	0.630	0.117	1.014
$r_j = \sum_{i=1}^5 \tilde{K}_{ij}$	3.359	8.526	4.233	4.332	8.667	$S = \sum_{i=1}^5 \tilde{K}_i = 5.376$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.012$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.003$		$Ос = Ис/1.12 = 0.003$		

Таким образом, данная матрица показывает, что *предметная ситуация* исходного текста наиболее полно и точно передана в первом переводе; третий и четвертый переводы несколько уступают первому по данному критерию; и завершают список второй и пятый переводы. Соответствующие весовые коэффициенты (в порядке, определяемом матрицей) равны: 0,304; 0,117; 0,231; 0,231; 0,117.

Ниже приводятся полученные аналогичным образом матрицы парных сравнений переводов по отношению к критериям К2, К3, К4, К5, К6, К7 и К8.

Таблица 3.6. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К2 (Логическая организация)

K_2	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^5 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/5}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	3.409	1	1.316	2.590	1.633	0.300	1.032
$ПТ2$	0.293	1	0.293	0.508	1	0.534	0.098	1.057
$ПТ3$	1	3.409	1	1.316	1.495	1.463	0.269	1.001
$ПТ4$	0.760	1.968	0.760	1	1.316	1.084	0.199	0.975

ПТ5	0.386	1	0.669	0.760	1	0.722	0.133	0.984
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	3.440	10.786	3.722	4.900	7.401	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 5.436$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.049$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.012$		$Ос = Ис/1.12 = 0.011$		

Матрица, приведённая в таблице 3.6. показывает, что по критерию К2 логическая организация текста рейтинг переводов выглядит следующим образом: безусловным лидером является перевод ПТ1, несколько уступает ему перевод ПТ3, далее следуют переводы ПТ4, ПТ5 и ПТ2. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,300; 0,098; 0,269; 0,199; 0,133;

Таблица 3.7. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К3 (Позиция автора)

K_3	ПТ1	ПТ2	ПТ3	ПТ4	ПТ5	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^5 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/5}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
ПТ1	1	3	1	1.732	3.409	1.777	0.318	1.019
ПТ2	0.333	1	0.386	0.508	1.316	0.612	0.110	1.023
ПТ3	1	2.590	1	1.316	2.590	1.546	0.277	0.978
ПТ4	0.577	1.968	0.760	1	1.968	1.112	0.199	1.008
ПТ5	0.293	0.760	0.386	0.508	1	0.535	0.096	0.987
$r_j = \sum_{j=1}^5 \tilde{K}_{ij}$	3.203	9.318	3.532	5.064	10.283	$S = \sum_{i=1}^5 \tilde{K}_i = 5.582$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.015$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.004$		$Ос = Ис/1.12 = 0.003$		

В соответствии с данными, представленными в таблице 3.7, позиция автора исходного текста (критерий К3) наиболее полноценно передана в переводе ПТ1; несколько уступает данному переводу перевод ПТ3; далее следуют переводы ПТ4, ПТ2 и ПТ5. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,318; 0,110; 0,277; 0,199; 0,096.

Таблица 3.8. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К4 (Лексическая сочетаемость ПЯ)

K_4	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^8 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/8}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	3.409	1	1.732	2.236	1.675	0.300	0.995
$ПТ2$	0.293	1	0.340	0.439	1.136	0.549	0.098	1.030
$ПТ3$	1	2.943	1	1.732	2.590	1.675	0.300	0.991
$ПТ4$	0.577	2.280	0.577	1	1.968	1.084	0.194	1.050
$ПТ5$	0.447	0.880	0.386	0.508	1	0.599	0.107	0.956
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	3.317	10.512	3.303	5.411	8.930	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 5.582$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.022$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.006$		$Ос = Ис/1.12 = 0.005$		

Таблица 3.8 показывает, что в наибольшей степени критерию К4 *Лексическая сочетаемость ПЯ* соответствуют переводы ПТ1 и ПТ3; вторую и третью позиции занимают, соответственно, переводы ПТ4 и ПТ5, и завершает список перевод ПТ2. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,300; 0,098; 0,300; 0,194; 0,107.

Таблица 3.9. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К5 (Грамматические нормы ПЯ)

K_5	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^8 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/8}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	3.873	1	0.760	1.968	1.421	0.262	1.069
$ПТ2$	0.258	1	0.340	0.386	0.760	0.481	0.089	1.043
$ПТ3$	1	2.943	1	1.316	1.495	1.421	0.262	0.987
$ПТ4$	1.316	2.590	0.760	1	1.495	1.311	0.242	1.000
$ПТ5$	0.508	1.316	0.669	0.669	1	0.786	0.145	0.974
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	4.082	11.722	3.769	4.131	6.718	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 5.42$		

$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^8 p_i = 5.073$	$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.018$	$Ос = Ис/1.41 = 0.016$
---	---	------------------------

Таблица 3.9 показывает, что в наибольшей степени критерию К5 *грамматические нормы ПЯ* соответствуют переводы ПТ1 и ПТ3; ненамного уступает им перевод ПТ4; далее следуют переводы ПТ5 и ПТ2. Соответствующие весовые коэффициенты (в порядке, определяемом матрицей) равны: 0,262; 0,089; 0,262; 0,242; 0,145.

Таблица 3.10. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К6 (Орфографические нормы ПЯ)

K_6	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^8 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/8}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	1	1.316	1	2.590	1.278	0.249	1.032
$ПТ2$	1	1	1.316	1	1.316	1.116	0.217	0.981
$ПТ3$	0.760	0.760	1	0.760	1.316	0.896	0.175	1.000
$ПТ4$	1	1	1.316	1	1.732	1.179	0.230	0.998
$ПТ5$	0.386	0.760	0.760	0.577	1	0.664	0.129	1.026
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	4.146	4.520	5.708	4.337	7.954	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 5.133$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 p_i = 5.037$			$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.009$			$Ос = Ис/1.12 = 0.008$		

Данная матрица парных сравнений для критерия К6 *Орфографические нормы ПЯ* определяет следующее ранжирование переводов в порядке убывания их качества: ПТ1, ПТ4, ПТ2, ПТ3, ПТ5. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,249; 0,217; 0,175; 0,230; 0,129.

Таблица 3.11. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К7 (Пунктуационные нормы ПЯ)

K_7	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^8 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/8}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	3	0.760	1	1.968	1.278	0.249	1.032
$ПТ2$	0.333	1	0.293	0.293	0.577	1.116	0.217	0.981
$ПТ3$	1.316	3.409	1	1.316	2.280	0.896	0.175	1.000
$ПТ4$	1	3.409	0.760	1	1.732	1.179	0.230	0.998
$ПТ5$	0.508	1.732	0.439	0.577	1	0.664	0.129	1.026
$r_j = \sum_{j=1}^8 \tilde{K}_{ij}$	4.157	12.550	3.252	4.186	7.557	$S = \sum_{i=1}^8 \tilde{K}_i = 5.563$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.005$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.001$		$Ос = Ис/1.12 = 0.0003$		

Данная матрица парных сравнений для критерия К7 *Пунктуационные нормы ПЯ* определяет следующее ранжирование переводов в порядке убывания их качества: ПТ1, ПТ4, ПТ2, ПТ3, ПТ5. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,249; 0,217; 0,175; 0,230; 0,129.

Таблица 3.12. Матрица парных сравнений нижнего уровня, решение и согласованность для критерия К8 (Оформление ПТ в соответствии с требованиями заказчика)

K_8	$ПТ1$	$ПТ2$	$ПТ3$	$ПТ4$	$ПТ5$	Среднее геометрическое $\tilde{K}_i = \left(\prod_{j=1}^5 \tilde{a}_{ij} \right)^{1/5}$	Вектор приоритетов, $x'_i = \frac{\tilde{K}_i}{S}$	y_i
$ПТ1$	1	1.316	0.669	0.880	0.669	0.877	0.169	0.995
$ПТ2$	0.760	1	0.386	0.760	0.669	0.683	0.132	1.019
$ПТ3$	1.495	2.590	1	1.732	1.136	1.501	0.289	1.015
$ПТ4$	1.136	1.316	0.577	1	0.760	0.919	0.177	1.007
$ПТ5$	1.495	1.495	0.880	1.316	1	1.209	0.233	0.987
$r_j = \sum_{j=1}^5 \tilde{K}_{ij}$	5.886	7.717	3.512	5.688	4.234	$S = \sum_{i=1}^5 \tilde{K}_i = 5.189$		
$\lambda_{\max} = \sum_{i=1}^5 y_i = 5.023$				$Ис = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1} = 0.0058$		$Ос = Ис/1.12 = 0.0051$		

Данная матрица парных сравнений для критерия К8 *Оформление ПТ в соответствии с требованиями заказчика* определяет следующее ранжирование переводов в порядке убывания их качества: ПТ3, ПТ5, ПТ4, ПТ1, ПТ2. Соответствующие весовые коэффициенты в порядке, определяемом матрицей, равны: 0,169; 0,132; 0,289; 0,177; 0,233.

Все приведённые выше матрицы также являются согласованными, о чём свидетельствуют рассчитанные значения коэффициента Ос, которые везде оказались меньше 0,1. Это означает, что в результате эксперимента были получены согласованные оценки, не требующие дальнейшего пересмотра. Исходная информация, способствующая формированию экспертами полноценных высказываний, была предоставлена в полном объеме, а сами эксперты (ЛПР) были едины в оценках конкретных переводов, за исключением допустимых разногласий.

Третий и завершающий этап эксперимента в соответствии с выбранной методикой состоял в поиске решения поставленной задачи (оценка переводов) на основе значений, полученных на предыдущей стадии. Решение указанной задачи осуществляется посредством синтеза глобальных приоритетов выбора, определяющих окончательные рейтинги альтернативных вариантов перевода. Именно на этом этапе в соответствии с идеологией системного подхода осуществляется комплексирование различных точек зрения (аспектов), выраженных критериями, по отношению к которым сравниваются альтернативы.

В целях осуществления данной процедуры проводится взвешенное суммирование локальных рейтингов альтернатив с весами, ранее определенными для критериев. Происходит это следующим образом. Итоговые результаты вычислений для всех альтернатив приведены в таблице 3.13. В верхней строке данной таблицы представлен вектор весов критериев, а в каждом столбце – вектор весов альтернатив по отношению к каждому критерию.

Таблица 3.13. Итоговая оценка качества переводов (синтез глобальных приоритетов выбора)

	K_1 (0.294)	K_2 (0.220)	K_3 (0.212)	K_4 (0.090)	K_5 (0.091)	K_6 (0.032)	K_7 (0.026)	K_8 (0.036)	Глобальные приоритеты выбора, Γ_i
ПТ1	0.304	0.300	0.318	0.300	0.262	0.249	0.243	0.169	0.294
ПТ2	0.117	0.098	0.11	0.098	0.089	0.217	0.079	0.132	0.110
ПТ3	0.231	0.269	0.277	0.300	0.262	0.175	0.302	0.289	0.260
ПТ4	0.231	0.199	0.199	0.194	0.242	0.23	0.243	0.177	0.213
ПТ5	0.117	0.133	0.096	0.107	0.145	0.129	0.133	0.233	0.123

При расчете окончательных весов (глобальных приоритетов выбора) альтернативных вариантов перевода необходимо для каждой рассматриваемой альтернативы поэлементно умножить строку, содержащую вектор весов критериев, на строку, содержащую все локальные веса данной альтернативы по отношению ко всем критериям. Например, для первой альтернативы глобальный приоритет выбора получается следующим образом:

$$\Gamma_1 = (0.294 \times 0.304) + (0.22 \times 0.3) + \dots + (0.036 \times 0.169) = 0.294$$

В результате проведенного анализа было установлено, что лучшим переводом является перевод ПТ1, так как он имеет приоритет 0.294, а далее по убыванию следуют переводы ПТ3, ПТ4, ПТ5 и ПТ2 со значениями 0.261, 0.213, 0.123 и 0.109 соответственно. Сравнение оценок, выставленных преподавателем, и оценок, полученных по результатам эксперимента, представлено в таблице 3.14.

Таблица 3.14. Рейтинги переводов

Рейтинг переводов в соответствии с оценкой преподавателя	Рейтинг переводов в соответствии с оценкой с использованием МАИ
ПТ4, ПТ3, ПТ1, ПТ2, ПТ5	ПТ1, ПТ3, ПТ4, ПТ5, ПТ2

Как видно из таблицы 3.14, рейтинги переводов определенным образом отличаются. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что при использовании МАИ мы можем получить более обоснованные оценки с учетом достаточно высокой степени согласованности мнений экспертов, достигнутой в эксперименте.

3.4.3. Рекомендации по применению МАИ

Практическое применение метода анализа иерархий может осуществляться различным образом. Прежде всего, это связано с количеством участвующих в процессе оценивания экспертов, и в этом плане можно рассмотреть три различных варианта.

Первый вариант предполагает применение метода при работе одного эксперта как оценивающей стороны. В этом случае субъект оценки сам определяет перечень критериев доминантной иерархии в соответствии с собственными предпочтениями, поставленной целью, видом перевода и другими внешними факторами. Далее по представленной выше схеме проводится заполнение матрицы парных сравнений для критериев и нескольких, соответствующих числу критериев матриц парных сравнений альтернатив, оценка согласованности, вычисление локальных и глобальных приоритетов выбора. Единственное отличие от приведенной выше схемы будет состоять в том, что при участии одного эксперта нет необходимости проводить вычисление среднего геометрического для обобщения элементов матриц парных сравнений, расставленных различными экспертами. По нашему мнению, такой вариант применения метода полезен как с точки зрения систематизации собственных действий и осознания своих предпочтений, так и для снижения субъективности выставляемых оценочных суждений, например, в процессе оценки конкурсных переводов или выставлении экзаменационных оценок.

Второй вариант предполагает применение метода при работе группы экспертов и в данном случае описанная выше процедура реализуется в полном объеме. При этом большое значение имеет выбор критериев, устраивающих всех участников процесса, а также оценка согласованности всех матриц парных сравнений с учетом возможности возникновения противоречивых суждений. С

технической точки зрения при реализации данного варианта, на наш взгляд, весьма эффективной является организация удаленного взаимодействия экспертов, что достаточно просто реализуется при использовании современных информационных технологий. Перспективы применения данного варианта метода мы усматриваем в большей степени в сфере индустриального перевода и, в частности, в ситуации заказа экспертной оценки перевода.

Третий вариант является промежуточным и предполагает использование перечня критериев, установленных группой экспертов, а также согласованных результатов взвешивания этих критериев, полученных в ходе коллективной работы. При этом оценка альтернативных вариантов перевода может проводиться индивидуально одним экспертом с использованием предоставленных ему весов критериев. В данном случае эксперт должен только заполнить и оценить согласованность своих матриц парных сравнений альтернатив по отношению к каждому критерию и рассчитать их итоговые веса (глобальные приоритеты).

Еще одна ситуация, которая может возникнуть в практике оценки качества перевода, заключается в необходимости сравнения альтернативных вариантов перевода с так называемым эталонным переводом. Вопрос об эталонном переводе является в высшей степени дискуссионным и, безусловно, требует отдельного изучения с позиций конвенциональной нормы перевода. Поэтому здесь мы ограничимся замечанием о том, что речь отнюдь не идёт о единственно возможном и самом лучшем переводе. Как в учебной, так и в индустриальной сферах может возникнуть необходимость сравнения перевода с неким образцом, показатели качества которого принимаются как базовые на данный момент. И в этом случае процедура оценивания на основе МАИ должна быть определенным образом модифицирована. Простейшим вариантом такой модификации является использование правила «первой строки» [Ногин 2004], которое реализуется при сравнении альтернатив по отношению к каждому из используемых критериев (сравнение и взвешивание критериев проводится обычным способом). При реализации правила «первой строки» эталонный объект размещается в каждой такой матрице под первым номером, а все остальные альтернативы сравниваются

с ним в аспекте, отражаемым данным критерием. При этом, как и ранее, на основе табл. 3.1 формируются количественно выраженные результаты сравнения, размещаемые в первой строке матрицы (см. рис. 3.9) $a_{11}, a_{12}, \dots, a_{1n}$. Все остальные элементы матрицы по всем строкам заполняются по правилу $a_{ij} = a_{1j} / a_{1i}$, $i = 2, 3, \dots, n$, $j = 1, 2, \dots, n$, т.е. в них используются результаты сравнения только с образцом. Важно отметить, что полученные таким образом матрицы сравнения альтернатив являются полностью согласованными ($Ис = 0, Ос = 0$), а при вычислении локальных весов в соотношениях (2) используется простая формула $\tilde{x}'_i = c / a_{1i}$, $i = 1, 2, \dots, n$ (здесь c – среднее геометрическое элементов первой строки). Из этого соотношения очевидно, например, что чем больше превосходство образца по отношению к альтернативному варианту перевода, тем меньше вес этого варианта. Для приведения суммы всех весов к единице, как и ранее, в последующем

проводится нормализация

$$x'_i = \omega_i = \tilde{x}'_i / \sum_{k=1}^n \tilde{x}'_k.$$

В порядке заключительных замечаний по данной главе хотелось бы отметить следующее. Проблема объективности оценки качества перевода непосредственно связана с разработкой методологии и методики оценки и выбором соответствующих критериев. Стремление к объективности, необходимость которой очевидна в сфере оценочной деятельности, с одной стороны, и субъективность как онтологическая характеристика последней, с другой, традиционно рассматривается как фактор, во многом затрудняющий работу исследователя или же ставящий под сомнение достоверность полученных результатов.

В течение достаточно длительного времени существовали две полярные концепции критического анализа переводов, базирующиеся на лингвистических и литературоведческих критериях. Литературно-критическая оценка, построенная на основе художественно-эстетических параметров и психологических рассуждений, и сегодня является весьма распространённой в сфере критики художественного перевода, но и ограничена только данной областью. Таким образом, в

теоретическом плане картина складывается весьма противоречивая: с одной стороны, существует мнение, что методы оценки перевода следует разрабатывать применительно к конкретному типу текста, с другой – высказывается сожаление о том, что тот или иной подход применим только в одной узкой сфере. Кроме того, художественный текст гораздо более открыт для интерпретации, чем информативный, и по этой причине вопрос о точности или полноте восприятия и передачи его смыслового содержания получал и получает самые разнообразные трактовки с лингвистических, литературоведческих и герменевтических позиций [Барт 1989; Нестерова 2005; Лотман 1992; Лотман 1999; Эко 1992].

В нашей работе субъективность оценок перевода рассматривается как исходные данные задачи, для решения которой нами апробируются различные методы системного анализа, в том числе один из наиболее эффективных методов системного анализа – метод анализа иерархий (МАИ). Данный метод позволяет не только учесть субъективное мнение экспертов, осуществляющих оценку (в нашем случае – оценку перевода), но и просчитать степень согласованности их суждений. Как показала статистическая обработка данных, разброс мнений субъектов оценки оказался незначительным, что свидетельствует о чистоте проведённого эксперимента.

Результаты нашего исследования также позволяют сделать вывод о том, что в научной среде влияние субъективного фактора воспринимается порой излишне эмоционально, а его связь с негативными последствиями той или иной деятельности бывает преувеличена, что, в свою очередь, ведёт к определённым упрощениям. С одной стороны, субъективный фактор действительно затрудняет получение объективных данных, но с другой, именно это обстоятельство позволяет относить оценку качества перевода к разряду нетривиальных проблем, которые и представляют научный интерес в первую очередь.

Любое экспериментальное исследование, направленное на проверку той или иной рабочей гипотезы, безусловно, носит дискуссионный характер, и наша работа не является исключением. Более того, на данном этапе речь идёт в большей степени о возможности применения методик системного анализа как одного из способов

оценки качества перевода. Научные перспективы исследований подобного рода видятся в формировании новой базы знаний в русле многоаспектного подхода. Продемонстрированный в данной работе способ позволит значительно сократить время, затрачиваемое на сбор и обработку исследовательского материала. С точки зрения практической значимости, результаты нашего исследования, а также предложенные процедуры могут быть применены для разработки автоматизированного модуля и использоваться для оценки как учебных, так и профессиональных переводов. На входе системе будет поступать список критериев и альтернатив переводов, а результатом обработки программой явится наиболее оптимальный перевод, удовлетворяющий заданным условиям. Разработанная весовая классификация ошибок может быть рассмотрена отдельно от метода анализа иерархий и использована для оценки качества перевода с применением других математических и статистических методик.

Выводы по Главе 3

Проблема объективности как основного требования к оценке качества перевода представляет несомненный исследовательский интерес с позиций теоретического осмысления и практической реализации. Объективность оценки обеспечивается профессиональными знаниями и компетентностью оценивающей стороны, формируемыми на базе нормативной теории и документов, регламентирующих переводческую деятельность. Субъективность оценки обусловлена влиянием собственных представлений о переводе и приоритетами оценивающей стороны и индивидуальным оценочным стилем, связанным с эмоциональными и интеллектуальными свойствами конкретной личности. Таким образом, соотношение объективного и субъективного начала в позициях оценивающих сторон представляет собой диалектическое единство.

Разработка и/или использование подходов, призванных обеспечивать объективность оценки качества перевода, связана с выбором соответствующей методологии и методов оценивания, способных повысить степень объективности оценки за счёт формирования оценочного основания и минимизации проявления индивидуального оценочного стиля. Существующие в настоящее время подходы к оценке качества перевода можно с некоторой степенью условности подразделить на *традиционные, измерительные и автоматизированные*.

Методологической основой традиционного подхода является нормативный раздел общей теории перевода, согласно которому качество перевода оценивается на основе критериев эквивалентности и адекватности, а также соответствия текста перевода переводческой норме. Данный подход реализуется в учебной и индустриальной сферах перевода через использование сопоставительного метода, суть которого заключается в проверке перевода «вручную». Данный метод ориентирован на сравнительный анализ исходного и переводного текста, в процессе которого осуществляется выявление и подсчёт переводческих ошибок.

Методологической основой измерительного подхода является квалиметрия как научное направление, изучающее методологию и проблематику комплексного

количественного оценивания качества объектов любой природы. В квалитетической парадигме качество понимается как совокупность объективных особенностей или свойств объекта, доступных измерению. Оценивание качества предполагает определение данной совокупности свойств, измерение данных свойств с помощью определения их численных значений и сопоставление результатов со шкалой с заданными пороговыми и промежуточными значениями или эталоном.

В сфере перевода измерительный подход реализуется через использование метода количественной оценки качества перевода, известного как TQ metric, разработанный с целью вынесения точной и максимально объективной оценки перевода, выраженной численно. Повышение объективности оценки качества перевода осуществляется за счёт формализованной процедуры, включающей разработку классификатора ошибок, проверку перевода с заполнением соответствующей формы, вычисление индекса качества перевода TQI и его сопоставление со шкалой, в которой заданы пороговые (а иногда и промежуточные) значения качества перевода.

Разработка и внедрение автоматизированных методов оценки качества перевода связаны с развитием и широким использованием систем машинного перевода. Методологическая основа автоматизированной оценки перевода имеет комплексный характер и объединяет информационные технологии, квалитетрию, теорию перевода и лингвистику. Совокупность свойств и характеристик качества перевода, а также критерии оценки основываются преимущественно на лингвистических параметрах текста и переводоведческих критериях, в то время как разработкой инструментария автоматизированной оценки качества перевода занимается специалист в сфере информационных технологий.

Использование конкретного инструмента автоматизированной оценки требует предварительной подготовки программы, что предполагает создание или выбор одного из встроенного в программу шаблона TQA (TQA Template). В первом случае субъект оценки самостоятельно создаёт категории ошибок, которым присваиваются штрафные баллы в зависимости от степени их серьёзности. Во

втором случае категории, подвиды и штрафные баллы уже заданы, однако субъект оценки имеет возможность изменять существующие настройки, подстраивая метрики под цели и задачи конкретного проекта. Несмотря на то, что присвоение штрафных баллов и финальная оценка осуществляются автоматически, субъект оценки может внести изменения в финальную оценку и оставить комментарий для исполнителя или заказчика.

Повышение объективности оценки качества осуществляется с помощью использования распространённых в квалиметрии экспертных методов, суть которых заключается в том, что анализ проблемной ситуации выполняется группой экспертов, формирующих свои мнения в виде оценок данной ситуации и вариантов ее решения, выраженных в количественной форме. Результаты опроса экспертов обрабатываются с использованием статистических или иных математических методов для получения обобщенного мнения и оценки степени согласованности суждений экспертов.

Экспериментальным подходом к оценке качества перевода является использование экспертных методов *системного анализа* (СА), включающих количественные и качественные методы. *Количественные методы СА* связаны с анализом и количественной оценкой вариантов, описанием законов функционирования систем, установлением связи показателей их эффективности и основных внешних факторов влияния, определением точности, корректности используемых моделей систем. *Качественные методы СА* направлены на преодоление инертности и стереотипов мышления и основаны на использовании опыта и творческого потенциала аналитиков и исследователей. Суть данных методов заключается в организации постановки задачи, первого этапа ее формализации, формирования альтернативных вариантов решения и выборе подходов к оценке вариантов.

В ходе настоящего исследования были изучены возможности двух экспертных методов системного анализа: метода прямого ранжирования и метода анализа иерархий, адаптированные к проблемам перевода. Метод прямого ранжирования ориентирован на использование обобщенного опыта, квалификации

и интуиции экспертов (специалистов в области перевода) в ходе оценки студенческих работ и определения их рейтинга на основе собственных предпочтений. Объективизация суждений экспертов относительно качества конкретных переводов и получение данные о степени «разброса» между их мнениями осуществляются с помощью использования средств статистического анализа. Основными ограничениями метода прямого ранжирования является его ориентация исключительно на получение *результатов* экспертной оценки, в то время как оценочные критерии, а также этапы и особенности самого *процесса принятия решений* в данном случае не рассматриваются.

Метод анализа иерархий (МАИ) широко применяется для выбора целесообразных вариантов решения сложной проблемы из нескольких возможных альтернатив при решении отраслевых и частных проблем в бизнесе, промышленности, здравоохранении и образовании. Суть данного метода заключается в построении и визуальном отображении иерархической декомпозиции сложной проблемы на более простые составляющие; проведении по специальной форме экспертного опроса лиц, принимающих решения (в нашем случае это субъект оценки перевода); математической обработке полученных данных с целью оценки согласованности результатов опроса и окончательной оценки глобальных приоритетов альтернатив. Данный метод позволяет учитывать человеческий фактор при подготовке принятия решения путем построения дополнительной модели согласования различных мнений, в том числе противоречивых, посредством определения их приоритетов.

Практическое применение метода анализа иерархий связано с количеством участвующих в процессе оценивания экспертов, и в этом плане видятся следующие варианты. *Первый вариант* предполагает применение метода при работе одного эксперта, который полезен для систематизации собственных действий и предпочтений, что способствует снижению субъективности оценочных суждений, например, при проверке конкурсных переводов или выставлении экзаменационных оценок. *Второй вариант* предполагает применение МАИ при работе группы экспертов, и в этом случае большое значение имеет выбор критериев,

устраивающих всех участников процесса, а также оценка согласованности всех матриц парных сравнений с учетом возможности возникновения противоречивых суждений. Перспективы применения данного варианта метода усматриваются в области экспертизы перевода. *Третий вариант* является промежуточным и предполагает использование критериев, установленных группой экспертов, а также согласованных результатов взвешивания этих критериев, полученных в ходе коллективной работы субъектов оценки. Дальнейшая оценка альтернативных вариантов перевода может проводиться индивидуально одним экспертом с использованием предоставленных ему весов критериев.

Возможности применения методов системного анализа как одного из способов оценки качества перевода усматриваются в дальнейшем формировании новой базы знаний в русле междисциплинарного подхода. Продемонстрированный способ позволит значительно сократить время, затрачиваемое на сбор и обработку исследовательского материала. С точки зрения практической значимости, результаты нашего исследования, а также предложенные процедуры могут быть применены для разработки альтернативного автоматизированного модуля оценки качества перевода.

Глава 4. Переводческие ошибки как параметры оценки качества перевода

При рассмотрении деятельностного аспекта оценки качества перевода, предпринятом в Главе 2 настоящего исследования, мы отмечали, что основными и достаточно универсальными параметрами оценки качества перевода являются переводческие ошибки. Выявление и квалификация ошибок, допущенных переводчиком, рассматривается как объективное основание для суждения оценивающей стороны при условии, что субъект оценки имеет достаточно полное представление о том, что именно следует считать ошибкой, и, в частности, ошибкой переводческой.

Изучение теоретической литературы по данному вопросу свидетельствует о существовании различных подходов к анализу переводческих ошибок, что объясняется характером и спецификой индивидуальных интересов исследователей, жанрово-стилевой спецификой эмпирического материала, а также приоритетами, связанными с конкретной сферой оценочной деятельности (научной, учебной или индустриальной). В контексте теории относительной переводимости тезис о неизбежности переводческих ошибок не вызывает возражений, однако нельзя не отметить, что количественная и качественная стороны данного феномена рассматриваются специалистами в области перевода с различных позиций. В зависимости от научной парадигмы, в зоне интереса исследователей оказываются языковые и культурные различия, когнитивная база, уровень профессиональной компетентности и профессионального мастерства переводчика. Поэтому анализ ошибок и их классификации осуществляются по самым разнообразным признакам: «по природе ошибок, по механизмам их возникновения, по характеру и степени искажения плана содержания оригинала, по степени отклонения от нормы и узуса ПЯ, по видам компетенции (речевая, культурная т.д.)» [Петрова 2016, с. 249]. С точки зрения А. Б. Шевнина, к основным категориям ошибок относятся когнитивные несоответствия, лингвокультурные несоответствия и языковые несоответствия, причём каждая категория несоответствий имеет место как на этапе

восприятия исходного текста, так и на этапе порождения текста перевода [Шевнин 2009, с. 38].

В данном разделе работы мы обратимся к содержанию понятий *ошибка* и *переводческая ошибка*, рассмотрим некоторые типологии ошибок, представляющие интерес как с позиций теории, так и практики, а также представим концепцию анализа переводческих ошибок, разработанную нами на материале учебного перевода.

4.1. Общее понятие ошибки как отрицательного языкового и речевого материала

Как известно, ошибки совершаются в любой области познавательной и трудовой деятельности человека, и именно с этим обстоятельством связан столь долговременный интерес к их исследованию: в центре внимания классической философии и логики традиционно находились так называемые *ошибочные суждения*. Известно, что ещё Аристотель выделял такие категории ошибок, как «неправильности речи» (παρά τήν λέξιν) и ошибки «вне речи», т.е. ошибки мышления (ἔξω τῆς λέξεως). Обзор литературы, посвящённой исследованию ошибок в философии и теории научного познания, представлен в работе А. Б. Шевнина «Эрратология: пути становления» [Шевнин 2009]. Вместе с тем, вопрос об актуальности и даже правомерности филологического изучения языковых и речевых ошибок в течение достаточно долгого времени оставался спорным. Вплоть до второй половины XX века основное внимание лингвистов было сосредоточено на правильном употреблении слов, грамматических форм и синтаксических конструкций. Соответствующие примеры заимствовались, в основном, из художественной литературы, в то время как изучение так называемого «отрицательного языкового материала», в терминологии Л. В. Щербы, не считалось целесообразным [Щерба 1931]. Подчёркивая мысль о научной ценности исследований в этой области, Л. В. Щерба отмечал, что отрицательные результаты «указывают или на неверность постулированного

правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря, и т. п.» [Там же].

Для европейского языкознания поистине революционное значение приобрёл труд швейцарского лингвиста Анри Фрея «Грамматика ошибок», считавшего, что нарушения языковой нормы являются таким же равноправным объектом изучения, как и нормативные тексты. Данное исследование, выполненное на материале писем с фронта французских солдат, посвящено проблеме неправильного употребления языка и представляет собой всесторонний анализ языковых ошибок, включая их классификацию и объяснение причин их возникновения. Вопреки сформировавшейся традиции рассматривать языковые и речевые ошибки исключительно в контексте нормативного подхода к языку, в данной работе А. Фрей придерживается, скорее, подхода функционального: «ошибочно то, что не соответствует заданной функции (напр.: ясности, экономии, экспрессивности и т.д.)» [Фрей 2006, с. 17]. Более того, в соответствии с концепцией Фрея, *правильный* с нормативной точки зрения языковой факт может, например, вести к двусмысленности, а *ошибочный* может дать возможность её избежать. Здесь необходимо отметить, что и Л. В. Щерба, и А. Фрей имели в виду ошибки, которые совершают носители языка.

С середины XX века проблема языковых и речевых ошибок привлекает внимание специалистов в области педагогики, психологии, психолингвистики и лингвистики [Аванесов 1982; Бабанский 1989; Бодуэн де Куртенэ 1963; Быстрова, Львова, Капинос 2004; Выготский 2004; Жинкин 1998; Зимняя 1978; Костомаров, Митрофанова 1990; Леонтьев 1974; Поливанов 1968; Щерба 2006]. В 60-70-е гг. на основе методологии системного анализа и теории принятия решений был разработан метод анализа ошибок (error analysis), основанный на понимании ошибки как нежелательной формы (unwanted form) на выходе, не предусмотренной материалом на входе [Приводится по: Шевнин 2005, с.112]. Данный подход был заимствован целым рядом естественнонаучных и гуманитарных направлений, среди которых – лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Соответственно, в центре внимания последних двух дисциплин оказываются

ошибки, которые допускаются при освоении иностранного языка. Таким образом, исследование ошибок, совершаемых по причине межъязыковой интерференции, осуществлялось именно на основе анализа различий на входе и на выходе, причём под входом понималось знание нормативных правил, а под выходом – устная и письменная речь обучаемых.

В отечественной лингвистике языковые и речевые ошибки рассматриваются в русле таких направлений, как языковая девиатология, изучающая запланированные и незапланированные отклонения от нормы языка, и ортология, которая представляет собой теорию психолингвистических факторов, обеспечивающих правильность высказывания. Отметим, что в литературе, посвящённой анализу ошибок, прослеживаются традиции как нормативного подхода (французская и женеvская школы), так и функционального подхода (скандинавская школа). В соответствии с первым, ошибка рассматривается как отклонение от нормы языка, а в соответствии со вторым, ошибка трактуется как несоответствие цели коммуникации [Тетерлева, Попова 2010, с. 37].

С позиций психолингвистики, речевые ошибки, совершаемые в процессе усвоения иностранного языка, связаны «с сознательным или подсознательным сравнением его с родным. В таком случае речевая ошибка рассматривается как специфический тип экспликации средствами иностранного языка «своей» картины мира, калькирование которой приводит к нарушению законов построения и правил функционирования языковой системы изучаемого языка» [Вараксина 2014]. Согласно концепции В. А. Пищальниковой, глобальная причина языковых и речевых ошибок заключается в нарастающем снижении языковой компетенции современного человека, что проявляется как функциональная неграмотность. По мнению В. А. Пищальниковой, данный феномен является непосредственным результатом влияния интернет-коммуникации, разрушающей эволюционно сформированный механизм порождения естественного семиозиса, основанного на вербальном знаке [Пищальникова, 2017; 2018; 2019]. Упрощение коммуникации в цифровом пространстве и использование иконических средств, к которым относятся мемы и эмодзи, «одновременно закрепляют операцию имитации,

которая, в силу малой энергетической затратности, постепенно способна становиться нейрофизиологически доминирующей» [Пищальникова, Фененко 2020, с. 6]. Это объясняет многие проблемы с пониманием и производством речи и текстов в вербальной форме. О негативном влиянии цифрового пространства на когнитивные возможности человека также пишут Н. К. Гарбовский и О. И. Костикова, отмечая, что наивысшие риски, генерируемые цифровизацией, «напрямую связаны с одним из ключевых высокоранговых рисков – деградацией естественного интеллекта, подразумевающей клиповое мышление, интеллектуальную зависимость от техники (передачу функции памяти разным электронным устройствам), стирание грани между действительностью и иллюзией, формирование неадекватного представления о мире, заимствование ценностей и потребностей из цифровых шаблонов» [Гарбовский, Костикова 2019, с. 7].

О том, насколько критичной оказывается та или иная ошибка на уровне высказывания и / или текста, говорит и использование специалистами таких терминов, как *отклонение*, *недочёт* и *оговорка*. Некоторые исследователи используют термины *ошибка* и *отклонение* как синонимы по причине того, что ошибка чаще всего определяется именно как отклонение от правил. Другие, напротив, подчёркивают, что данные понятия не могут отождествляться, так как ошибка входит в отклонение, но отклонение – это не всегда ошибка [Красиков 1980], [Григорьева 2004]. Что касается терминов *ошибка* и *недочёт*, то в лингводидактической литературе они, как правило, разграничиваются: *ошибка* считается нормативным нарушением, а *недочёт* связан с нарушением стилового единства текста или коммуникативной целесообразности речи. С точки зрения М. Дебрэнн, основное отличие «языковой ошибки» от «оговорки» заключается в том, «что говорящий может без подсказки исправить оговорку, тогда как ошибку ему исправить сложнее» [Дебрэнн 2006, 2007].

На наш взгляд, целесообразность такого подхода вполне очевидна не только при обучении иностранным языкам, но и при обучении переводу.

В контексте рассуждений об ошибках разного типа следует сказать несколько слов о термине *эпратология*, который, как известно, имеет своих сторонников и

противников. В данной работе мы не преследуем цели вступить в дискуссию по этой проблеме и поэтому ограничимся следующим замечанием. Термин *эрратология* был введён выдающимся российским специалистом в области теории познания Ф. А. Селивановым для обозначения общей теории ошибок. Им же была разработана классификация ошибок, в основу которой были заложены логические принципы: ошибки расширения и сужения сферы существования признака, переноса признака на другие отношения, элиминирования тождества, совмещения, порочного круга [Селиванов 1970]. Основные положения теории Ф. А. Селиванова впоследствии использовались многими учёными при разработке своих собственных концепций и типологий ошибок. Так, например, А. Б. Шевнин ввёл разграничение между общей, или универсальной эрратологией, ориентированной на изучение онтологических характеристик ошибок, и частной эрратологией, объединяющей лингвистическую, лингводидактическую и переводческую эрратологию, в развитии которых многие лингвисты и переводоведы видят большой потенциал. В области переводческой эрратологии А. Б. Шевнин выделяет специальную эрратологию, к которой относятся рецептивная и экспрессивная эрратология. В зоне внимания данных направлений оказываются ошибки на уровне понимания текста и на уровне его перевыражения средствами другого языка [Шевнин 2009, с. 115]. Исследователь также подчёркивает, что «эрратологический материал может служить перспективной и объективной базой для возможного переосмысления многих теоретических положений, коррекции методики преподавания и изучения иностранных языков и перевода» [Там же, с. 113].

4.2. Переводческие ошибки и их систематизация

4.2.1. Содержание понятия *переводческая ошибка*

Когда речь идёт об оценке качества перевода, осуществляемой на основе выявления, квалификации и подсчёта ошибок, то возникает ряд вопросов, связанных с их выявлением и квалификацией. Как показывает практика, обнаружить ошибку в тексте перевода могут различные субъекты оценки, как представители профессиональной сферы, к которым относятся преподаватели и

редакторы перевода, так и представители общества в лице конечных получателей перевода. Последние как специалисты в конкретной предметной области могут отметить неправильное употребление специальной терминологии, фактические и логические ошибки, приводящие к противоречиям с действительностью или здравым смыслом. Поэтому необходимо уточнить, что в данной главе настоящей работы речь идёт об ошибках, которые обнаруживаются специалистом в области перевода на основе сопоставления текста перевода с текстом оригинала. Несмотря на то, что в данном случае речь идёт о профессиональной оценке перевода, её концептуальная основа далеко не всегда соответствует сущности переводческой деятельности.

Так, например, наш практический опыт оценки учебного перевода свидетельствует о том, что первым приоритетом для преподавателя перевода как субъекта оценки является адекватная передача смыслового содержания исходного текста. Если же субъектом оценки является преподаватель иностранного языка, то оценка перевода зачастую отождествляется с проверкой знания семантики слов и грамматических конструкций, используемых в исходном тексте, а применение лексико-семантической или функциональной замены, перестановки и других приёмов может квалифицироваться как «неправильно переведённое» слово или предложение.

В подобных случаях причина различий в подходах к оценке перевода заключается в разных оценочных основаниях субъектов оценки. Преподаватели перевода исходят из того, что они имеют дело с одним из видов коммуникативной деятельности, в то время как преподаватели иностранного языка склонны отождествлять перевод с проверкой знания лексического и грамматического материала. Именно эти представления о переводе определяют главные приоритеты субъектов оценки, которые одновременно являются и их ориентирами в процессе оценочной деятельности. Таким образом, если в первом случае сопоставляются *тексты*, созданные в конкретной коммуникативной ситуации, то во втором речь идёт о сопоставлении *средств различных языковых систем*. Отсюда вытекает и

соответствующее понимание сущности переводческой ошибки, которое в ходе развития переводческой теории также претерпевало эволюционные изменения.

Одно из основных направлений, которое получило развитие в русле лингвистической теории перевода, связано с изучением переводческих ошибок как нормативных нарушений в переводящем языке. Например, Я. И. Рецкер относил переводческие ошибки к языковым и речевым ошибкам, совершаемым в процессе перевода, а их типичный и частотный характер объяснял «расхождениями норм английского и русского языков» [Рецкер 1981, с. 16]. В русле данной традиции основное внимание уделялось ошибкам, которые совершаются на этапах поиска соответствий и преобразования текста средствами ПЯ, а не сбоям на этапе восприятия исходного текста. Возможно, авторы классических работ по теории и практике перевода исходили из того, что текст оригинала переводчиком понят правильно. С другой стороны, это обстоятельство может быть связано также и с тем, что результаты изучения структуры смыслового содержания текста появились несколько позже. Со временем переводоведы стали обращать всё большее внимание на смысловые ошибки, о чём свидетельствуют приведённые ниже трактовки данного понятия.

Так, например, А. Д. Швейцер рассматривает переводческую ошибку как отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу [Швейцер 1988], а Р. К. Миньяр-Белоручев – как меру несоответствия перевода оригиналу [Миньяр-Белоручев 1996]. В. Н. Комиссаров даёт крайне общее определение переводческой ошибки как «меры дезинформирующего воздействия на читателя» [Комиссаров 1990]. Д. М. Бузаджи и его соавторы предлагают считать переводческой ошибкой любые недостатки перевода, но при этом подчёркивают необходимость различать виды, группы и категории ошибок [Бузаджи 2009, с. 88]. В. М. Жигалина рассматривает понятие переводческой ошибки в рамках герменевтической модели оценки перевода, согласно которой сущность перевода заключается в фиксации понимания исходного текста средствами иного языка. Автор основывается на предложенной Н. Л. Галеевой *формуле содержательности*, которая имеет следующий вид: «содержательность =

содержание текста + смыслы + идеи». На этой основе проводится разграничение понятия *переводческой ошибки* как «утраты содержания текста в переводе» и *неудачного переводческого решения* как «утраты смыслов и идей» [Жигалина 2005, с. 23]. Такие исследователи, как Ю. В. Красиков [Красиков 1980], В. А. Виноградов [Виноградов 1983], А. К. Григорьева [Григорьева 2004], М. Дебренин [Дебренин 2006], Ж. Багана [Багана 2006], Е. В. Хапилина, [Хапилина 2006], М. А. Куниловская [Куниловская 2008] склонны рассматривать переводческую ошибку как несовпадение между неким эталоном и конечным продуктом переводческого процесса.

Таким образом, можно заключить, что переводческая ошибка является многогранным понятием. Несмотря на концептуальные различия в современных переводоведческих парадигмах, основой выявления переводческих ошибок является универсальный принцип несоответствия. В каждом конкретном случае речь может идти о несоответствии текста перевода переводческим нормам, оценочным критериям и требованиям к конкретному переводу, о несоответствии условиям конкретной коммуникативной ситуации и т.п. Данные несоответствия обнаруживаются при сравнении текста перевода с исходным текстом, с требованиями к конкретному виду перевода, условиями и параметрами коммуникативной ситуации или же с конкретным техническим заданием. Несмотря на то, что в процессе критического анализа результатов перевода термин *неудачное переводческое решение* может использоваться применительно к *переводческой ошибке*, данный термин, на наш взгляд, представляет собой скорее эвфемистическое выражение. В отличие от переводческого решения, переводческая ошибка, как справедливо отмечает Н. К. Гарбовский, является результатом неосознанных действий переводчика [Гарбовский 2004, с. 514]. Таким образом, в самом широком смысле содержание понятия переводческой ошибки можно определить как *отрицательный результат перевода, нарушающий переводческие и языковые нормы*. Более полное и всестороннее понимание сути данного феномена дают различные способы систематизации переводческих

ошибок на разнообразном эмпирическом материале, результатом которых является разработка соответствующих типологий.

4.2.2. Типологии переводческих ошибок

Одна из первых типологий переводческих ошибок была предложена Я. И. Рецкером (несмотря на то, что термин *типология* Я. И. Рецкером не использовался, речь шла именно о типичных ошибках переводчика) [Рецкер 1965]. Как уже было упомянуто выше, к переводческим ошибкам Я. И. Рецкер относил случаи нарушения норм русского языка в текстах переводов. Несомненным достоинством данной типологии является то, что Я. И. Рецкер акцентировал внимание на *типичных* нарушениях, которые возникают как по причине воздействия исходной языковой системы, так и ранее созданного исходного текста [Рецкер 1965, с. 16].

К наиболее характерным типам переводческих ошибок Я. И. Рецкер относит повторение одних и тех же и / или однокоренных слов в пределах предложения или смысловой группы (что, как известно, не считается в английском языке таким же грубым нарушением стилистических норм, как в русском); «внутреннюю рифму» в прозе, которая возникает в переводном тексте при употреблении подряд нескольких абстрактных существительных с окончанием на «ение» или «ание»; употребление нескольких стоящих рядом существительных в косвенных падежах; наложение в переводе придаточных предложений, вводимых относительными местоимениями в косвенных падежах; «симметричную» конструкцию с причастиями в начале и конце предложения. Данные замечания не теряют своей актуальности и сегодня, поскольку подобные языковые ошибки встречаются не только в учебном, но и в индустриальном переводе.

Типология переводческих ошибок В. Н. Комиссарова включает ошибки на уровне содержания и ошибки на уровне формы. В рамках каждой из этих категорий рассматриваются различные типы ошибок с учётом степени их серьёзности. Рассматривая ошибки, которые квалифицируются как грубое искажение содержания оригинала, В. Н. Комиссаров отмечает, что в подобных случаях перевод «указывает на совсем другую ситуацию и фактически дезинформирует

рецептора» [Комиссаров 2001, с. 241]. С точки зрения исследователя, одной из главных причин искажения является «неправильное прочтение текста оригинала», т.е. своего рода сбой на этапе понимания оригинала, что обусловлено как недостаточной языковой компетенцией в ИЯ, так и отсутствием необходимых фоновых знаний.

К следующему типу содержательных ошибок В. Н. Комиссаров относит ошибки, приводящие к «неточной передаче смысла оригинала, но не искажающие его полностью» [Там же, с. 243]. По мнению переводоведа, «подобные ошибки возникают вследствие неточного понимания значения некоторых слов в оригинале или неправильной оценки переводчиком степени соответствия значений английского и русского терминов» [Там же]. При этом В. Н. Комиссаров справедливо отмечает, что определить критерии для выявления таких смысловых неточностей довольно трудно, так как здесь могут наблюдаться неясные или пограничные случаи.

На уровне формы В. Н. Комиссаров рассматривает ошибки, «не нарушающие общего смысла оригинала, но снижающие качество текста перевода вследствие отклонения от стилистических норм ПЯ» [Там же, с. 244]. К наиболее очевидным случаям исследователь относит «использование малоупотребительных в данном типе текстов единиц, злоупотребления иноязычными заимствованиями или техническими жаргонизмами и т. д.» [Там же]. Подобные ошибки, по мнению автора, связаны с установлением эквивалентности на более высоких уровнях, чем уровень ситуации, и во многих случаях не влияют на общую оценку качества перевода. Такие ошибки могут «по-разному оцениваться отдельными проверяющими, вызывать среди них разногласия, иногда вообще не признаваться ошибками перевода» [Комиссаров 2001, с. 244]. В этой связи хотелось бы отметить, что в русле западноевропейской теории и методики перевода отклонения от лексических и грамматических норм ПЯ не относятся к переводческим ошибкам. По всей видимости, эта точка зрения основана на принципах европейской методики перевода, в соответствии с которыми языковая компетенция студентов должна быть сформирована до начала занятий переводом.

К последней разновидности переводческих ошибок В. Н. Комиссаров относит нарушения норм переводящего языка, не влияющие на эквивалентность перевода, но свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала [Там же, с.244]. Применительно к оценке качества перевода эта справедливая мысль нуждается в некотором уточнении. В данном случае речь идёт о двух причинах нарушения норм ПЯ в тексте перевода одновременно, и в связи с этим возникает следующий вопрос: в какой мере к причинам переводческих ошибок можно относить низкий уровень языковой компетенции в ПЯ? Если исходить из того, что в строгом смысле переводческая ошибка возникает в процессе перевода, то тогда основной причиной отклонений от нормы и узуса ПЯ является неумение или же неспособность переводчика преодолеть влияние исходной языковой системы и исходного текста. По нашему мнению, здесь наблюдается случай нечёткой границы между действием таких факторов, как языковая интерференция (как внешняя, т.е. межъязыковая, так и внутренняя, обусловленная уровнем языковой компетенции ИЯ) и собственно языковая компетенция в ПЯ. Речевая культура переводчика, безусловно, оказывает влияние на качество перевода, однако в исследовательских и дидактических целях необходимо различать ошибки естественного носителя языка и ошибки, совершаемые по причине перевода, иными словами, *ошибки употребления* и *ошибки перевыражения*. С другой стороны, нельзя не отметить, что чем выше речевая культура переводчика, тем сильнее его устойчивость к интерференции.

В исследованиях М. Дебрэнн основное внимание уделяется типичным переводческим ошибкам, которые квалифицируются как ошибки порождения и ошибки понимания. Предлагаемая М. Дебрэнн классификация, разработанная на материале учебного перевода с французского языка на русский, выглядит следующим образом: 1) ошибки из-за невнимательного прочтения оригинала; 2) неправильная передача не зафиксированных в словарях и интернете реалий; 3) переведенные дословно фразеологизмы; 4) нераспознанные переводчиком оттенки значения [Дебрэнн 2007, с. 17]. Данная типология объединяет ошибки, которые классифицируются по их причине и по их характеру. Повторим, что М. Дебрэнн

уделяет основное внимание именно типичным ошибкам, возникающим в ситуации межъязыкового контакта, и, по нашим наблюдениям, эти случаи весьма узнаваемы также и в языковой паре английский-русский.

Л. К. Латышев связывает переводческие ошибки с «трансляцией исходного содержания», понимая их как «функционально немотивированные отклонения от содержания оригинала, различающиеся по степени дезинформирующего воздействия». В соответствии с данной трактовкой, типология переводческих ошибок Л. К. Латышева выглядит следующим образом: 1) искажения – субъективно обусловленное отклонение содержания перевода от оригинала, что вызывает неадекватные представления получателя перевода о предмете сообщения; 2) неточности – отклонения от содержания оригинала, не искажающие его содержание полностью, но требующие уточнения; 3) неясности – функционально-содержательный дефект перевода, затемняющий смысл высказывания, который достаточно четко выражен в исходном тексте [Латышев 2001, с. 212-215]. Автор также обращает внимание на степень серьёзности различных содержательных ошибок, что, безусловно, является необходимым элементом оценочного основания специалиста.

Типология переводческих ошибок Н. К. Гарбовского разработана на основе систематизации ошибок, допущенных профессиональными переводчиками в переводах художественной литературы в языковой паре французский-русский.

Данная типология, включающая ошибки понимания ИТ и языковые ошибки, имеет следующий вид:

1) ошибки понимания «знак – понятие», имеющие место, когда переводчик приписывает знакам ИЯ не те значения, которые они заключают в себе на самом деле; 2) ошибки понимания «знак – сложное понятие», возникающие при расшифровке смыслов словосочетаний; 3) ошибки понимания «знак – суждение» в результате недостаточно внимательного отношения переводчика к синтаксической организации высказывания; 4) ошибки понимания предметной ситуации, возникающие по причине недостаточного когнитивного опыта переводчика; 5) переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов, вызванные

недостаточным уровнем владения ПЯ; 6) стилистические ошибки, связанные с искажением стиля автора оригинала [Гарбовский 2004, с. 514-536].

Основными причинами переводческих ошибок, с точки зрения Н. К. Гарбовского, являются: 1) недостаточное владение языком оригинала; 2) недостаточный когнитивный опыт; 3) недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности; 4) невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в исходном тексте и непонимание того, что автор говорит о предмете; 5) неумение различить особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения [Там же]. На наш взгляд, данная типология отражает теоретико-ориентированный переводоведческий подход, который может быть успешно использован в области критики перевода.

Типология переводческих ошибок, представленная в коллективной монографии Д. М. Бузаджи, В. В. Гусева, В. К. Ланчикова и Д. В. Псурцева «Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок», отражает концептуальную позицию авторов, которые относят к переводческой ошибке любой недочет или погрешность в тексте перевода. Методологический подход авторов к решению практических задач, связанных с выявлением и квалификацией переводческих ошибок, базируется на типологическом и сопоставительном языкознании и, в частности, сопоставительной семантике, сопоставительном синтаксисе и сопоставительной стилистике [Бузаджи 2009, с. 11]. В первую очередь данная типология ориентирована на анализ переводов информативных текстов в языковой паре английский-русский. Авторы выделяют следующие виды ошибок: 1) Нарушения при передаче смысла, связанного с денотативным содержанием текста. Категория 1: опущение информации; добавление информации; замена информации. Категория 2: неточная передача фактической информации; неточная передача релятивной информации. 2) Нарушения, связанные с передачей стилистических характеристик оригинала: нарушения в передаче функционально-стилевых или жанровых особенностей текста оригинала; калькирование оригинала; нарушения узуса ПЯ. 3) Нарушения, связанные с передачей авторской оценки:

неточная передача экспрессивного фона оригинала; неточная передача авторской оценки. 4) Очевидные нарушения нормы и узуса ПЯ: нарушение орфографических и пунктуационных норм; неверная передача в переводе имён собственных; неверная передача транскрибируемых иностранных слов; очевидные нарушения стилистических норм ПЯ; нарушения при передаче специфических видов цифровых данных; нарушения требований оформления, предъявляемых в ПЯ к данному типу текстов [Там же, с. 32-70]. Все рассматриваемые случаи иллюстрируются анализом примеров и рекомендуемыми вариантами перевода авторов монографии, что, на наш взгляд, можно рассматривать как отражение редакторского подхода. (Как известно, вопрос о внесении исправлений, как правило, решается положительно в ситуации профессионального редактирования текста, в то время как в сфере учебного перевода необходимость исправления ошибок является достаточно спорным вопросом, ответ на который определяется этапом и целями обучения). В своей собственной практике мы прибегаем к исправлению смысловых и нормативных ошибок студентов только в тех случаях, когда студент не в состоянии сделать это самостоятельно даже после нескольких наводящих вопросов. Кроме того, мы глубоко убеждены в том, что при анализе и исправлении ошибок смыслового характера необходимо принимать во внимание тот очевидный факт, что предлагаемый преподавателем вариант далеко не всегда является единственно возможным.

Сходных принципов при исследовании переводческих ошибок придерживаются и другие авторы, интерес которых к данной проблеме и соответствующие подходы ориентированы на дидактику перевода. В частности, об этом говорит введение в номенклатуру ошибок системы «штрафных баллов». Например, Ю. Л. Успенский предлагает снимать 1 балл за искажение смысла, 0,25 балла за пропуск, неточность и алогизм, и 0,1-0,2 балла за стиль [Успенский 2002]. В. В. Сдобников снимает 1 балл за смысловую ошибку, 0,5 балла за содержательную ошибку, 0,3 балла за логическую ошибку, 0,2 балла за стилистическую ошибку и 0,1 балла за орфографическую и пунктуационную ошибку [Сдобников 2007].

Однако, как показывает практика, каждая конкретная ситуация всегда требует уточнений. С одной стороны, идея «штрафных баллов» даёт преподавателю, особенно начинающему, своего рода ориентир, необходимость которого для учебного процесса очевидна. С другой стороны, подобные рекомендации не могут применяться формально, поскольку во многих случаях наблюдается отсутствие чётких границ между разными типами ошибок, между «серьёзными» и «несерьёзными» ошибками и их последствиями. Более подробно проблема последствий ошибок будет рассматриваться нами в следующем разделе работы, однако здесь мы считаем необходимым отметить следующее. Согласно сложившейся традиции, максимальная оценка за учебный перевод составляет 5 баллов, однако на практике количество ошибок в учебных переводах часто уводит подобные подсчёты в минус, что возвращает нас к вопросу о сущности переводческой ошибки и степени её критичности в каждом конкретном случае.

В работах М. А. Куниловской типология переводческих ошибок строится на материале учебного перевода в языковой паре английский-русский. Как справедливо отмечает автор, идентификация и описание ошибок в студенческих работах «может и должно быть частью обучения, а для этого важна простота и понятность используемой для проверки системы ошибок». Данная типология включает следующие две категории: 1) смысловые ошибки, к которым относятся нарушения, связанные с передачей референциальной, логической и прагматической информации (в последнем случае имеются в виду нарушения жанрово-стилистической нормы перевода и изменение степени узуальности); 2) языковые ошибки, под которыми имеются в виду лексические, морфологические, синтаксические, орфографические и пунктуационные [Куниловская 2013, с. 62-67].

В связи с тем, что М. А. Куниловская использует программу аннотации текста *brat*, главными условиями и одновременно ограничениями являются простота и лаконичность типологии ошибок, поэтому в систему оценки переводов включены только наиболее частотные ошибки. По мнению автора, выбор указанного инструмента позволяет во многом оптимизировать саму процедуру оценки: во-первых, его использование избавляет преподавателя от необходимости

многократно писать одно и то же, а во-вторых, позволяет проводить количественный анализ ошибок в работах отдельных студентов и их групп. Ценность этого прикладного аспекта, безусловно, велика, однако на наш взгляд, существует и обратная сторона, связанная с оптимизацией обработки данных. Во-первых, инструмент работы с фактическим материалом – программа *brat* – позволяет учитывать только наиболее частотные ошибки, и это означает, что часть материала остаётся вне зоны внимания, т.е. фактически не рассматривается. Во-вторых, поскольку программа работает только с txt файлами, не представляется возможным учитывать ошибки оформления перевода, причём об этих ограничениях пишет и сам автор. По-видимому, проблема заключается в расстановке приоритетов, что предполагает ответ на вопрос о цели разработки системы. Если цель состоит в том, чтобы посмотреть на возможности и ограничения инструмента, тогда есть смысл пробовать разные типологии и в том числе делать их упрощение. Но если первым приоритетом является оптимизация процедуры оценки качества перевода, то проблема заключается в том, чтобы выбрать или разработать наиболее эффективный инструмент. По нашему мнению, ограничение «входных данных», связанное с возможностями инструмента, ставит под сомнение конечный результат обработки (в нашем случае – оценки). Иными словами, если цель работы заключается в том, чтобы оценить качество конкретного перевода, то игнорировать ошибки оформления и сбои, относящиеся к группе «нечастотных», не вполне целесообразно.

Ещё одним подходом в осмыслении феномена переводческой ошибки является её соотнесение с понятием *стратегии перевода*. Например, в трактовке Е. В. Аликиной под *переводческой ошибкой* понимается «непреднамеренный сбой в реализации переводческой стратегии, нарушающий норму, снижающий качество перевода и мешающий достижению его цели» [Аликина 2011, с. 117-118]. В данном случае рассуждения автора относятся в основном к сфере обучения устному переводу, и анализ переводческих ошибок рассматривается как необходимый инструмент в повышении качества устного перевода и как своего рода «профилактическое средство». Соответственно, типология ошибок, разработанная

Е. В. Аликиной, включает три основных группы: 1) ошибки понимания, 2) ошибки выражения и 3) ошибки поведения. К ошибкам понимания автор относит опущения или искажения «существенных в функционально-коммуникативном плане инвариантных элементов исходного содержания». Ошибки выражения определяются автором как нарушение языковых и речевых норм переводящего языка [Там же].

Выше мы уже отмечали, что ошибки понимания и ошибки выражения относятся к традиционно выделяемым типам ошибок, в чём можно убедиться при знакомстве с указанными выше работами Н. К. Гарбовского, Л. К. Латышева, М. Дебрэнн, а также публикациями П. Г. Чеботарёва [Чеботарев, 2006] и D. Gile [Gile 1991]. Однако, принимая во внимание специфику устного последовательного перевода как публичного вида деятельности, Е. В. Аликина дополняет эту типологию ошибками поведения, которые определяются на основе профессиональных норм устного переводчика. К данным нормам относятся требования к вокальным характеристикам голоса и использованию средств невербальной коммуникации. Автор справедливо отмечает необходимость построения системы «педагогического анализа ошибок» или «педагогики ошибок» для учебного процесса, которая включает следующие этапы: вычленение и идентификацию ошибки; установление ее причины; поиск путей предотвращения. Разделяя мнение Е. В. Аликиной, хотелось бы отметить, что вопрос о том, каким образом сбой в реализации стратегии влияет на нарушение нормы, нуждается в проведении дополнительных исследований. И в первую очередь требуется уточнить содержание понятий *норма* (идёт ли речь о языковой норме или же о норме переводческой) и *стратегия* (как известно, на сегодняшний день существуют различные трактовки данного термина).

Типологии, разработанные представителями зарубежного переводоведения, в основном включают традиционные типы ошибок [Delisle, 1993; Gile, 1992; Perrin, 1996; Рум, 1992; Toudic et al., 2014]. Однако как с практических, так и с теоретических позиций большой интерес представляют типологии, разработанные в русле функционального подхода. В данной парадигме рассматриваются

переводческие ошибки на уровне языковой системы и текста, а также ошибки внетекстового характера, которые препятствуют достижению цели перевода и выполнению его функционального предназначения в принимающей культуре. Эти явления определяются в широком смысле как нарушение адекватности перевода [Nord 1992; 1997].

В соответствии с концепцией К. Норд, к переводческим ошибкам может привести невыполнение переводчиком инструкций, содержащихся в задании на перевод, а также неумение принимать переводческое решение, соответствующее ситуации и направленное на решение конкретной переводческой проблемы. На этом основании К. Норд выделяет следующие четыре категории переводческих ошибок:

1) прагматические ошибки, связанные с неадекватными решениями на прагматическом уровне, к которым, например, может быть отнесено отсутствие ориентации на получателя перевода;

2) культурологические ошибки, совершаемые по причине неадекватного переводческого решения, связанного с воспроизведением исходных культурно-специфических конвенций или их адаптацией к условиям новой коммуникативной ситуации;

3) языковые переводческие ошибки, имеющие место в тех случаях, когда основное внимание при переводе уделяется отдельным языковым структурам (например, на практических занятиях по иностранному языку);

4) текстуальные ошибки, которые связаны со специфическими проблемами, возникающими при переводе конкретного текста и которые, как и соответствующие переводческие проблемы, должны анализироваться с учётом функционального или прагматического аспектов [Там же].

Рассматривая эти категории ошибок более детально, К. Норд отмечает, что в большинстве случаев для решения прагматических проблем вполне достаточно руководствоваться соображениями здравого смысла, но только при условии, что переводчик в состоянии увидеть и понять эти проблемы. Последствия прагматических ошибок являются весьма серьезными, так как получатели перевода

могут даже не подозревать о том, что им предоставлена неверная или искажённая информация. Обнаружить ошибки такого рода возможно только при сравнении исходного и переводного текстов, и такой анализ требует специальной подготовки, равно как и переводческой компетентности.

Что касается культурологических и языковых ошибок, то степень их критичности зависит от того, какое влияние они оказывают на функцию переводного текста. Если результатом пропущенной запятой или орфографической ошибки является сбой на уровне референциальной функции, то такую ошибку нельзя рассматривать исключительно как нарушение языковой нормы. Но если целью задания на перевод является проверка уровня владения иностранным языком, то в данном случае языковые ошибки будут иметь больший вес, чем культурологические ошибки. Если же задача перевода заключается в том, чтобы проверить культурную компетенцию, то культурологические ошибки могут рассматриваться как более серьёзные по сравнению с прагматическими ошибками.

В настоящее время одним из направлений исследования переводческих ошибок, разрабатываемых европейскими учёными, является сопоставление результатов редактирования переводов, выполненных человеком (proof-reading и revision) и машиной (post-editing). Для решения этих задач, а также в целях автоматизации данных видов деятельности предлагаются достаточно подробные типологии и номенклатуры переводческих ошибок на материале конкретных пар языков. В качестве примера рассмотрим типологию ошибок, разработанную коллективом авторов на материале языковой пары английский/датский для пилотного проекта по оценке качества письменного перевода [Daems, Macken, Vandepitte 2013]. Сопоставление переводов, выполненных человеком, с результатами постредактирования машинного перевода проводилось в два этапа. На первом этапе оценка перевода осуществлялась участниками проекта с позиций нормативности переводящего языка, и в этих целях текст перевода рассматривался без сопоставления с оригиналом, а на втором – с позиций адекватности и в сопоставлении с оригиналом. По мнению авторов, данная процедура позволяла участникам проекта избегать внутренних противоречий при оценке перевода.

Анализ эмпирического материала выполнялся участниками проекта с использованием достаточно подробной классификации ошибок, в которую они могли вносить необходимые изменения и дополнения. Помимо этого, в отличие от существующих методов ОКП и, в частности, методов расчёта индекса качества перевода, решение относительно веса ошибок принималось самими участниками. Основанием для такого решения являлось влияние ошибки на удобочитаемость и понимание текста перевода (*readability and comprehension*).

По мнению авторов, данный подход облегчает адаптацию к требованиям заказчика и учёт веса ошибок, определяемого заказчиком или получателем, что даёт возможность его использования для разных видов оценки, анализа и сравнения переводов. Однако достаточно спорной и уязвимой позицией является принцип присвоения веса ошибки, который определяется пользователем на интуитивной основе. В результате те затруднения, которые возникают у получателя перевода при восприятии текста, не эксплицируются. Остаётся также открытым и вопрос о шкале, с которой соотносится количество баллов: создаётся впечатление, что верхнего предела нет, или же он в данном случае не указан. Однако, по мнению авторов, именно этот принцип оказывается наиболее полезным для определения и квалификации различий между машинным и человеческим переводами и оценкой их качества.

Для оценки *нормативности* переводов в рамках данного проекта использовались такие категории, как *grammar and syntax, lexicon, spelling and typos, style and register, and coherence*. Так, под *grammar and syntax* имеются в виду ошибки в использовании артикля, степени сравнения прилагательных, форм единственного и множественного числа, видовременных форм глагола и референциального значения слова; нарушение правил согласования артикля и существительного, существительного и прилагательного, подлежащего и сказуемого; в эту же категорию включены пропуск, порядок слов и структура текста (*article, comparative-superlative, singular-plural, verb-form, article-noun-agreement, noun-adjective agreement, subject-verb agreement, reference, missing, word-order, structure, grammar – other*). Категория *lexicon* включает неправильное употребление

предлогов, ошибки в сочетаемости слов и использование несуществующих слов (wrong preposition, wrong collocation, word non-existent). Категория spelling and typos представлена следующим образом: использование заглавной буквы, орфография, написание составных и сложных слов, пунктуация, опечатки (capitalization, spelling mistake, compound, punctuation, typos).

На наш взгляд, в номенклатурах ошибок по остальным категориям наблюдается отождествление понятий *переводческая ошибка* и *переводческая проблема*. Так, категория *стиль и регистр* объединяет очень частные и очень общие позиции: регистр, повтор, использование слов-паразитов, короткие предложения, длинные предложения, тип текста, другие ошибки стиля (register, untranslated, repetition, disfluent, short sentences, long sentences, text type, style – other). Категория *когерентность* включает ошибки в использовании союзов, пропуск информации, логику, разбиение на абзацы, противоречивость и другие нарушения когерентности (conjunction, missing info, logical problem, paragraph, inconsistency, coherence – other). Повторим, что во всех указанных категориях перечень ошибок является открытым.

Оценка адекватности перевода осуществлялась участниками эксперимента на основе выявления сбоев в тексте перевода, подпадающих под категорию meaning shift, которая включает contradiction, word-sense disambiguation, hyponymy, terminology, quantity, time, meaning shift caused by punctuation, meaning shift caused by misplaced word, deletion, addition, explicitation, coherence, meaning shift – other. Таким образом, речь идёт о смысловых нарушениях, возникающих по самым разнородным причинам: от сбоев на грамматическом, лексико-фразеологическом уровнях текста и уровне его технического оформления до неудачного переводческого решения.

Данная типология, выстроенная как классификатор ошибок, вызывает безусловный интерес. Несмотря на то, что она разработана на материале языковой пары датский/английский, многие из выделенных ошибок узнаваемы и в переводах с английского на русский. Это свидетельствует о том, что носители различных языков делают аналогичные ошибки при переводе с иностранного языка на родной.

Примечательно, что схожая ситуация наблюдается и при изучении иностранных языков, что говорит о том, что многие языковые ошибки не могут быть объяснены исключительно особенностями структуры и типа их родного языка [Шевнин 2005]. Учитывая быстро развивающийся нейросетевой подход к разработке систем машинного перевода и автоматизированных систем оценки качества перевода, перспективность сопоставительного изучения результатов человеческого и отредактированного машинного перевода вполне очевидна.

Рассмотренные в данном разделе типологии и классификатор переводческих ошибок разработаны на разных принципах, что, на наш взгляд, связано со спецификой той сферы переводческой деятельности, которая послужила источником материала, а также конкретными целями и задачами исследования. В классических работах по переводоведению, выполненных в теоретическом ключе, интерес к переводческим ошибкам зачастую связан с изучением проблем асимметрии языковых систем, анализом причин и характера девиатов и т.п. Исследования прикладного характера, как правило, ориентированы на оптимизацию оценки переводов в дидактических или узкопрофессиональных целях. Поэтому создание универсальной типологии, одинаково успешно работающей во всех случаях, предполагает достаточно высокую степень обобщения. Отсюда возникает необходимость в разработке типологий, ориентированных на решение конкретных прикладных задач. По нашему мнению, практическая полезность той или иной типологии или классификатора, а в широком смысле и подхода к проблеме напрямую связана с целью оценки перевода в конкретной сфере переводческой деятельности. Основной источник потенциального и реального конфликта взглядов переводчика и оценивающей стороны заключается в попытке применить типологию, разработанную, например, в чисто академической сфере для оценки результатов учебного или индустриального перевода. С другой стороны, здесь всегда будут иметь место и некоторые достаточно универсальные принципы, к которым относятся содержание текста, качество переводящего языка и презентация результатов перевода.

4.3. Переводческие ошибки как параметры оценки учебного перевода

Отличительной особенностью оценки перевода в учебной сфере (в отличие от сферы индустриальной или научно-исследовательской) является то, что преподаватель оценивает переводы студентов с *дидактической целью*, которая не сводится исключительно к итоговому контролю. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в учебной сфере перевод как коммуникативная деятельность имеет имитационный характер. Поэтому коммуникативная ситуация перевода моделируется на занятии преподавателем совместно со студентами для того, чтобы преподаватель мог последовательно выстраивать оценочные критерии, а студенты – видеть взаимосвязь между целью, стратегией и конечным результатом перевода. Что касается оценочной деятельности преподавателя, то она вполне реальна, и поэтому процедуру и результаты оценки необходимо изучать с целью выявления её сильных и слабых сторон и последующей оптимизации [Gile 1992], [Klaudy 1995], [Toudic 2014], [Княжева 2017, с.172-176; Княжева 2024, с. 48-55].

Опираясь на нашу общую модель оценочной деятельности, модель оценки качества учебного перевода можно представить следующим образом:

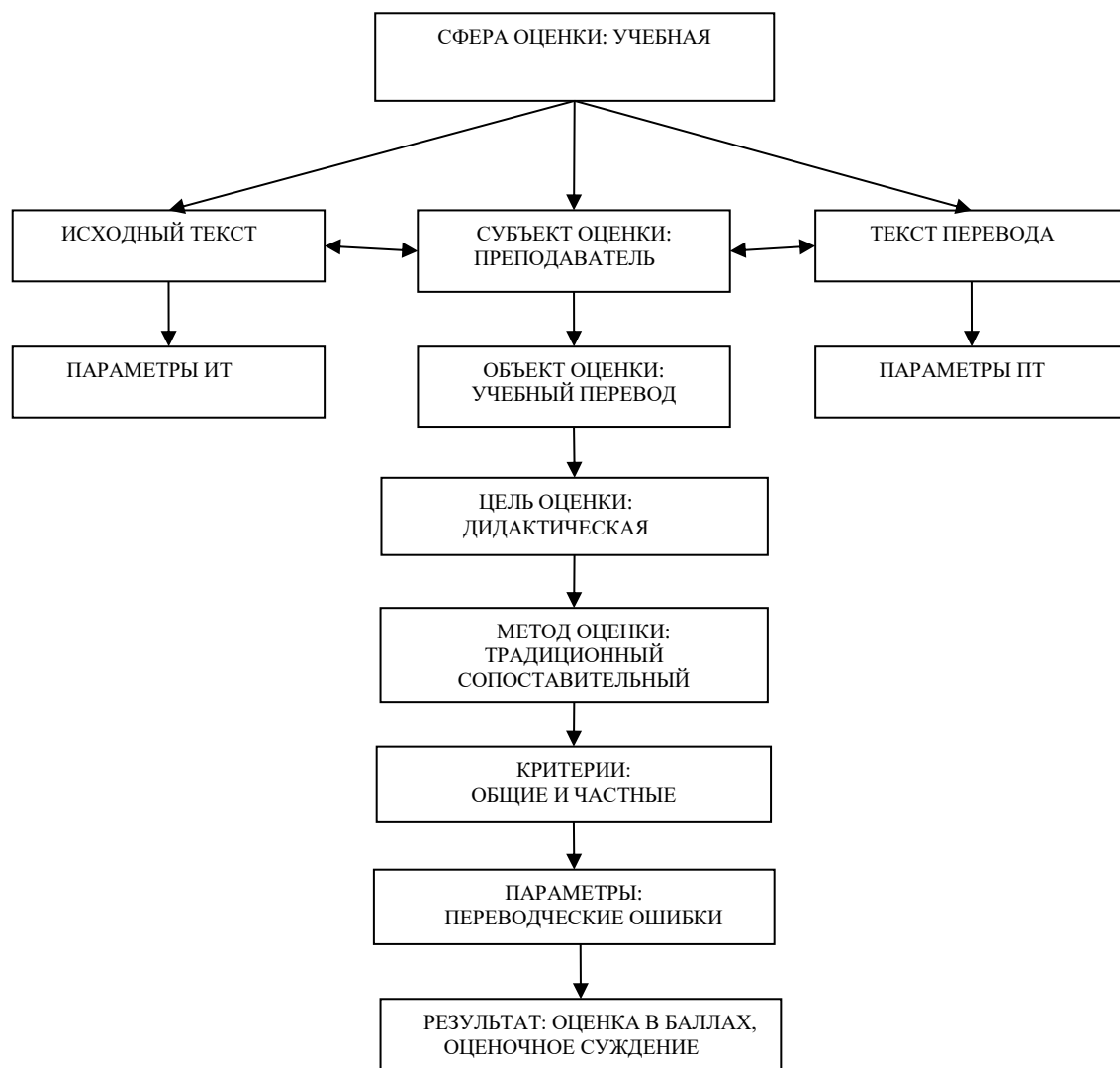

Рис. 4. 1. Модель оценки качества учебного перевода.

В учебной сфере перевода оценка является неотъемлемой составляющей самого процесса обучения, т.е. формирования необходимых компетенций. На каждом этапе и в каждом конкретном случае *цель оценки* варьируется. Помимо контролирующей, она может быть диагностической, ориентирующей, мотивационной и т.д. *Диагностическая* оценка, как правило, имеет место «на входе», т.е. в начале курса, при переходе к новой теме или новому уровню обучения. Оценка также может осуществляться с целью анализа конкретных переводческих проблем или изучения требований к переводу.

Оценка с целью текущего контроля, которая осуществляется постоянно в течение семестра, представляет собой критический анализ перевода, основанный на общих критериях качества перевода – содержательных, языковых и презентационных. Однако в зависимости от цели перевода, сформулированной в переводческом задании, и жанрово-стилевого характера исходного материала также учитывается приоритетность частных критериев. В зависимости от конкретной ситуации на занятии по письменному переводу акцент может быть сделан либо на соответствии / несоответствии перевода его функциональному назначению, либо на соответствии перевода отдельным критериям, таким как воспроизведение логических связей текста или передача субъективной модальности, соответствие норме и узусу переводящего языка и т.д. На занятии по устному переводу внимание может быть сосредоточено на полноте воспроизведения исходного содержания, необходимой для данной коммуникативной ситуации, на корректности передачи релевантной прецизионной информации или же на умении переводчика контролировать просодические параметры речи (громкость, темп, интонацию, паузы), например, в моделируемой на занятии ситуации конференц-перевода. Однако оценка результатов перевода базируется на всём комплексе критериев, соответствие которым обеспечивает достаточное для моделируемой коммуникативной ситуации качество перевода.

Оценка с целью *итогового контроля* традиционно осуществляется в ходе промежуточной аттестации и итогового экзамена. И в данном случае часто возникает проблема разграничения оценки собственно результата перевода и оценки личных качеств студента. Учитывая, что экзаменационная оценка является оценкой за семестр, отметим, что такой подход не свободен от некоторой несправедливости. Практика показывает, что у хорошо успевающего студента может произойти сбой по каким-то внешним причинам (правда, такие случаи единичны), и наоборот, студент, не работавший должным образом в течение семестра, получает на экзамене высокий результат, явно не соответствующий его реальному уровню, и в ситуации письменного перевода у преподавателя нет возможности доказать, что данная работа была выполнена не самостоятельно.

Тогда, чтобы в какой-то степени упростить принятие решения, преподаватели могут повысить или понизить оценку в зависимости от посещаемости и успеваемости студента в течение семестра. В результате справедливость торжествует, но при этом размывается граница между оценкой перевода как результата и оценкой личных качеств исполнителя: очевидно, что хорошая посещаемость не может отождествляться с качеством конкретной итоговой работы. И поскольку в подобных случаях вряд ли возможен идеальный вариант решения проблемы, в какой-то мере спасает положение последовательное соблюдение правил, одинаковых для всех, причём об этих правилах необходимо проинформировать студентов заранее. Однако при любом подходе мы считаем необходимым донести до студента, как оценивается его работа как таковая, т.е. прежде всего как результат.

Субъектами оценки учебного перевода являются преподаватели и, в зависимости от конкретной учебной ситуации, сами студенты. По сложившейся традиции главным субъектом оценки является преподаватель, который сопоставляет перевод с исходным текстом на основе конкретных оценочных критериев. Отбор критериев осуществляется с учётом таких факторов, как цель оценки, параметры исходного текста и параметры текста перевода, что иллюстрируют блок-схемы, представленные ниже. На Рис. 4.2 и 4.3 указаны релевантные параметры исходного и переводного текстов, на которые ориентируется преподаватель в ходе проверки перевода и выставления оценки.

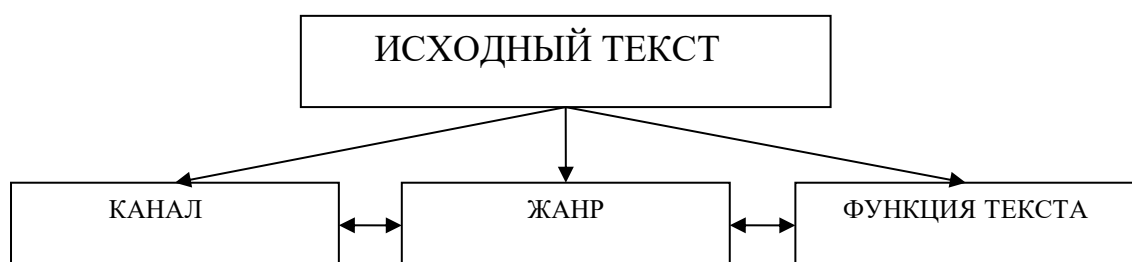

Рис. 4.2. Параметры исходного текста

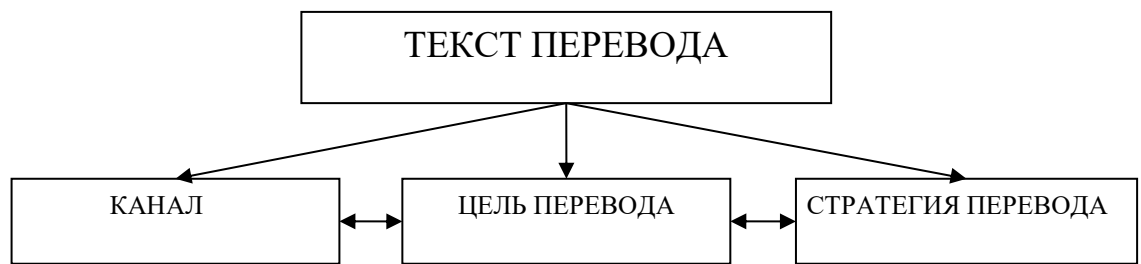

Рис. 4.3. Параметры текста перевода

К параметрам как исходного, так и переводного текста относится *канал коммуникации*, под которым понимается устная или письменная речь и, соответственно, устный или письменный перевод. Исходя из специфики канала коммуникации требования к полноте передачи содержания, воспроизведения жанрово-стилистических характеристик, нормативности и узуальности переводческой речи могут варьироваться. Например, требования к качеству переводящего языка для полного письменного перевода намного выше, чем для перевода с листа. Несмотря на то, что различия между устной и письменной речью очевидны, в этой связи хотелось бы упомянуть об одной из типичных ошибок преподавателей при отборе исходного материала для устного перевода. В частности, мы имеем в виду весьма распространённую ситуацию, когда на экзамен по устному переводу даётся текст, представляющий собой письменную коммуникацию, т.е. рассчитанный изначально на визуальное восприятие. В результате студенты испытывают значительные трудности, в том числе и психологические, не говоря уже о том, что это не имеет ничего общего с реальной коммуникацией с использованием перевода и по этой причине вообще лишено всякого смысла.

Другим не менее важным параметром является *функция текста*, то есть то, для чего, собственно, и создаётся исходный текст, и для решения каких задач создаётся текст перевода. Но если функция исходного текста изначально задана его автором, то функция текста перевода в учебной сфере опять-таки обусловлена не

реальной коммуникативной ситуацией и не требованиями заказчика (как это имеет место в индустриальном переводе), а моделируется преподавателем, который является и инициатором, и конечным получателем перевода. Именно поэтому так важно сформулировать переводческое задание, дающее максимально полное представление о цели перевода. Это тот ориентир, который позволяет переводчику (в данном случае, студенту) осуществить выбор общей стратегии и принимать более обоснованные и адекватные переводческие решения, особенно в спорных и неоднозначных случаях. Например, выбор конкретного способа перевода метафоры зависит, в том числе, и от цели перевода, которая ориентирует переводчика либо на чисто информационную составляющую, либо на сохранение образной стилистики, либо на передачу индивидуального авторского стиля, либо на привычные ассоциации получателя перевода и т.д.

Одна из возможных целей перевода, которая может быть поставлена перед студентами, заключается в создании текста для публикации аналогичного предназначения (хотя в действительности учебные переводы не используются таким образом). Это означает, что результатом перевода должен быть функциональный аналог исходного текста, потенциальным получателем которого является не реальная, а воображаемая аудитория, характеристики которой (возраст, образование, общий кругозор, интересы) в целом совпадают с исходной. Но если на младших курсах цель формулируется преподавателем в задании на перевод с последующим обсуждением переводческой стратегии, то на старших курсах цель перевода может формулироваться студентами самостоятельно на основе анализа исходного текста и моделирования коммуникативной ситуации перевода.

Необходимо подчеркнуть, что представление о цели перевода не только помогает преподавателю в отборе оценочных критериев, но и способствует принятию более конструктивных решений в процессе оценивания. Так, если в переводческом задании указано, что перевод научной статьи осуществляется с целью её публикации, то наиболее важными критериями являются полнота и точность содержания, корректность и последовательность использования отраслевой терминологии, нормативность и узуальность переводящего языка,

жанрово-стилистические характеристики, свойственные данному типу текста, а также требования по оформлению. При переводе популярной литературы вводится такой критерий, как доступность изложения, в принципе нерелевантный для предыдущего случая. При переводе документов физических и юридических лиц приоритетным является соответствие текста перевода конвенциям принимающей культуры, а при переводе материалов маркетингового характера одним из наиболее важных критериев является естественность дискурса, обеспечиваемая узуальными средствами переводящего языка. Таким образом, учёт вышеперечисленных факторов позволяет не только более эффективно осуществлять отбор оценочных критериев в соответствии с учебными задачами, но и выстраивать их по принципу приоритетности. Выше мы уже отмечали, что в связи с огромным разнообразием тематик и жанров текстового материала, а также очевидным влиянием субъективного фактора вопрос об универсальных оценочных критериях является достаточно дискуссионным. Однако если критерии формулируются в определённой системе координат, в качестве которой может быть использована наша общая модель оценки качества перевода, то, как показало наше исследование с использованием методологии системного анализа, эти расхождения оказываются весьма незначительными. (Данный материал представлен в Главе 3 настоящего исследования).

Что касается формата оценки учебного перевода, то, помимо традиционной оценки в баллах, это может быть оценочное суждение в устной форме или же более подробный комментарий. Выбор формата зависит от преподавателя и определяется этапом обучения и целью оценки. При комментировании учебного перевода на этапе текущего контроля хотелось бы также обратить внимание на соблюдение баланса между негативными и позитивными оценочными суждениями и комментариями. Мы глубоко убеждены в том, что помимо ошибок необходимо также отмечать и удачные переводческие решения.

4.4. Анализ ошибок на материале учебных переводов

Исходя из представленных выше рассуждений, прежде всего необходимо определить критерии оценки, несоответствия которым будут рассматриваться как факторы, снижающие его качество. С этой целью необходимо конкретизировать содержание общих критериев с учётом тех ограничений, которые накладываются каналом коммуникации, целью перевода и жанровой спецификой исходного материала. Уточним, что на занятиях по письменному переводу мы используем материал информативных текстов, к которым относятся научная, учебная и научно-популярная литература, а также публицистика, представленная в текстах СМИ. При этих условиях классическая дихотомия смысл / форма получает следующее наполнение. Уровень смыслового содержания текста включает такие составляющие, как предметная ситуация, логическая организация высказывания и позиция автора исходного текста, выраженная эксплицитно. Уровень формы объединяет нормативность и узуальность языковых средств ПЯ и требования по оформлению текста. Несоответствия и нарушения, обнаруженные на данных уровнях, квалифицируются как ошибки, однако при этом следует принимать во внимание, что в каждом конкретном случае анализ ошибок сопряжён с решением целого ряда вопросов. Например, орфографические или пунктуационные ошибки, как правило, относятся к нарушению соответствующих языковых норм. С другой стороны, подобные ошибки могут затрагивать и уровень содержания текста и затруднять его восприятие. Кроме того, не всегда очевидно, является тот или иной случай ошибкой интерференции или же ошибкой носителя языка.

Поэтому при оценке учебного перевода важно определить характер ошибки, а также проанализировать её причину, поскольку эти позиции взаимосвязаны. Как известно, на качество результата перевода влияет ряд системных и несистемных факторов. К системным факторам мы относим степень сформированности переводческих компетенций, включающих знание исходного и переводящего языков, наличие фоновых знаний в конкретной предметной области и владение технологией перевода. К несистемным, как уже было отмечено ранее, состояние

переводчика, вызванное усталостью, стрессом или неблагоприятными условиями выполнения перевода.

Рассмотрим с этих позиций такую распространённую ошибку смыслового содержания, как необоснованный *пропуск информации*. Одной из типичных системных причин пропуска является непонимание текста или его фрагмента в связи с недостаточной компетенцией в исходном языке или отсутствия когнитивной базы в конкретной предметной области. Другой системной причиной является недостаточно сформированная технологическая компетенция: студент ошибочно относит какую-либо информацию к категории нерелевантной или избыточной и, как правило, настаивает на том, что «всё уже и так понятно». При этом студент не отдаёт себе отчёта в том, что «всё понятно», прежде всего, тому, кто владеет информацией исходного текста в полном объёме. Однако пропуск может также иметь место в результате невнимательности, усталости или небрежности, и в этом случае данная ошибка может быть квалифицирована как несистемная, т.е. случайная. В неоднозначных случаях определить характер ошибки помогает следующая процедура: если при указании на пропуск студент без затруднений исправляет ошибку, то её можно отнести к несистемным. Что касается системных ошибок, то, как показывает практика, студент не в состоянии исправить их самостоятельно.

Хотелось бы также отметить, что ошибки одного и того же типа могут быть не одинаково критичны для разных текстов или их фрагментов, поэтому, на наш взгляд, необходимой составляющей анализа ошибок в ситуации учебного перевода является «анализ последствий», т.е. определение степени критичности конкретной ошибки для конкретного текста.

Теперь обратимся к анализу ошибок на материале студенческих переводов. Начнём с ошибок на уровне смыслового содержания, которое, как уже было указано выше, может быть представлено такими частными критериями, как предметная ситуация, логическая организация высказывания и эксплицитно выраженная позиция автора ИТ. Рассмотрим следующий пример. **ПТ:** «...добавив, что в Китае, для борьбы с дефицитом в некоторых районах страны зелёный чай,

согласно нанотехнологии, *обогащали особой разновидностью селена*». ИТ: *“In China, he added, nano forms of selenium have been used to enrich green tea to combat deficiencies in some parts of the country”*. Нарушения при описании предметной (или денотативной) ситуации во многих случаях являются результатом того, что на этапе ознакомления с оригиналом исходный текст или фрагмент текста был переводчиком не понят, т.е. у студента отсутствует версия содержания как таковая. Исходный текст также мог быть понят «по-своему», т.е. сформированная в процессе восприятия текста версия или «картинка» не соответствует исходной. В данном примере речь идёт об обогащении зелёного чая наноселеном, что связано с недостатком этого микроэлемента в некоторых районах Китая. Однако в тексте перевода речь идёт о борьбе с неким абстрактным *дефицитом*, что не связано логически с последующей частью высказывания. Ошибки такого рода переводчик совершает как получатель исходного текста, и в их основе лежит недостаточная языковая компетенция (в данном случае это игнорирование формы множественного числа слова *deficiencies*) и недостаточные для понимания предметной ситуации фоновые знания, поэтому мы относим эту ошибку к ошибкам компетенции. Типичными последствиями ошибок на уровне искажения предметной ситуации являются либо *абсурдное*, либо *иное*, либо *непонятное* содержание текста, что позволяет квалифицировать их как критические.

Рассмотрим следующий случай. ИТ: *Разные виды и поселения перебираются на новые места, устраиваются там и умирают в разном возрасте и разных количествах*. ИТ: *Different species and populations migrate, establish and become extinct at different rates*. Это достаточно яркий пример содержательного искажения, обусловленного целым комплексом причин. Испытывая трудности с пониманием исходного текста, студенты, как показывает наш опыт работы, зачастую используют наивную переводческую технологию, пытаясь идти от значения слова. При этом по самым разным причинам субъективного характера слову приписывается либо значение, не соответствующее его семантике, либо – в случае употребления многозначного слова – используется так называемое привычное значение, но не то, которое реализуется в данном

контексте, либо – как это происходит в данном случае – игнорируется форма множественного числа. Обнаружив, что выбранное лексическое соответствие противоречит содержанию остального фрагмента или же текста в целом, студент вместо того, чтобы снова обратиться к исходному тексту, совершает прямо противоположное действие: «подгоняет» содержание текста перевода под свою версию. Допущенная в данном случае лексическая ошибка – **populations** – **поселения** – получает дальнейшее развитие – **в разном возрасте и разных количествах** (cf: at different rates) – приводят к тому, что содержание текста приобретает абсурдный характер. Данная ошибка является критической и относится к системному уровню.

Отметим, что абсурдность содержания – это *явный* признак искажения предметной ситуации, что, как правило, обнаруживается и без сопоставления перевода с оригиналом. Гораздо менее очевидным для самого переводчика и совершенно не очевидным для получателя перевода является искажение, последствием которого является не абсурдное, а *иное* содержание. В следующем примере переводчик выстраивает свою собственную логическую цепочку, в правильности которой он уверен, и которая оказывается прямо противоположной логике автора. **ПТ:** *Замена гидроэлектроэнергии ископаемыми видами топлива уменьшит выброс парниковых газов в атмосферу.* **ИТ:** *It was assumed that hydropower, by substituting for burning fossil fuels, would reduce emissions of greenhouse gases.* Переводческие действия подобного характера, как правило, обусловлены целым комплексом причин. Данная ошибка может быть связана с вполне очевидной грамматической проблемой перевода (герундиальный оборот *by substituting for burning fossil fuels*). С другой стороны, такое решение могло быть принято в результате обращения к макро-контексту: в следующем абзаце говорится о том, что большие водохранилища также могут быть источником парниковых газов. Однако данное предложение относится к тому фрагменту текста, в котором представлены именно традиционные взгляды, согласно которым гидроэнергетика экологически безопаснее, чем электростанции, работающие на органическом

топливе. В любом случае, это говорит о необходимости более тщательного анализа текста в целом.

Иная предметно-логическая ситуация достаточно часто возникает в результате некорректного использования дискурсивных маркеров, не соответствующих исходному тексту, например: **ПТ:** «Диалект *отнюдь* не рассматривается, как разновидность языка, *необходимая* для преподавания. Преподавание языков *в основном* подразумевает наличие идеального диалекта для его преподавания. Диалекты называются диалектами *не только* исходя из лингвистических соображений, но и по политическим и социальным причинам». **ИТ:** *Dialect is not an important type of language variation for teaching. All language teaching, however, at least implies an assumption about the best dialect to teach. Dialects are dialects not because of linguistic reasons but because of the political and cultural reasons.* Как показывает практика, для многих студентов характерно облегчённое восприятие последствий замены или введения функционально иных дискурсивных маркеров. Зачастую это рассматривается ими как «приём добавления», применяемый для того, чтобы «сказать покрасивее»; в результате подобных переводческих действий суждение автора предстаёт в искажённом виде. Однако в подобных ситуациях студент нередко бывает абсолютно уверен в правильности своего перевода. Во многом аналогичная картина наблюдается и в случаях возникновения *абсурдного* содержания в переводном тексте: для преподавателя перевода абсурдность очевидна, для студента, выполнившего перевод, – далеко не всегда.

Как уже было упомянуто выше, одним из частных критериев, относящихся к смысловому содержанию информативного текста, является *позиция автора оригинала* по отношению к предмету речи, которая выражается с помощью самых разнообразных средств субъективной модальности. Здесь могут быть задействованы единицы практически всех уровней языковой системы – грамматики, лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля. Воспроизведение позиции автора при переводе неразрывно связано с передачей прагматики текста, и это сложная задача, требующая тщательного сопоставительного анализа исходного

материала и результата перевода на этапе саморедактирования. Следующий пример иллюстрирует на первый взгляд креативный, но, по сути, весьма непродуманный вариант перевода: **ПТ:** *Дети – отдельно, оружие – отдельно.* **ИТ:** *Separating Kids and Guns.* В данном случае заголовок публицистической статьи, посвящённой проблеме драматических последствий неосторожного обращения детей с оружием, превращается в аллюзию известного в принимающей культуре прецедентного высказывания «мухи – отдельно, котлеты – отдельно». В результате подобной «трансформации» в тексте перевода возникает неуместный комический эффект, противоречащий общей серьёзной тональности текста.

К переводческим ошибкам формы относятся нарушения нормы и узуса переводящего языка. Соответственно, в контексте учебной ситуации важны такие частные критерии, как лексическая сочетаемость, грамматические, стилистические, орфографические, пунктуационные нормы ПЯ и оформление текста перевода. Понятно, что в данном перечне критериев не только возможны, но и необходимы уточнения применительно к конкретной учебной задаче. Следует также учитывать, что ошибки формы далеко не всегда могут быть квалифицированы как, например, чисто лексические или чисто грамматические, поскольку их последствия часто затрагивают уровень смыслового содержания. Достаточно распространёнными переводческими ошибками формы являются *нарушения норм лексической сочетаемости* в ПЯ, связанные как с языковыми, так и технологическими компетенциями. К первым относится уровень владения ПЯ, ко вторым – умение определять единицу перевода и выполнять необходимые переводческие преобразования. Ошибки в лексической сочетаемости приводят к последствиям различного характера, как формального, так и содержательного. Следующий пример иллюстрирует лексико-семантическую несовместимость компонентов словосочетания ПЯ, возникающую в результате буквального перевода. **ПТ:** *Грамматический строй, произношение и лексический запас диалекта отличаются от литературной нормы языка, которая, в свою очередь, тоже является диалектом, но таким, которое общество признало правильным.* **ИТ:** *It differs in grammar, **pronunciation and vocabulary** from the standard language,*

which is in itself a socially favored dialect. К подобным ошибкам часто приводит калькирование лексических единиц ИТ без учёта комбинаторных особенностей лексем в ПЯ. В данном случае игнорируется сочетаемость одушевлённых и неодушевлённых существительных: как известно, в русском языке, в отличие от английского, одушевлённость / неодушевлённость является фактором, ограничивающим комбинаторные возможности слова. По этой причине «лексический запас» и «произношение» могут относиться исключительно к одушевлённому субъекту. Данная ошибка имеет системный характер, а её последствием является нарушение узуса ПЯ.

Одна из серьёзных причин ошибок в лексической сочетаемости ПЯ связана с уровнем культуры речи самого переводчика. Например: **ПТ:** *Существует распространённое мнение, что как минимум 1/10 всех американцев в некоторой степени безграмотно владеют английским языком.* **ИТ:** *There seems to be general agreement that at least one tenth of all Americans are **functionally illiterate** in English to some degree.* Здесь важно обратить внимание на то, что лексико-семантическая несовместимость компонентов выделенного словосочетания, сближающая его с оксюмороном, в данном случае рассматривается, скорее, как стилистический дефект. Это также ошибка системного характера, в противном случае, она была бы исправлена студентом на этапе саморедактирования.

Следующий пример интересен тем, что в рамках данного предложения последствием ошибки в лексической сочетаемости является нарушение узуса, однако на уровне текста эта ошибка приводит к неясности смыслового содержания. **ПТ:** *Аргументы автора и результаты исследований, приведённые в книге, имеют **широкое значение**, а также неоспоримую важность не только для Великобритании.* **ИТ:** *The arguments and the findings are of much wider relevance and of pressing importance too.* Выше мы уже отмечали, что лексическая сочетаемость в информативных текстах во многом обусловлена специальной сферой: так, «широкое значение» — это сочетаемость возможная, но ограниченная лингвистическим контекстом, например, *широкое значение слова*. В данном случае студент этого не учёл, а также, по всей видимости, не обратил внимания и на форму

сравнительной степени прилагательного *wider* в исходном тексте. Но главная проблема заключается в том, что студент не воспринимал текст как единое коммуникативное и семантическое целое: ведь в предыдущем предложении говорится о том, что, хотя книга и написана на материале Великобритании, результаты данного исследования справедливы и по отношению к другим европейским странам.

В каком-то смысле похожая картина наблюдается в процессе анализа *грамматических ошибок* студентов, основные причины которых также усматриваются нами в несформированности языковых и технологических компетенций. Следующий пример иллюстрирует весьма распространённую ошибку в предложно-падежной связи ПЯ: **ПТ:** *Все чаще те, кто не в состоянии получить диплом, или, в некоторых случаях, диплом от хорошего университета, оказываются в столь же ужасном положении.* **ИТ:** *Increasingly, those who fail to get a degree, or in some cases a degree from a good university, are sorted in a similarly brutal way.* Ошибки такого рода, возникающие как результат буквального и пословного перевода, должны исправляться в процессе саморедактирования. При этом, как показывает практика, их выявление и успешность коррекции во многом зависит от уровня владения ПЯ и речевой культуры переводчика.

Следующий пример также демонстрирует неудачную в языковом отношении попытку студента передать смысл исходного предложения. **ПТ:** *На самом деле в настоящее время образование играет важную роль, чем когда-либо прежде.* **ИТ:** *Indeed it matters **more than** ever before.* Ошибка, допущенная в форме сравнительной степени прилагательного в ПЯ, безусловно, сказывается и на структуре данного предложения, которая не соответствует синтаксической норме ПЯ. Однако более серьёзным последствием нарушения грамматической нормы ПЯ может быть проблема с восприятием смыслового содержания текста, например: **ПТ:** *74-летний миллиардер, избегающий интервью и редко появляющийся на публике, и даже однажды уклонившийся от встречи с испанским наследным принцем, просто послал короткую записку 98000 сотрудников о том, что он скоро попросит вице-президента и генерального директора компании «Индитекс» Пабло Ислу занять*

его место у руля текстильной компании, которая обеспечила стремящихся одеваться стильно людей доступной одеждой. **ИТ:** The 74-year-old billionaire – who shuns interviews, rarely appears in public and once even dodged a meeting with the Spanish crown prince – simply sent **a brief note to his 98,000 employees** stating that he would soon ask Inditex vice-president and CEO Pablo Isla to take his place at the helm of the textile empire that brought affordable copies to the style-craving masses. Если в исходном тексте числительное 98,000 воспринимается однозначно, то в тексте перевода корректность передачи содержания зависит от падежного согласования: Ср.: *записку девяносто восьми **тысяч** сотрудников /записку девяносто восьми **тысячам** сотрудников.*

Основными причинами *стилистических ошибок* в учебном переводе, как и в предыдущих случаях, являются буквальный и пословный перевод. Ошибки такого рода часто относят к категории незначительных на том основании, что они не затрагивают уровень содержания текста. Однако это не относится к переводу художественного текста, или же текста публицистического, когда перед переводчиком ставится задача воспроизведения индивидуального стиля автора.

К наиболее частотным стилистическим ошибкам, не искажающим предметно-логическое содержание исходного текста, относится немотивированный лексический повтор. Такие ошибки часто совершаются под влиянием английского языка, в котором эти повторы не являются нарушением стилистической нормы, на что в своё время указывал Я. И. Рецкер. **ПТ:** *Но по оценкам учёных потребуются ещё 50 лет, чтобы **уровень** хлора вернулся на естественный **уровень**.* **ИТ:** *But scientists estimate it will take another 50 years for **chlorine levels** to return to their **natural levels**.* Однако в следующем примере причина тавтологии связана уже не с буквализмом, а с языковой компетенцией в ПЯ. **ПТ:** *Озоновый слой – это природного происхождения образование в виде пояса, который состоит из озонового газа, расположенный на высоте от 9.3 до 18.6 миль (15 км до 30 км) над Землёй, и служит **защитным щитом** от вредной ультрафиолетовой радиации спектра В, излучаемой солнцем.* **ИТ:** *The ozone layer is a belt of naturally occurring ozone gas that sits 9.3 to 18.6 miles (15 to 30 kilometers)*

above Earth and serves as **a shield** from the harmful ultraviolet B radiation emitted by the sun.

Достаточно распространёнными стилистическими ошибками в текстах учебных переводов является неуместное использование речевых оборотов, нарушающих единство стиля текста. При анализе подобных ошибок необходимо учитывать жанр и стиль текста, допускающие или ограничивающие использование данных единиц. **ПТ:** *Когда в Южном полушарии наступают весна и лето и солнце светит большую часть дня, хлор вступает в реакцию с ультрафиолетовыми лучами, в массовом порядке разрушая озон до 65 процентов.* **ИТ:** *In the southern spring and summer, when the sun shines for long periods of the day, chlorine reacts with ultraviolet rays, destroying ozone **on a massive scale**, up to 65 percent.* В данном случае употребление в тексте перевода выражения *в массовом порядке* не мотивировано ни предметной ситуацией, ни стилистикой текста. Это также подтверждает материал, представленный в национальном корпусе русского языка (НКРЯ), согласно которому данное выражение характерно для формального стиля, в то время как в публицистических текстах оно может использоваться как средство создания иронической тональности.

Одним из достаточно распространённых стилистических дефектов является немотивированное многословие, также придающее тексту черты канцелярского стиля. **ПТ:** *Это можно было бы продемонстрировать на примере **наличия способности примерно понимать**, что написано в форме декларации по подоходному налогу или в печатных инструкциях, либо на примере умения правильно составлять письмо-жалобу или письменное заявление о приеме на работу.* **ИТ:** *This might be interpreted, for example, as **the relative ability to understand federal income-tax forms, or printed instructions, or how well someone can write a letter of complaint, or apply in writing for a job.*** Этот пример иллюстрирует речевую избыточность, которая проявляется в стилистически неоправданном для данного контекста употреблении слов. Такие ошибки имеют в основном системный характер, а их причина, как правило, состоит в неумении выразить мысль точно и

кратко, что опять-таки связано с недостаточно высокой речевой культурой переводчика.

Хотелось бы также обратить внимание на достаточно симптоматичную стилистическую ошибку современных студентов – использование элементов разговорной и даже неграмотной речи в письменном переводе. По всей видимости, здесь сказывается влияние коммуникации в социальных сетях. **ПТ:** *Однако, остается один вопрос, требующий ответа, особенно это относится к странам, в которых система образования (вплоть до университетов) финансируется правительством: какова же со всего этого выгода обществу?* **ИТ:** *But another question also needs to be answered, especially in the countries with education systems (up and including the universities) that are financed by the state: namely, **what are the returns for the society as a whole?*** С одной стороны, подобные ошибки, как правило, не затрагивают предметно-логическую информацию текста, с другой – существенно снижают качество переводящего языка и, как следствие, вызывают недоверие к переводу в целом.

Что касается *орфографических и пунктуационных ошибок*, а также и *ошибок в оформлении текста*, то их принято относить к категории технических. Несмотря на то, что в учебной сфере эти ошибки обычно считаются незначительными (в частности, на этапах текущей оценки), в дальнейшем это приводит к весьма серьёзным последствиям, ведь на самом деле речь идёт не о каких-то досадных мелочах, а о несоответствии перевода одному из основных общих критериев – презентационному. И если в ситуации устного перевода невнятная или интонационно неадекватная подача резко снижает восприятие любого, даже самого правильного перевода, то в ситуации письменного перевода эту критическую роль может сыграть элементарное отсутствие культуры оформления текста. Причинами наиболее типичных ошибок, характерных для учебного перевода, является игнорирование общих правил оформления в ПЯ и калькирование исходного формата. Первый случай абсолютно очевиден, поскольку отсутствие графического единообразия (поля, пробелы, шрифт, межстрочный интервал) относится к внешнему виду текста. Небрежно оформленный текст часто вызывает раздражение,

однако проблема заключается не только в чисто эмоциональной стороне, но ещё и в том, что эстетический фактор напрямую связан с характером восприятия текстовой информации. То же самое относится и к орфографическим и пунктуационным ошибкам, как системным, так и случайным, которые переводчик допускает как носитель ПЯ, особенно в случаях нарушения допустимых пределов. Однако студенты, как правило, не задумываются о далеко идущих последствиях. Приведём примеры, в которых нас будут интересовать именно орфография и пунктуация. (Эта оговорка делается в связи с тем, что в приведённых примерах также допущены ошибки, относящиеся к другим категориям). **ПТ:** *Microsoft также сотрудничает с интернет-компаниями **на подобии** Yahoo и других с целью установить личность отправителя электронного письма.* **ИТ:** *Microsoft is also working with internet firms AOL, Yahoo and EarthLink to verify the identity of the sender of an email message.* Подобные ошибки приводят к неясности содержания ПТ, но если для преподавателя перевода решение подобных головоломок является привычным и в силу этого воспринимается достаточно спокойно, а иногда и юмористически, то конечного получателя перевода подобные случаи могут только раздражать.

Второй случай – калькирование формата исходного текста – также имеет характерные внешние признаки, такие, как например, расширенный межстрочный интервал между абзацами, отсутствие знака красной строки, неправильное расположение заголовка текста. Что касается орфографических ошибок, возникающих по причине калькирования, то к наиболее характерным относятся нарушения правил написания слов с прописной и строчной буквы в ПЯ. В студенческих переводах часто наблюдается необоснованная капитализация слов в русском языке, т.е. нарушение орфографической нормы ПЯ. **ПТ:** *Традиционно, диалекты описываются как разновидности языка в соответствии с их пользователями. Например, Кокни, Джорди и Скауз являются наиболее известными диалектами, на которых говорят в Англии.* **ИТ:** *It is customary to describe them as varieties of a language according to users. Examples: Cockney, Geordie and Scouse are the prominent dialects spoken in England.* В исходном тексте

прописная буква используется в названиях диалектов, которые в русском языке пишутся со строчными буквами. В данном случае следует помнить о том, что подобные ошибки могут затрагивать эмоциональную составляющую содержания текста, поскольку капитализация слова является одним из средств выражения субъективной модальности (уважение, почитание, восхищение).

Похожая картина наблюдается и при нарушении правил пунктуации ПЯ при переводе. Пунктуационные ошибки также связаны с уровнем языковой компетенции в ПЯ и калькированием пунктуации ИТ. Помимо проблемы с запятыми, от неправильной расстановки вплоть до их полного отсутствия там, где они должны быть по правилам русского языка, нельзя не обратить внимания на распространённую тенденцию использования дефиса вместо тире. Ещё одной типичной пунктуационной ошибкой является использование дефиса через пробел в тех случаях, когда требуется дефис. **ПТ:** *В следующий раз, когда Вы будете просматривать свою электронную почту и увидите рекламу ипотечного кредитования, дешевых часов фирмы «Rolex» или сомнительных **бизнес - предложений** из стран Африки, подумайте о Билл Гейтсе.* Студенты обычно объясняют подобные ошибки неудовлетворительной работой программы, но в таких случаях правка должна осуществляться вручную.

Ещё одним типичным примером калькирования знаков препинания является использование кавычек, не соответствующих правилам ПЯ. В студенческих переводах, выполняемых с английского языка на русский, часто наблюдается использование двойных английских кавычек "...", что недопустимо в русском тексте, или же английских одинарных '...', использование которых в русском языке ограничено. Последствия пунктуационных ошибок также могут затрагивать и уровень фактической информации текста, например, ошибки в записи многоразрядных числительных и десятичных дробей: так, английское число 250,135,546 соответствует русскому 250 135 546; английское число 6.27 соответствует русскому 6,27. Несмотря на то, что в настоящее время калькирование английского способа записи десятичных дробей уже не так критично для

понимания текста, отметим, что многие издательства по-прежнему требуют традиционного оформления публикаций по ГОСТу.

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что внимание к подобным «мелочам» свидетельствует о сформированности таких профессиональных компетенций студентов, как умение вычитывать и редактировать текст. Повышение качества студенческих переводов не происходит само по себе, и огромную роль здесь играет объективная и конструктивная оценка преподавателя. Что касается собственно анализа ошибок, то в этом отношении, на наш взгляд, следует избегать двух крайностей. Первая характерна для европейского опыта и состоит в том, что студенты осуществляют анализ ошибок с самого начала самостоятельно и в большей степени на интуитивной основе в форме *peer revision* (смысл в том, что студенты проверяют работы друг друга, начиная с первого курса). Вторая крайность – это всем знакомая отечественная практика, когда разбор и анализ ошибок осуществляется исключительно преподавателем. И в том, и в другом случае дидактическая ценность этой деятельности невысока. Задача преподавателя в первую очередь состоит в том, чтобы *научить* студентов видеть, анализировать и на этой основе исправлять ошибки в процессе саморедактирования. Поэтому активное участие преподавателя должно постепенно уменьшаться. Если на начальных этапах обучения работу над ошибками целесообразно проводить после совместного разбора результатов перевода и комментария преподавателя, то в дальнейшем преподавателю вполне достаточно просто указать на ошибку. Очень полезным для формирования навыка критического анализа перевода является задание на редактирование чужого текста с обязательной предварительной стадией выявления и квалификации ошибок, что может осуществляться в ходе аудиторных занятий. Помимо этого, проблематика, связанная с причинами и характером переводческих ошибок, предлагается в качестве темы для исследовательской работы студентов.

В качестве резюме по данному разделу отметим следующее. Опыт анализа переводческих ошибок как параметров оценки качества учебного перевода свидетельствует о необходимости подхода, позволяющего учитывать наиболее

существенные аспекты, приоритетные именно для учебной сферы. С нашей точки зрения, квалификация результата, т.е. выявление и определение ошибки оказывается недостаточным. Как показывает практика, объективность оценки качества студенческих переводов (в том числе, и выставление баллов) во многом зависят от используемой преподавателем методики анализа ошибок. Традиционный подход, заключающийся в квалификации обнаруженных дефектов как ошибок содержания или ошибок формы, не всегда применим на практике, так как при анализе конкретного перевода разграничение уровней *смысл / форма* может оказаться достаточно условным. Иными словами, языковые и речевые ошибки могут сказываться на качестве переводящего языка, однако их последствия также могут затрагивать и уровень смыслового содержания. Наш опыт проверки студенческих переводов также свидетельствует о том, что сбой на этапе понимания ИТ происходит по причинам как текстового, так и внетекстового характера; при этом в результате непонимания исходного содержания переводчик может не только исказить смысл, но и использовать несоответствующие исходному стилю и нормам ПЯ языковые средства. Если же студент допускает ошибку на этапе перевыражения, несоответствующий выбор и / или организация языковых единиц, как правило, затрагивает не только план выражения, но и план содержания. С одной стороны, это затрудняет задачу анализа, с другой – позволяет понять, что именно взаимодействие и взаимопроникновение уровней содержания и формы обуславливает как успешность, так и неуспешность перевода.

Выводы по Главе 4

Переводческие ошибки являются универсальными параметрами оценки качества перевода, обеспечивающими её объективность. Ошибки в тексте перевода могут быть обнаружены как представителями профессиональной сферы, к которым относятся преподаватели и редакторы перевода, так и конечными получателями. Последние как специалисты в конкретной предметной области могут отметить неправильное употребление специальной терминологии, фактические и логические ошибки, приводящие к противоречиям с действительностью или здравым смыслом. Специалист в области перевода выявляет ошибки на основе сопоставления текста перевода с текстом оригинала, с требованиями к конкретному виду перевода, с конкретным техническим заданием, а также с условиями и параметрами новой коммуникативной ситуации. Тем не менее, концептуальная основа профессиональной оценки перевода не всегда соответствует сущности переводческой деятельности.

Различия подходов к трактовке понятия *переводческая ошибка* и многообразие принципов систематизации эмпирического материала объясняется спецификой индивидуальных интересов исследователей и реализуемыми ими методами исследования. Согласно нормативному подходу, ошибка рассматривается как отклонение от нормы языка; согласно функциональному подходу, ошибка понимается как несоответствие цели коммуникации. В практическом отношении разработка различных классификаций ошибок объясняется приоритетами научной, учебной или индустриальной сфер перевода, представителем которых является субъект оценки.

Необходимость разграничения понятий *ошибка* и *переводческая ошибка* связана с тем, что определенные виды переводческих ошибок относятся к нормативным нарушениям в переводящем языке, что говорит о нечеткости границы между языковой и переводческой ошибкой. Языковые ошибки являются результатом межъязыковой интерференции и изучаются в лингвистике и методике преподавания иностранных языков на основе анализа различий на входе, под

которым понимается знание нормативных правил, и на выходе, под которым подразумевается устная и письменная речь обучаемых. Переводческие ошибки представляют собой отрицательный результат перевода, в котором нарушены не только языковые, но и переводческие нормы и являются предметом анализа в теории, практике и дидактике перевода. Изучение разработанных на сегодняшний день типологий позволяет выделить переводоведческий, редакторский и дидактический (учебно-методический) подходы, используемые представителями научно-исследовательской, индустриальной и учебной сфер перевода.

Выявление переводческих ошибок осуществляется на основе практического опыта, а также знаний и представлений о переводе субъектов оценки. Последнее определяет принципы отбора оценочных критериев, которые используются субъектами оценки при сопоставлении исходного и переводного текстов. Конкретное наполнение содержательных, языковых и презентационных критериев оценки учебного перевода осуществляется с учетом требований, обусловленных каналом коммуникации, целью перевода и жанровой спецификой исходного материала.

К содержательно-смысловым критериям оценки письменного перевода научного, научно-популярного и публицистического текстов относятся предметная ситуация, логическая организация высказывания и эксплицитно выраженная позиция автора. К языковым критериям – нормативность и узуальность языковых средств ПЯ, к презентационным – соответствие требованиям по оформлению текста. Отобранные критерии являются основой квалификации ошибок, допущенных в учебном переводе. При этом граница между ошибками содержания и ошибками формы является достаточно условной, так как последствия языковых и речевых ошибок могут также затрагивать уровень смыслового содержания текста.

Анализ ошибок в учебной сфере предполагает исследование их возможных причин, что обусловлено дидактической составляющей процесса оценки качества учебного перевода. Опыт оценки студенческих работ свидетельствует о том, что сбой на этапе понимания ИТ происходит как по причинам текстового, так и

внетекстового характера; при этом в результате непонимания исходного содержания переводчик может не только исказить смысл, но и использовать несоответствующие исходному стилю и нормам ПЯ языковые средства. Если же переводчик допускает ошибку на этапе перевыражения, несоответствующий выбор и / или организация языковых единиц, как правило, затрагивает не только план выражения, но и план содержания.

Степень серьезности допущенных переводческих ошибок обусловлена влиянием системных и несистемных факторов. К системным факторам относится степень сформированности переводческих компетенций, включающих знание исходного и переводящего языков, наличие фоновых знаний в конкретной предметной области и владение технологией перевода. К несистемным, или ситуативным факторам относятся неблагоприятные условия выполнения перевода, невнимательность или усталость переводчика.

Глава 5. Концептуализация качества перевода в обыденном сознании

Оценка качества перевода, осуществляемая конечными получателями, которые не обладают профессиональными знаниями в области теории и практики перевода, представляет собой взгляд на перевод со стороны и является ещё одним важным аспектом изучаемой нами проблемы. В настоящей работе общественное представление о переводе рассматривается как результат деятельности обыденного сознания, что в свою очередь во многом связано с мифологемами бытовой философии языка, наивными взглядами на язык, на онтологию и технологию перевода [Кашкин 2010, с. 263-325]. Но если интерес к обыденному (или наивному) сознанию в языкознании существует уже достаточно давно, то наивные взгляды на перевод относятся к наименее изученной области. Несмотря на то, что профессиональная деятельность в области предоставления переводческих услуг направлена на решение проблем или удовлетворение потребностей общества, отношение специалистов к оценочным суждениям конечных получателей перевода достаточно скептическое. Отчасти это объясняется тем, что носители обыденного сознания оценивают перевод, исходя из своих субъективных и в значительной степени интуитивных представлений о переводе и переводчиках, которые далеко не всегда совпадают с принятой в переводоведении точкой зрения. Однако, на наш взгляд, распространённое мнение переводчиков и переводоведов о том, что конечный получатель не способен оценить перевод «правильно», не вполне соответствует практическому опыту. Будучи специалистом в той или иной области, конечный получатель вполне способен дать адекватную общую оценку качества перевода, т.е. оценить, насколько полезным является конкретный перевод для его предметной деятельности. Более того, суждения конечного получателя могут быть предельно конкретны, что свидетельствует о внимании данного субъекта оценки к таким аспектам переводного текста, как соответствие профессиональному узусу, связность текста и качество переводящего языка. Конечный получатель также способен обнаружить содержательные дефекты, логические сбои и нарушения нормы и узуса переводящего языка. Вместе с тем, вполне очевидно, что

специалисты как представители профессий являются аудиторией высокообразованной и поэтому в некоторой степени элитарной. Однако общественное предназначение перевода заключается не только в обеспечении профессиональной деятельности получателя, но и в предоставлении доступа к услугам, предлагаемым индустрией развлечений. У многих студий, занимающихся переводом и озвучиванием фильмов и сериалов (LostFilm, Amediateka, «Кубик в кубе», «Кураж-Бамбей»), существуют многочисленные группы ВКонтакте, а также виртуальные сообщества под названием «Правильный перевод». Издателям компьютерных игр взаимодействие с пользователями помогает улучшать качество перевода и, как результат, увеличивать объёмы продаж. Некоторые компании (например, AllCorrect Games) предлагают конечным получателям сформулировать характеристики *хорошей* и *плохой* локализации и оценить локализованную версию игры. Таким образом, по «отзывам потребителей» можно судить о возможности или невозможности использовать перевод по его назначению, иными словами, о его прагматической ценности или же отсутствии таковой.

В данной главе работы мы представим некоторые результаты изучения оценочной деятельности конечных получателей перевода как носителей обыденного сознания. В первую очередь мы обратимся к так называемым наивным теориям языка и перевода, на базе которых формируется оценочное основание непрофессионального субъекта оценки. Далее мы рассмотрим метапереводческий дискурс как источник эмпирического материала, который представляет собой широкий спектр текстов, посвящённых реакции конечных получателей на конкретные переводы. Необходимо уточнить, что в нашем исследовании термин *реакция получателя* используется в более широком смысле по сравнению с его традиционным пониманием в русле теории функциональной эквивалентности Ю. Найды. В отличие от лингвоэтнической реакции получателя перевода в ситуации контраста культур, порой неожиданной и слабо прогнозируемой, в нашем случае речь идёт о реакции на перевод смешанного типа, в которой доминирует аксиологический (оценочный) компонент. Реакция данного типа имеет не только внутренний характер, проявляющийся в состоянии разума и / или эмоций, но и

внешний, так как получает отражение на уровне действий, поступков, слов, а в нашем случае – оценочных суждений о качестве перевода.

По нашему мнению, изучение *оценочной реакции получателя* на текст перевода представляет несомненный исследовательский интерес. Оценочные суждения конечных получателей перевода являются тем аутентичным материалом, на котором можно наблюдать формирование концептуальной сферы, связанной с понятиями *перевод* и *качество перевода* на уровне обыденного сознания. В свою очередь, это обеспечивает возможность обратной связи, необходимой для успешного функционирования любого вида деятельности, включая переводческую.

5.1. Наивные теории языка и перевода

Исследования, посвящённые наивным взглядам на устройство мира (наивная лингвистика, физика, химия и т.п.), которые обозначаются терминами с приставкой *мета-* (метакогнитивные, метакоммуникативные, металингвистические и т.п.), получают достаточно широкое распространение в России с начала XXI века [Шадрин 2008]. В работах данного направления рассматривается картина мира, формируемая обыденным сознанием, а также изучаются представления людей о собственных действиях при решении тех или иных задач. Но если естественная познавательная среда, обусловленная активностью обыденного сознания, изначально формировалась задолго до возникновения науки и технологии в их современном понимании, то в наши дни она существует *наряду* с научной.

Категория обыденного сознания обычно рассматривается в контексте общей проблемы построения субъективной картины мира. В соответствии с характером знакового опосредования, психологи и лингвисты выделяют такие уровни сознания, как рациональное, рефлексивное, бессознательное и обыденное сознание [Леонтьев 1975]. Последнее обладает парадоксальной природой: с одной стороны, обыденное сознание содержит искажения, неточности и противоречия, а с другой, обеспечивает человеку эффективное приспособление к окружающей действительности и успешное решение жизненных проблем. Теоретические

основы изучения обыденного сознания были разработаны ведущими отечественными психологами – Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейном, Е. А. Климовым, С. Д. Смирновым, Е. В. Субботским и др.

В сфере лингвистики интерес к повседневной философии и обыденному сознанию в большей степени характерен для западноевропейской и американской традиции. К данной области исследования относятся знания и взгляды наивных пользователей на устройство языка и способы его изучения [Кашкин 2009]. Следует подчеркнуть, что предметом метакогнитивных (*thinking about thinking*) и металингвистических (*talking about talking*) исследований являются представления человека о форме и содержании языка и мышления, их природе, принципах устройства, инструментарии, способах использования и полезности [Hyland 2005]. В отечественной традиции ярким примером такого направления исследований является фундаментальная работа «Энциклопедия языка и образования», отдельный том которой посвящен представлениям наивного пользователя о языке [Encyclopedia 1997]. Последние 15-20 лет метаязыковая проблематика, включающая субъективный опыт в языке, личные стратегии обучения, метафоризацию языка и обучения, народную лингвистику (*folk linguistics*) и т. п., находится в фокусе внимания представительных международных форумов.

В российском языкознании внимание лингвистов сосредоточено в основном на представлениях о языке, отраженных в прецедентных текстах широкого спектра (фольклор, пословицы и поговорки, художественная литература и т. п.). На этом материале рассматривается метаязыковой опыт наивных пользователей в коллективном труде «Язык о языке» под редакцией Н. Д. Арутюновой [Язык 2000]. Современное состояние, основные направления и перспективы развития металингвистики в своё время были определены на первой крупной конференции по данной проблематике, состоявшейся в нашей стране в 2007 г. на базе Кемеровского государственного университета [Обыденное 2008].

Исследования, посвящённые представлениям носителей языка о языке, способам осознания языка и наивной оценки языковых фактов, получили освещение на конференции «Народная лингвистика — взгляд носителей языка на

язык», прошедшей в Санкт-Петербурге 19-21 ноября 2012 г. Конференция была организована совместно Институтом лингвистических исследований РАН и факультетом антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Понятие *народная лингвистика* было определено организаторами как область лингвистической антропологии, изучающая представления о языке его носителей и влияние таких представлений на социокультурную ситуацию в сообществе и структуру самого языка [Гаврилова 2013].

Проблематика, связанная с изучением взглядов «наивных пользователей языка», находилась в зоне исследовательских интересов В. Б. Кашкина, которому удалось не только привлечь внимание научной общественности к данным вопросам, но также собрать репрезентативный корпус иллюстративного материала [Кашкин 2010, с. 263-325]. Рассуждая о наивных взглядах на устройство языка, В. Б. Кашкин отмечал, что метакогнитивная и металингвистическая активность наивного пользователя возрастает в ситуации языкового контраста, которым, собственно, и являются перевод и межкультурная коммуникация. Как в научной, так и в бытовой сфере контактирующие языки и культуры образуют обширное поле для сравнения, выявления различий и оценок. Рассматривая такие характерные черты обыденного сознания, как мифологичность и метафоричность, В. Б. Кашкин подчёркивал, что для народной лингвистики ведущей является «онтологическая реинфицирующая метафора» (*слово = вещь, язык = набор вещей*), из которой вытекает технологическая мифологема пословной замены при переводе [Кашкин 2009, с. 43], [Кашкин, Княжева 2010, с. 137].

Несмотря на то, что наивная технология перевода формируется на начальных этапах знакомства с данным видом деятельности, в ситуации усталости или дефицита времени даже у профессионалов, по их собственному признанию, появляется желание «быстренько заменить английские слова русскими» [Там же]. Что касается студентов неязыковых вузов, то большинство из них также считают перевод «простой заменой *слов*»: *Я сначала должен перевести слова, а потом перевести текст* (анкета студента). Носители обыденного сознания, к которым относятся заказчики перевода, нередко считают, что профессиональный

переводчик нужен «для красоты», «для литературного перевода», а «простой перевод», «перевод общего смысла», «недословный перевод» может осуществить любой человек или компьютерная программа: *«вы все, переводчики, никому скоро не будете нужны. Он [отец студента] спокойно переводит все с компьютером»* (из жалоб преподавателей; далее был предъявлен маловразумительный текст с явными следами компьютерного перевода) [Там же]. Таким образом становится очевидно, что за переводом как видом интеллектуальной деятельности и специфической технологией обыденное сознание не закрепляет никакой отдельной, профессиональной задачи. Даже у начинающих переводчиков знание языка часто приравнивается к знанию слов, а выработка технологических навыков подменяется накопительным знанием: *Many inexperienced translators <...> follow what we may call “the school of magical terminology management”. They believe that what’s important is to know **the right name for a thing**, not to understand it* [translationtimes.blogspot.com]. Еще один пример: *A common misconception about the translator is that he or she is **a living dictionary*** [Там же]. Подобные представления по-прежнему являются достаточно широко распространёнными в обществе [Там же].

Из базовых мифологем языка и перевода вытекает и аксиологическая мифологема уже упомянутого выше *правильного перевода*, представления о котором могут иметь весьма специфический характер. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи из нашего личного опыта, а также опыта коллег-переводчиков. Так, например, для определённой категории заказчиков главным критерием *правильности* является совпадение количества слов в оригинале и переводе. Для других заказчиков самый качественный и самый правильный перевод – это перевод, выполненный компьютерной программой. Что касается студентов как будущих переводчиков, которые находятся на пути к профессиональной среде, то весьма показательным, что они не только задают вопросы о том, как правильно переводить, но и просят преподавателя показать им правильный вариант перевода, который представляется им *единственно правильным*. Это говорит и ещё об одной подмене понятий: понятия *перевод*, сама

сущность которого предполагает многовариантность переводческого решения, и понятия *тест*, который представляет собой систему формализованных заданий, допускающих, в основном, только один вариант ответа. Таким образом, с точки зрения современной теории само понятие *правильный перевод* в большей степени относится к наивным представлениям субъекта оценки.

Источником фактического материала для исследования взглядов на перевод и его качество является метапереводческий дискурс, к которому относятся устные и письменные тексты, отражающие как научные, так и обыденные представления о переводе. Жанровое пространство метапереводческого дискурса включает предисловия и послесловия к переводам, сноски, внутритекстовые и послетекстовые примечания переводчика, примечания редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественную литературу или фильмы, в которых упоминается перевод, размышления о переводе в прессе, блогосферу и т.п. Все эти аспекты и жанры объединяет их расположение *вне* собственно текста перевода как объекта критики и как предмета исследования [Кашкин 2010, с. 315].

Эмпирический материал для анализа наивных представлений о переводе можно получить, заимствуя методологический аппарат, терминологию, приемы и техники анализа, разработанные в области наивной металингвистики. Как и для изучения бытовых представлений о языке, для метакогнитивного исследования проблемы оценки качества перевода могут быть использованы результаты, полученные методами наблюдения, анкетирования, интервью и анализа текстов. Наблюдение (в том числе и включенное, поскольку наблюдатель сам может быть переводчиком) даёт весьма разнообразные примеры: от ошибочного переводческого выбора до мотивировки этого выбора, зафиксированных высказываний переводчика или потребителя о переводе и т.п. Анкетирование и интервьюирование в наибольшей степени соответствуют задачам проникновения в сознание переводчика, студента или получателя, поскольку в анкетах можно, не дожидаясь удачного момента в процессе наблюдения, задать соответствующие вопросы о переводе, отношении к нему, оценке, представлениях и т.п.

Направленное интервью и последующий дискурсивный анализ его транскрипта позволяют получить более глубокую и развернутую картину наивного представления о переводе и формирования практической философии перевода в подготовке профессионала. Кроме того, применение такого традиционного метода лингвистического исследования, как анализ текстов, в которых носители обыденного сознания, так или иначе, рассуждают о сущности, аксиологии и технологии перевода, также даёт возможность получить необходимые данные.

Указанные методы использовались нами в совместном исследовании с В. Б. Кашкиным, посвящённом изучению обыденного представления о переводе и переводчике. Изучение результатов включенного наблюдения преподавателя в переводческой группе, воспоминаний переводчиков, опросов респондентов, письменных интервью (эссе) на тему «Как я стал переводчиком», публикаций в СМИ о переводе и переводчиках, рекламы переводческих агентств, блогосферы, переводческих социальных сетей и т. п. позволило выявить следующие закономерности. Сфера обыденного сознания, к проявлениям которого относятся общественное мнение и массовая культура, формирует стереотипы о переводе в большей мере стихийно, в то время как профессиональное мнение самих представителей профессии формируется в соответствии с принятыми научными и образовательными канонами. Вместе с тем, в некоторых жанрах метапереводческого дискурса (например, в рекламе переводческих компаний) наблюдается пересечение обыденного и научного представлений. В сфере подготовки переводчиков наблюдается динамика обыденных и научных представлений, формирование научной картины языка и перевода на фоне исходной наивной картины [Кашкин, Княжева 2010, с. 137-138].

Проведённый анализ отобранных нами фрагментов метапереводческого дискурса свидетельствует о том, что представители общества (в том числе и выступающие заказчиками перевода) очень слабо представляют себе суть данной профессии и особенности профессиональной переводческой деятельности. На этой основе вырабатываются устойчивые стереотипы следующего характера: 1) знание иностранного языка отождествляется с умением переводить; 2) перевод,

выполненный компьютерной программой, считается «самым правильным»; 3) переводчик рассматривается как обслуживающий персонал низшего уровня наравне с официантом, носильщиком и эскорт-услугами. Гендерный аспект сочетается с возрастным: переводчик часто воспринимается как «мальчик / девочка на побегушках» [Там же, с. 138]. Интересно, что существование подобных стереотипов обнаруживается и в результатах опроса студентов переводческого отделения. Однако анкетирование, проведённое на 1-м и в середине 4-го курса обучения, продемонстрировало развитие и постепенный отход от наивных взглядов на перевод к более профессиональным.

Хотелось бы подчеркнуть, что интерес к изучению обыденных представлений о переводе и его качестве на материале метапереводческого дискурса не является чисто теоретическим. Практическая потребность в подобных исследованиях, во-первых, связана с задачами подготовки переводчиков, при обучении которых мы имеем дело с динамикой развития: от наивных, обыденных представлений к понятиям «научным». В значительной степени процесс этого перехода помогает понять концепция выдающегося психолога Л. С. Выготского, который отмечал, что научные понятия являются зоной ближайшего развития для обыденных [Выготский 2006, с. 845]. Во-вторых, необходимость исследований в данной области связана с проблемами адаптации будущих специалистов к работе в профессионально-деловой среде, что включает умение осуществлять эффективную коммуникацию с клиентом, сохраняя чувство собственного достоинства и самоуважения. И, в-третьих, практическая потребность в данных исследованиях связана с задачами просвещения общества, лингвистическая культура которого пока еще оставляет желать лучшего. Как показывает практика, многие начинающие переводчики испытывают дополнительную психологическую нагрузку в ситуации общения с заказчиками перевода, которые обладают весьма отдаленными представлениями о сути и технике переводческой деятельности, но, тем не менее, считают себя вправе вмешиваться в переводческий процесс или же негативно отзываться о работе переводчика без всяких на то оснований. В данном случае переводчик сталкивается с активным или даже агрессивным проявлением

метакогнитивной деятельности наивного сознания, что в определенной степени может повлиять на формирование стрессовой, а иногда и конфликтной ситуации. Начиная переводчик психологически оказывается к этому не готов по довольно простой причине: считая себя носителем профессионального, т.е. *правильного* взгляда на перевод, переводчик не задумывается о *закономерности* существования бытового взгляда на перевод (пусть и неправильного). Но если примирение двух когнитивных подходов вряд ли возможно, то необходимость взаимного знания в данном случае очевидна.

5.2. Конечный получатель как субъект оценки качества перевода

Интерес к получателю перевода и его реакции на переводной текст возникает благодаря расширению понятия о переводе и переводческой деятельности. Прямо или косвенно фактор получателя присутствует в уровневых моделях эквивалентности, построенных по иерархическому принципу, в которых прагматический уровень подчиняет себе все остальные. К ним относятся, например, концепции О. Каде [Каде 1978], А. Нойберта [Нойберт 1978], Д. Жилия [Gile 1991]. Если же говорить о классической отечественной теории перевода, то воздействие на читателя, т.е. на конечного получателя сообщения, рассматривается переводоведами в связи с обеспечением функциональной равноценности исходного и переводного текстов и считается главным критерием адекватности перевода [Рецкер 1974, с. 9]. А. Д. Швейцер напрямую соотносит значение термина *коммуникативный эффект* с получателем сообщения как одним из основных компонентов коммуникативного акта и подчёркивает, что это справедливо не только по отношению к одноязычной коммуникации, но и к переводу [Швейцер 1988, с. 91-92]. Л. К. Латышев рассматривает реакцию получателя в контексте рассуждений об обеспечении полноценности перевода, главным критерием которого, с точки зрения учёного, является «равноценность регулятивного воздействия» [Латышев 2001, с. 25]. Вместе с тем, по мнению учёного, исходный и переводной тексты предоставляют своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных

адресатов эквивалентными, это уже другой вопрос, зависящий от степени совпадения индивидуально-личностных свойств адресатов [Там же].

Подчеркнём, что фактор получателя перевода оказывается в зоне внимания исследователей как релевантный параметр коммуникативной ситуации, когда перевод понимается, прежде всего, как коммуникативная деятельность. Данный вывод следует из модели двуязычной коммуникации А. Д. Швейцера [Швейцер 1988, с. 51]; модели переводческой констелляции М. Я. Цвиллинга [Цвиллинг 2009, с. 121]; схемы акта двуязычной коммуникации В. Б. Кашкина [Кашкин 2007, с. 76]. Таким образом, ориентация переводческой деятельности на получателя перевода является одним из классических переводоведческих постулатов, по крайней мере, существующих в теории.

Хотелось бы также отметить, что в исследованиях XXI века прослеживается смещение исследовательского интереса с получателя виртуального (предполагаемого, потенциального) на получателя реального. Так, например, Н. К. Гарбовский отмечает, что «адекватность как свойство перевода в большей степени ориентирована на получателя сообщения, созданного переводчиком. Во всех случаях, когда переводу подлежит текст, создававшийся для «внутреннего потребления», т.е. как речевое произведение, перевод которого изначально не предполагался, адекватность оказывается всецело ориентированной на получателя переводной продукции. Именно получатель определяет степень коммуникативной равнозначности оригинала и перевода, необходимую ему для решения задач коммуникации» [Гарбовский 2004, с. 289-290].

В. В. Сдобников рассматривает конечного получателя в русле коммуникативно-функционального подхода как параметр коммуникативной ситуации с участием перевода. С точки зрения В. В. Сдобникова, «конечный получатель перевода способен оценить не только успешность общего функционирования перевода в его предметной деятельности, но и отдельные аспекты самого текста перевода. Суждения типа «так не говорят», «мы этот термин здесь не используем», а также обнаружение получателем логических сбоев в тексте, нарушений нормы и узуса ПЯ означают, что получатель испытывает

некоторые сложности с восприятием текста, с его использованием в предметной деятельности» [Сдобников 2015, с. 67].

В соответствии с предложенной нами моделью оценочной деятельности, представленной в Главе 2, мотивы и цели оценивающей стороны обусловлены сферой оценки перевода. Потребность представителя общественной сферы оценить перевод, как правило, связана с достаточно сильными отрицательными или положительными эмоциями, возникающими при восприятии устного, письменного или аудиомедиального переводного текста, которыми конечный получатель хочет поделиться любым доступным образом, например, в социальных сетях.

Подчеркнём, что в теоретических рассуждениях специалистов о факторе получателя речь идёт, скорее, о *прогнозировании* реакции получателя, осуществляемом самим переводчиком, что, как известно, необходимо для принятия переводческих решений, соответствующих цели коммуникации. Однако при столкновении с *реальной реакцией* конкретного получателя перевода и, в особенности, с суждениями, не совпадающими с «научно одобренными» взглядами, профессионалы склонны их игнорировать. Если обратиться к концепции парадокса границ В. Б. Кашкина, на которую мы неоднократно ссылались в настоящей работе [Кашкин 2010], то напрашивается вывод о том, что оппозиция между наивными и научными взглядами на перевод также свидетельствует о существовании границы, но только не между культурами, а между субкультурами или социальными группами.

Суждения о переводе представителей профессиональной и общественной сфер можно рассматривать в русле известной теории стереотипов У. Липпмана. Тогда к категории *своих* можно отнести переводоведов и переводчиков, обладающих более или менее научными или «правильными» взглядами на перевод, которые могут быть описаны в терминах *автостереотипов*. Категория *чужих* включает заказчиков и получателей перевода, чья концептуализация перевода и переводческой деятельности находится под воздействием мифологем обыденного сознания, что может быть отнесено к *гетеростереотипам*. *Переносные*

стереотипы будут при этом проявляться во взаимных претензиях участников переводческого процесса [Milroy 1998, p. 6, 29].

Таким образом, отрицание ценности наивной оценки перевода как фактического материала говорит не только о стремлении представителей профессиональной сферы провести чёткую границу между наивным и научным знанием, но гораздо в большей степени о желании эту границу охранять от вторжения «чужих».

Далее мы представим результаты анализа метапереводческого дискурса, включающего рассуждения конечных получателей о качестве художественного перевода. В данном материале прослеживается общая закономерность восприятия художественного текста читателями, которые либо его принимают, либо нет, причём мнение читателей далеко не всегда совпадает с мнением литературоведов и литературных критиков, т.е. специалистов. Полученные сведения интересны тем, что, помимо уже упомянутой выше необходимости оптимизировать пути взаимодействия переводчика и заказчика, речь идёт и о получении достоверных данных, свидетельствующих об уровне филологической культуры общества.

5.3. Оценка качества перевода конечным получателем

Как уже было упомянуто выше, возможность узнать о том, каким образом оценивают перевод его конечные получатели, появилась благодаря развитию интернет-коммуникации. Особый интерес в этом отношении представляют блогосфера, интернет-форумы и сайты, на которых далёкие от профессиональной переводческой сферы участники обсуждают достоинства и недостатки переводной художественной литературы. В данном исследовании был проведён анализ читательских отзывов о переводах, размещённых на интернет-форуме <http://forumok.org/>, а также на сайтах <http://www.openspace.ru/literature/> и www.woman.ru. (Отбор примеров проводился нами в 2011-2012 гг., и в настоящее время не все материалы сайтов <http://forumok.org/> и <http://www.openspace.ru/literature/> доступны; на сайте www.woman.ru доминирует проблематика, связанная с межличностными отношениями.)

В первую очередь отметим, что проблема качества перевода находит довольно широкий отклик в непрофессиональной среде и, как правило, эта тема возникает в процессе обсуждения конкретных переводов. По нашим наблюдениям, интерес читательской аудитории вызывает как классическая, так и современная художественная литература. В процессе исследования нами были изучены мнения конечных получателей о переводах на русский язык произведений Шарлотты Бронте, Джеральда Даррелла, Маргарет Митчелл, Льюиса Кэррола, Джона Толкиена, Терри Пратчета, Дэна Брауна, Уильяма Джеральда Голдинга, Бернхарда Шлинка, Джоан К. Роулинг.

В настоящее время можно выделить два основных типа ситуаций и соответствующих оценочных реакций на текст перевода. Для первого типа характерно отождествление перевода с исходным текстом, когда конечный получатель высказывает своё мнение об оригинальном произведении, не упоминая о том, что читал его в переводе. Ярким примером такого подхода являются отклики читателей на книгу Джеральда Даррелла «Моя семья и другие звери» в переводе Л. А. Деревянкиной: *«Книга великолепно, прекрасные описания, любовь автора ко всему живому ощущается прямо кожей, и, конечно, настоящий английский юмор, который делает все книги Даррелла неподражаемыми»; «Искрометный юмор автора в сочетании с писательским гением и добрым сердцем, подарили многим людям приятные минуты и часы приятного времяпрепровождения»; «В книге множество комичных моментов, и по насыщенности юмором она не уступает, например, любимому мной Джерому»; «Потрясающая ирония автора»; «Автор с присущими ему выразительностью, обстоятельностью и чувством юмора описывает события своего детства»; «Тонкий юмор, умение автора замечать природную красоту вокруг себя, стиль изложения».* Таким образом, приведённые здесь высказывания свидетельствуют о том, что участники обсуждения в своих комментариях восхищаются языком, иронией и юмором автора *оригинала*, т.е. Джеральда Даррелла.

В течение достаточно длительного времени считалось, что конечный получатель, в отличие от критика перевода, оценивает исключительно переводной

текст, который отождествляется им с оригинальным произведением. Однако в настоящее время всё большее распространение получают ситуации второго типа, для которых характерно разграничение оригинала и перевода. Об этом свидетельствует анализ контекста высказываний конечных получателей, в которых напрямую упоминаются перевод и переводчик. В нашем случае наибольший интерес представляет именно второй тип ситуаций, когда получатель осознаёт, что имеет дело с переводной версией текста, которую он оценивает в соответствии со своими субъективными представлениями или ожиданиями.

В рассмотренном нами материале выделяются следующие основные категории оценочных суждений: 1) оценка собственно результата перевода, т.е. текста; 2) оценка профессионального уровня переводчика; 3) рассуждения, отражающие концептуализацию понятия *качество перевода* в обыденном сознании. Отметим, что оценочные суждения, посвящённые конкретным переводам, имеют ярко выраженный полярный характер, т.е. перевод оценивается как *хороший* или как *плохой*. И в том, и в другом случае позитивная или негативная тональность высказываний создаётся за счёт использования эмоционально-оценочной лексики литературно-книжного, разговорного, а в ряде случаев и сниженного стиля. Так, например, *хороший* перевод определяется конечными получателями как «добросовестный», «идеальный», «динамичный», «отменный», «лучший», «великолепный», «прекрасный», «легко читаемый», «красиво написанный», «профессиональный».

Приведём несколько характерных примеров высокой оценки перевода его получателями: «Очень поэтичный перевод...»; «переведено ну просто идеально»; «высший класс»; «великолепный, легко читаемый, красиво написанный текст»; «профессиональный перевод – придраться не к чему»; «А перевод – да, цепляет...»; «просто потрясающе»; «обеими руками за перевод...»; «блистательно «сыгран», респект»; «рекомендую всем-всем-всем!!»; «Я была потрясена переводами»; «перевод радует».

Что касается отрицательных отзывов, то здесь зачастую употребляется эмоционально-оценочная лексика сниженного регистра, и в результате общая

тональность высказываний приобретает достаточно резкий характер за счёт использования таких прилагательных, как «ужасный», «неудачный», «корявый», «тупой», «бездумный», «деревянный», «гнусный», «тяжелый», «неперевариваемый», «бедный», «буквальный», «убогий», «отвратительный», «скрипучий», «невосстановимый в языковых навыках», «занудный», «тяжеловат», «неживой», «жуткий», «невоспринимаемый».

Приведём несколько характерных примеров негативных оценочных суждений, сохраняя исходную орфографию и пунктуацию. *«Гнусный перевод, тут и добавить нечего», «Когда читала, не могла отделаться от ощущения убогости перевода, аж противно»; «Никому бы не порекомендовала это читать, ужасно тупой перевод»; «Не надо про перевод! Он отвратителен!!!»; «Перевод скрипучий и невозстановимый в языковых навыках»; «поэтому перевод получился занудным», «неживой перевод, видно, что перевод. скучно...»; «перевод просто жуткий»; «А насчет перевода... плакать хочется...»; «огорчал перевод»; «В общем, все грустно»; «скучно читать». Как уже было отмечено выше, участники форумов нередко выражают свою негативную позицию в крайне резкой форме: «Не надо про перевод! Это кошмар!!!»; «совсем не покатил»; «Художественным переводом тут и не пахнет...»; «жуть жуть жуть....»; «за такой перевод надо надавать переводчику бейсбольной битой по хребту!!!»; «глаза бы мои это не видели!»; «позор нашего времени»; «настолько поверхностный перевод, ну ужас просто»; «Блин, если речь о переводах, то щас ругаться начну. Столько хорошей литературы испоганили отвратным переводом. Начать с того же Вудхауза. Это кошмар, что сделали с первоклассным юмором»; «Я повесил бы на фонарных столбах всю бригаду ремесленников, которая его переводила на русский»; «убил впечатление от книги».*

В настоящее время можно также говорить и о формировании достаточно новой тенденции в наивной оценке перевода, которая заключается в том, что конечные получатели перевода пытаются оценивать перевод на основе его сравнения с текстом оригинала. Во многих случаях высокая оценка перевода носителями обыденного сознания основана на близости перевода к оригиналу,

однако данные суждения в большей степени отражают восприятие перевода читателями, не подкреплённое конкретными примерами, что в целом характерно для наивной парадигмы. Например: *«наиболее приближен к оригиналу и передает суть»*, *«передан дух оригинала как два разных произведения, но одинаково прекрасных»*.

Негативная оценка перевода, основанная на сравнении с «виртуальным» оригиналом, выглядит следующим образом: *«в оригинале книга в разы лучше; «издевательство над оригинальным текстом»; «смысл извращен до противоположного»; «перевод изуродовал текст»; «разница с оригиналом неопишная»; «Видно, что это перевод...»; «Ну в оригинале книга все равно лучше»; «Перевод – уродство, по сравнению с оригиналом»*. Несмотря на то, что в подобных случаях читатели сравнивают перевод с оригиналом, о фактическом сравнении здесь говорить не приходится, поскольку, как уже было упомянуто выше, для данных рассуждений характерна крайняя степень обобщения и отсутствие иллюстративных примеров.

Что касается критериев оценки конечного получателя, то в своих высказываниях читатели не формулируют их в явном виде. Тем не менее, проведённый анализ содержательной стороны оценочных суждений позволяет сделать вывод о том, что важнейшими критериями получателя перевода оказываются *содержание текста, атмосфера и стилистика оригинала*, а также *качество переводящего (русского) языка*.

Претензии читателей, в которых речь идёт о несоответствии смыслового содержания перевода оригиналу, выглядят следующим образом: *«Перевод, конечно, многое исказил; «Перевод изуродовал текст»; «Смысл извращен до противоположного»; «Я прочитала сначала по-русски (АСТ), потом в оригинале (удалось добыть в электронном виде). Разница неопишная! Столько глупых ляпов в переводе!!!»; «А насчет переводов... плакать иногда хочется. Порой смысл фраз меняется абсолютно, суть теряется»*.

Необходимо отметить, что ранее у массового читателя переводной литературы обычно не возникало сомнений относительно корректности передачи

содержания оригинала. Однако сегодня у определённой категории конечных получателей появляется желание и возможность сравнивать перевод или даже несколько переводов одного и того же произведения с исходным текстом. При этом справедливость данных оценочных суждений оказывается под вопросом: в тех случаях, когда получатель перевода считает, что содержание оригинала искажено, это далеко не всегда соответствует действительности.

Следующим критерием качества перевода является *полнота* передачи содержания, что, казалось бы, требуется читателям переводной художественной литературы в первую очередь. Данный вывод сделан на основе анализа критических замечаний, связанных с различного рода купюрами текста. Например, рассуждая о переводах романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», некоторые читатели были недовольны тем, что в русскоязычных версиях отсутствуют библейские цитаты и аллюзии: *«Изъяты части текста, в которых говорилось о религии, библейские цитаты и т.д., поэтому тот перевод недостаточно полный»*; *«У Станевич нет некоторых моментов, а в конце целый абзац выкинут, а все из-за советской цензуры»*; *«много пропусков и несостыковок»*; *«вырезаны абзацы религиозного содержания»*; *«кучу моментов куда-то потеряла»*. Однако другие отзывы говорят о том, что полный перевод текста Бронте является трудным для восприятия массовой аудитории. Подчеркнём, что в данном случае читатели оценивают не оригинальное произведение, а именно перевод: *«Тяжело читать библейские цитаты, которые были вырезаны в переводе В. О. Станевич»*; *«Тяжеловесность библейских текстов, непробиваемая мораль»*; *«библейские цитаты торчат костью в горле»*. Таким образом, мнения конечных получателей по одному и тому же вопросу могут быть достаточно противоречивыми.

К другим важным критериям читательской оценки, также понимаемым интуитивно, относятся воспроизведение атмосферы и стилистики оригинала: *«Перевод уничтожил половину очарования оригинала!!»*; *«не передаёт всю красочность произведения»*; *«а интонации, духа оригинала нет»*. Достаточно распространёнными являются и претензии читателей, касающиеся качества переводящего (русского) языка: *«Переводят совершенно нерусскими фразами, как*

говорится, что слышу, то и пою...»; «звучит просто ужасающе!»; «переводчики не знают русского языка».

Теперь обратимся к следующей категории суждений, в которых, как уже было отмечено выше, речь идёт не столько о переводе, сколько о самом переводчике. Как и в предыдущих случаях, высокая и низкая оценка профессионального уровня переводчика имеет ярко выраженный эмоциональный характер. Положительные оценочные суждения о переводчике выглядят следующим образом: *«гениальный переводчик»; «Действительно потрясающая переводчица»; «перевела бесподобно! Так держать!»; «низкий поклон переводчику»; «побольше бы таких переводчиков».* Положительные оценочные суждения о переводчике подобного рода сопрягаются с высокой оценкой качества конкретного перевода и основаны на ней.

Негативные суждения о переводчике основаны в первую очередь на низкой оценке качества перевода, что далее сопровождается своеобразным «переходом на личности»: *«переводчик загубил хорошую вещь»; «грех переводчика»; «Впечатление такое, что переводил человек, совершенно лишенный чувства языка»; «Эх.. не повезло с переводчиком...»; «Ужасающим показался мне язык произведения – хотя, подозреваю, что виноват сам переводчик – судить трудно».*

Как мы уже отмечали ранее, для оценочных суждений носителей обыденного сознания характерна высокая степень обобщения, что особенно ярко проявляется в высказываниях, содержащих отрицательную оценку: *«переводчики явно выдохлись»; «ну и переводчики пошли»; «Знаем мы таких переводчиков», «переводчики стухли»; «переводчики и языка-то не знают»; «сплошные дилетанты»; «ни одного профессионала среди переводчиков»; «всему их (переводчиков) учить надо!!»; «не переводчики, а так... не понятно что...»; «Лишний раз убеждаюсь, что переводы лучше не читать. Слишком многие имеют возможность поиздеваться над оригинальным текстом».*

Примечательно, что от суждений обобщающего характера конечные получатели нередко переходят к некоторым попыткам теоретизирования. Но если обсуждаемая проблематика по некоторым ключевым вопросам совпадает с

научной сферой, то характер и уровень рассуждений всё-таки свидетельствует о проявлении наивного подхода. Например, одной из широко обсуждаемых тем является вопрос о «видимом» и «невидимом» переводчике. Мнения читателей относительно того, может ли переводчик претендовать на соавторство и приносить что-то своё в художественный текст, разделились. Для одних «видимость» переводчика является чем-то совершенно очевидным и оценивается позитивно: *«Конечно, личность переводчика всегда накладывает отпечаток на текст – если, конечно, есть ЛИЧНОСТЬ, если это художественный перевод, а не халтура»*; *«Самые лучшие переводы, самые запоминающиеся – те, что довольно далеки от оригинала. Что это – перевод, пересказ, переложение? Как ни назови – большое искусство»*; *«Перевод – это всегда добавление чего-то личного от переводчика»*; *«Переводчик – это соавтор!»*; *«Каждый переводчик имеет право на свою трактовку»*; *«сделать хороший литературный перевод – практически написать новую книгу...»*. Положительная оценка «видимого переводчика» может также трансформироваться в мнение о том, что перевод превосходит оригинал, и в этом проявляется очередное отличие наивного подхода от профессионального: *«перевод лучше оригинала»*; *«в переводе выглядит лучше»*; *«перевод спас произведение»*; *«читать невозможно в оригинале, если бы не перевод»*.

Негативная оценка «видимого переводчика» связана с тем, что для данной категории читателей главным приоритетом является интерес к автору и тексту оригинального литературного произведения: *«Переводчик может так вдохновиться самим собой, что от оригинала мало что останется, ни следа уважения»*; *«Но ВСЕ дифирамбы переадресовать переводчику – это перебор. Перевод – это все же вышивка по чужой канве. Можно вышить красивым узором, а можно – косыми стежками с торчащими нитками»*; *«Я принципиально не читаю переводную литературу. Именно потому, что эти слова писал не писатель, а переводчик...»*; *«На фоне фантазии переводчика фантазия автора блекнет»*; *«"писательство" – это не то, что нужно переводчику, он сам не сочиняет, он только трансформирует написанное другими»*.

Вместе с тем, как в позитивных, так и в негативных оценках конечных получателей прослеживается мысль о решающей роли перевода в судьбе иноязычного литературного произведения, его «второй жизни» в иной лингвокультурной среде: *«От переводчиков зависит если не все, то многое»*; *«Все зависит от перевода. Качественный перевод придает изюминку»*; *«Плохой перевод часто губит автора!»*; *«На переводчике лежит огромная ответственность – не загубить произведение»*; *«Не каждый может читать в оригинале, вот и зависим все от этих переводчиков»*; *«Качественный перевод – основа успеха произведения»*; *«Ужасный перевод может испортить любой, даже самый красивый текст»*.

Ещё одной темой для обсуждения переводчиков является сравнение уровня современных переводчиков художественной литературы и переводчиков, работавших в советский период. В целом участники форумов придерживаются мнения о том, что первые явно уступают вторым и по уровню квалификации, и по литературному таланту: *«Переводчики последних лет, ужас!! читать невозможно, видимо берутся кто не попадя»*; *«А сейчас вообще с нормальными переводчиками большой напряг в России, имею ввиду прежде всего художественную литературу»*; *«Если сравнивать переводы, сделанные переводчиками старой советской школы с тем, что лепят теперь, выбор однозначно в пользу старой школы»*; *«переводы стали жуткими и это объяснимо, раньше переводами занимались сами писатели, поэты, а теперь это мастерские, там сидят мальчики и девочки фрилансеры и переводят что угодно в какой нужно срок»*; *«сейчас переводчиком может быть каждый, не то что раньше»*; *«неталантливые переводчики пошли, с советскими не сравнить!»*; *«Примеры удачного (советского) перевода - весь Диккенс, Твен, Теккерей, Линдгрэн, Туве Янссон. Из недавно переведенного – перевод Парфюмера. Но там работала представительница старой школы, очень пожилая женщина, не помню фамилии к сожалению...»*.

Таким образом, сближение научной (профессиональной) и наивной (непрофессиональной) оценки качества перевода проявляется во внимании к сходным переводческим проблемам теоретического и практического характера.

Ещё одним показательным примером является проблема перевода имён собственных, и это говорит о том, что интерес к литературной ономастике не ограничивается исключительно рамками лингвистики и теории перевода. Достаточно вспомнить бурные споры читателей о «лучших» и «худших» вариантах перевода имён собственных в произведениях Джона Рональда Толкиена и Джоан Роулинг. У каждого переводческого приёма (в данном случае, речь шла о транскрипции и калькировании) имеются как сторонники, так и противники, что, впрочем, также наблюдается и в оценочных суждениях носителей научной парадигмы.

Выше мы уже отмечали, что высокая или низкая оценка качества перевода на уровне обыденного сознания непосредственно связана с тем, насколько результат перевода оправдывает ожидания конечного получателя. Эти ожидания в свою очередь базируются на субъективных и по большей части интуитивных представлениях читателя о хорошем и плохом переводе и хорошем и плохом переводчике. В результате проведённого анализа нам удалось выявить основные «требования к переводчику», исходящие от аудитории конечных получателей. Первое и основное требование касается знания исходного и переводящего языка: *«необходимо совершенное владение РОДНЫМ языком»*; *«Все наиболее удачливые переводчики - отлично владеют прежде всего родным языком»*. Второе требование относится к общей эрудиции переводчика: *«от переводчика требуется основное – это кругозор и эрудиция»*; *«обширный кругозор и база общих знаний – вот что должно быть в багаже у переводчика художественной литературы»*. Третье требование связано с владением литературным языком и стилем: *«нужно чувство слова иметь»*; *«нужно уметь передать атмосферу произведения. Это очень сложно, не тот синоним подобрал – уже эффект не тот»*; *«например, художественный перевод, когда переводчик должен донести не только смысл, но и стилистику сказанного»*; *«такой перевод требует особых способностей»*; *«переводчику нужно передать настроение, юмор, стиль... и т.д.»*. Четвёртое требование заключается в необходимости для переводчика второго образования, данном случае, литературного: *«все хорошие переводчики художественной*

литературы - это в первую очередь хорошие писатели»; «чтобы переводить качественно, нужно кроме иняза закончить литературный институт или курсы журналиста»; «Нужно образование литературное (лит. институт или журналистика) или большой талант, дар»; «Чтобы переводить книги нужны знания журналиста или писателя, т.е. писатель, владеющий языком лучше будет переводить, чем переводчик и т.д.»; «Насколько я знаю, художественные переводы требуют от переводчика навыков писателя, даже стилиста-писателя»; «все хорошие переводчики художественной литературы – это в первую очередь хорошие писатели. Вон Маршак, говорят, и английского толком не знал, кто-то ему делал подстрочник»; «В истории известны случаи гениев, которые обладали врожденным чутьем и делали отличные переводы без спец. подготовки, но таких гениев очень мало».

В качестве резюме хотелось бы отметить следующее. Теоретические и практические проблемы перевода, которые обсуждаются носителями наивной и научной парадигмы, по своей сути имеют много общего. Представления непрофессионалов о качестве перевода не свободны от противоречий, но подобная картина по данному вопросу складывается и в профессиональной сфере. Анализ когнитивных и процедурных представлений носителей обыденного сознания и соотнесение этих данных с профессиональной оценкой качества перевода позволяет судить о степени соответствия «научной» и «наивной» оценки, а также системе приоритетов, характерных для профессиональной и / или непрофессиональной оценки качества перевода. На данном этапе сопоставление научных и наивных взглядов на качество перевода свидетельствует о том, что граница между наивной и научной парадигмой оказывается прозрачной, поскольку профессия и общество не изолированы друг от друга, а взаимодействие между этими двумя сферами вполне очевидно [Кашкин, Княжева 2010, с. 136].

Изучение реальной реакции получателя перевода также позволяет в какой-то мере смягчить исторически сложившееся противоречие во взглядах представителей профессиональной сферы и общества. Если общество настроено критически по отношению к профессионалам и результатам их труда, то и

профессионалы не всегда готовы к восприятию обыденных взглядов, считая их необоснованными и несерьёзными. В настоящее время перевод относится к сфере услуг, однако её главный лозунг «клиент всегда прав» разворачивается в противоположном направлении по отношению к непрофессиональной оценке перевода. Если подготовку переводчиков осуществляют профессионалы, то в реальной жизни результаты их деятельности оценивают преимущественно клиенты, заказчики и массовая аудитория. Противоречия во взглядах представителей профессиональной и непрофессиональной сферы вряд ли преодолимы, однако знание о точке зрения оппонента представляется необходимым как для обучения будущих специалистов, так и для оптимизации взаимодействия специалиста с потребителем оказываемых им услуг.

Выводы по Главе 5

Естественная познавательная среда, обусловленная активностью обыденного сознания, сформировалась задолго до возникновения науки и технологии в их современном понимании, однако в современную эпоху она существует наряду с научной. Исследования, посвящённые наивным взглядам на устройство мира, обозначаются терминами с приставкой мета- (метакогнитивные, метакоммуникативные, металингвистические и т.п.) и направлены на изучение картины мира, формируемой обыденным сознанием, а также на представления людей о собственных действиях при решении тех или иных задач.

Представления о переводе, являющиеся результатом деятельности обыденного сознания, связаны с мифологемами бытовой философии языка, наивными взглядами на язык, онтологию и технологию перевода. К базовым мифологемам народной лингвистики относятся онтологическая метафора «вещности» языка (слово = вещь, язык = набор вещей), из которой следуют технологическая мифологема пословной замены при переводе и аксиологическая мифологема правильного или единственного правильного перевода. В наивной переводческой парадигме знание языка приравнивается к знанию слов, а формирование технологических навыков подменяется накопительным знанием. За переводом как видом интеллектуальной деятельности и специфической технологией обыденное сознание не закрепляет отдельной профессиональной задачи.

Ориентация переводческой деятельности на получателя перевода является одним из классических переводоведческих постулатов. Прямо или косвенно фактор получателя присутствует в уровневых моделях эквивалентности, построенных по иерархическому принципу, согласно которым прагматический уровень подчиняет себе все остальные. В наибольшей степени интерес к фактору получателя перевода и его реакции на переводной текст характерен для коммуникативно-функционального подхода к переводу, согласно которому конечный получатель рассматривается как релевантный параметр переводческой

ситуации. Теоретические рассуждения о реакции получателя нередко ограничиваются признанием необходимости её прогнозирования, которое должно осуществляться самим переводчиком с целью принятия переводческих решений, соответствующих цели коммуникации. Однако реальная реакция конечных получателей перевода, не совпадающая с традиционными научными взглядами, как правило, вызывает профессиональный скепсис со стороны специалистов. Между тем, смещение исследовательского интереса с получателя виртуального на получателя реального позволяет получить аутентичный материал, свидетельствующий о прагматической ценности конкретного перевода и его адекватности, понимаемой как коммуникативная равнозначность.

Реакция конечного получателя на текст перевода является результатом метакогнитивной и металингвистической активности носителей обыденного сознания, возрастающей в ситуациях языкового и культурного контраста, что наиболее ярко проявляется в переводе. Потребность конечного получателя оценить перевод возникает под воздействием отрицательных или положительных эмоций, возникающих при восприятии устного, письменного или аудиомедиального переводного текста.

Источником эмпирического материала для исследования проблемы оценки качества перевода конечными получателями является метапереводческий дискурс, охватывающий широкий жанровый спектр текстов, посвящённых рассуждениям о переводе. В целях исследования наивных взглядов на перевод и оценку его качества используется понятийный аппарат и приёмы анализа, разработанные в области наивной металингвистики. Фактический материал представляет собой результаты, полученные методами наблюдения, анкетирования, интервью и анализа текстов.

Анализ рассуждений конечных получателей о качестве художественного перевода свидетельствует о существовании двух основных типов ситуаций и соответствующих оценочных реакций на текст перевода. Для первого типа характерно отождествление перевода с исходным текстом, когда конечный получатель высказывает своё мнение об оригинальном произведении, не упоминая

о том, что читал его в переводе. Для второго типа ситуаций характерно упоминание о переводе и переводчике, что говорит о разграничении конечным получателем оригинала и перевода. В рассмотренном материале были выделены следующие основные категории оценочных суждений: 1) оценка конкретного результата перевода; 2) оценка уровня конкретного переводчика; 3) рассуждения конечных получателей о сущности и задачах перевода.

Оценочные суждения конечных получателей характеризуются высокой степенью поляризации, повышенной эмоциональной тональностью высказываний, высокой степенью обобщения, дискуссионным содержанием оценочных суждений, и нередко отсутствием иллюстративных примеров. Отчасти это объясняется тем, что носители обыденного сознания оценивают перевод, исходя из своих субъективных и в значительной степени интуитивных представлений о переводе и переводчиках, которые далеко не всегда совпадают с принятой в переводоведении точкой зрения.

Анализ материала включенного наблюдения преподавателя в переводческой группе, опросов респондентов, воспоминаний переводчиков, публикаций в СМИ о переводе, рекламы переводческих агентств, блогосферы и т. п. позволил выявить следующее. Сфера обыденного сознания формирует стереотипы о переводе в большей мере стихийно, в то время как точка зрения специалистов в области перевода соответствует существующим научным и образовательным канонам. Пересечение обыденного и научного представлений о переводе наблюдается в рекламе переводческих компаний. В сфере подготовки переводчиков формирование научной картины языка и перевода происходит на фоне исходной наивной картины.

Сближение научной (профессиональной) и наивной (непрофессиональной) оценки качества перевода проявляется в определённом сходстве общих показателей качества художественного перевода. Несмотря на то, что критерии оценки конечного получателя не представлены в явной форме, проведённый анализ содержательной стороны оценочных суждений позволяет сделать вывод о том, что достоинства и недостатки конкретных переводов связаны с соответствием

смыслового содержания, атмосферы и стилистики текста перевода тексту оригинала, а также с качеством переводящего языка.

Заключение

Проблема оценки качества перевода и поиск способов её решения интегрированы как в собственно переводческую деятельность, так и в её взаимодействие с внешней средой. Вопросы о *правильном* и *неправильном* переводе важны для достаточно широкой аудитории, включающей представителей переводческой отрасли, переводоведов, преподавателей и студентов переводческих отделений и, не в последнюю очередь, конечных получателей перевода. Вместе с тем, проблема оценки качества перевода имеет достаточно давнюю традицию. На протяжении всего существования перевода как вида человеческой деятельности переводчики и представители образованной элиты пытались осмыслить результаты перевода на основе оценочных критериев и требований, понимаемых в большей степени интуитивно. На этой основе происходило постепенное формирование и дальнейшая эволюция конвенциональной нормы, которая становилась главным ориентиром для всех участников переводческого процесса.

В настоящее время оценка качества перевода является эффективным механизмом развития переводческой отрасли и главнейшим инструментом в области подготовки переводчиков. Как научная проблема оценка качества перевода является своеобразной точкой пересечения теории и практики и относится к категории сложных объектов, характерной чертой которых является наличие разных подходов к её решению. Данная ситуация, обусловленная разнообразием научных парадигм с одной стороны, а с другой – индивидуальными представлениями оценивающих сторон об онтологии, технологии и общественном предназначении перевода, получила непосредственное отражение на уровне современного состояния науки в данной области.

Несмотря на то, что проблема оценки качества перевода возникает при изучении практически любого вопроса, относящегося к нормативно-теоретическому, деятельностному и дидактическому аспектам теории и практики перевода, до настоящего времени не было представлено её системного изучения и

описания. В данной работе мы пытались в какой-то степени восполнить этот пробел и рассмотреть проблему оценки качества перевода как самостоятельный объект исследования, что потребовало обращения к достаточно широкому спектру задач и реализации многоаспектного подхода к её решению.

Наше исследование проводилось в несколько этапов. В первую очередь было необходимо изучить и критически осмыслить теоретическую и нормативную литературу по данной проблематике, и в результате нами было представлено научное описание качества перевода как аксиологической переводоведческой категории. Для того чтобы получить более полное представление о проблеме *оценки качества перевода*, было введено разграничение между оценкой качества перевода, традиционно понимаемой как *результат*, и оценкой качества перевода, понимаемой как *процесс*, представляющий собой особый вид интеллектуальной деятельности, ориентированной на принятие решения.

Исследование и описание данного вида деятельности осуществлялось с использованием методов анкетирования, включённого наблюдения и моделирования. В результате нами была разработана общая модель профессиональной оценки качества перевода, отражающая её основные этапы и демонстрирующая зависимость конечного результата от таких компонентов, как *субъект оценки, цель оценки, оценочные критерии и параметры*, которые, в свою очередь, обусловлены *сферой* оценки перевода.

Анализ и последующее описание практического опыта оценочной деятельности проводилось на материале индустриальной и учебной сфер перевода с использованием методов структурно-функционального моделирования. Это позволило представить сущность и процедуру оценочной деятельности редакторов и преподавателей перевода в наиболее наглядной форме, а также выявить слабые звенья и наметить пути их устранения.

В некоторой степени закономерным этапом нашего исследования оказалось изучение вопросов об объективности оценки качества перевода и влиянии субъективного фактора на конечный результат. В этих целях было проведено экспериментальное исследование по экспертной оценке учебного перевода с

применением таких методов системного анализа, как метод простого ранжирования и метод анализа иерархий. Необходимость в проведении данного эксперимента мы видели в использовании возможностей системного анализа, заключающихся в объективизации субъективных мнений оценивающих сторон.

Одним из главных условий объективности оценки качества перевода является её обоснованность, что обеспечивается с помощью традиционной практики выявления и квалификации переводческих ошибок. Учитывая различия в подходах к изучению переводческих ошибок, обусловленных жанрово-стилевой спецификой эмпирического материала, научной парадигмой и индивидуальными интересами представителей индустриальной, учебной и научно-исследовательской сфер, мы сосредоточили внимание на оценке качества учебного перевода и разработали концепцию анализа ошибок с учётом её дидактической ориентации.

К категории наиболее дискуссионных и в то же время наименее изученных вопросов относится оценка качества перевода, осуществляемая конечными получателями. Анализ оценочных суждений конечных получателей перевода, осуществлённый на материале компьютерно-опосредованного метапереводческого дискурса, позволил сформировать представление об особенностях концептуализации понятия *качество перевода* носителями обыденного сознания.

Представленная здесь логика решения поставленных задач позволила получить следующие научные результаты, свидетельствующие о новизне использованного в данной диссертации подхода:

- представлено научное описание качества перевода как аксиологической переводоведческой категории, включающее теоретические и практические подходы к его оценке, основанные на общем принципе установления соответствия. В своей совокупности данные аспекты формируют представление о категории качества перевода как диалектическом единстве постоянства и изменчивости. Постоянство заключается в главном принципе оценки переводов – установлении его соответствия или несоответствия требованиям к переводу, обусловленным конвенциональной нормой. Изменчивость проявляется как эволюция взглядов на перевод,

свидетельствующая о том, что «правила перевода» не являются едиными и раз и навсегда установленными;

- осуществлено исследование проблемы оценки качества перевода как основного объекта и обоснована необходимость разграничения между результатом оценки качества перевода и её процессом. Показано, что процесс оценки качества перевода является особым видом интеллектуальной деятельности, ориентированной на формирование оценочного суждения о качестве перевода. Изучение деятельностного аспекта оценки качества перевода, предпринятое в русле многоаспектного подхода, объединяет теорию перевода, психологию оценки, квалиметрию и системный анализ. Реализация данного подхода позволяет получить всестороннее представление об оценочной деятельности в сфере перевода, обуславливающей характер и содержание оценочного суждения о его качестве;
- разработана общая модель профессиональной оценочной деятельности, отражающая её основные этапы и факторы, влияющие на конечный результат. Данная модель имеет иерархическую структуру, демонстрирующую зависимость между результатом оценки качества перевода и сферой оценочной деятельности, представителем которой является оценивающая сторона. Различия в понимании целей оценки качества перевода, обусловленные спецификой научно-исследовательской, индустриальной и учебной сферы, определяют выбор оценочных критериев и методов оценки, на основе которых формируется оценочное суждение о качестве перевода;
- изучен практический опыт субъектов промежуточной оценки качества перевода в переводческой отрасли и субъектов конечной оценки в учебной сфере перевода с использованием методов анкетирования, включённого наблюдения и структурно-функционального моделирования. Использование данных методов позволяет получить наглядное представление об алгоритме работы субъекта оценки и основных факторах, влияющих на принятие

решения. Модели **AS IS**, построенные на основе данных анкетирования преподавателей и редакторов перевода как лиц, выносящих профессиональное оценочное суждение, отражают реальные ситуации оценки учебного и индустриального перевода. Обнаруженные недостатки и слабые звенья учитываются в оптимизированных моделях **TO BE**, имеющих рекомендательный характер;

- исследована проблема объективности и субъективности оценки качества перевода. Объективность обеспечивается профессиональными знаниями и компетентностью оценивающей стороны, формируемыми на базе нормативной теории и документов, регламентирующих переводческую деятельность. Субъективность оценки качества перевода обусловлена влиянием представлений о переводе и приоритетами оценивающей стороны, которые оказывают значительное, а порой и решающее влияние на оценочное суждение. Показано, что при использовании измерительных и автоматизированных методах оценки качества перевода, разработанных с целью повышения объективности оценок, основные операции оценочной деятельности, к которым относятся отбор и ранжирование оценочных критериев, выбор или составление классификатора ошибок и сопоставление исходного и переводного материала, осуществляются субъектами оценки вручную, и, следовательно, не исключают влияния субъективного фактора;
- осуществлена адаптация методов системного анализа применительно к оценке качества перевода в целях исследования объективных и субъективных факторов и их влияния на результат оценки. Проведено экспериментальное исследование по экспертной оценке учебного перевода с использованием метода простого ранжирования и метода анализа иерархий. Основным ограничением метода простого ранжирования является его ориентация исключительно на получение *результатов* экспертной оценки. Метод анализа иерархий позволяет рассматривать оценочную деятельность как *процесс принятия решений*, а также учитывать влияние субъективного фактора с помощью построения дополнительной модели согласования

различных мнений, в том числе противоречивых, посредством определения их приоритетов. По результатам проведённого эксперимента сформулированы практические рекомендации по возможностям использования методов системного анализа в целях оценки качества перевода;

- доказано, что объективность оценки качества перевода повышается при использовании экспертных методов, основанных на обобщённом опыте, квалификации и интуиции специалистов в данной области знаний. Применение экспертных методов системного анализа, адаптированных к области перевода, позволяет упорядочивать оценочную деятельность на определенной структурной и методологической основе с учётом действия субъективного фактора. Данные методы позволяют объективизировать суждения экспертов о качестве конкретных переводов и получить данные о степени «разброса» между их мнениями с помощью средств статистического и математического анализа;
- показано, что различия в существующих подходах к трактовке понятия *переводческая ошибка* и многообразие принципов построения типологий переводческих ошибок объясняются спецификой научных и/или практических интересов исследователей и жанрово-стилистическими особенностями эмпирического материала. Выявление переводческих ошибок осуществляется на основе знаний и представлений о сущности перевода субъектов оценки, что в свою очередь оказывает непосредственное влияние на выбор и рейтинг используемых оценочных критериев. Предложена концепция анализа переводческих ошибок для учебной сферы перевода, ориентированная на повышение объективности оценки с учётом её дидактической составляющей в учебной сфере;
- изучены результаты оценочной деятельности представителей общественной сферы и проанализированы особенности концептуализации понятия *качество перевода* носителями обыденного сознания. Показано, что в наивной переводческой парадигме за переводом как видом

интеллектуальной деятельности и специфической технологией не закрепляется отдельной профессиональной задачи. Знание языка приравнивается к знанию слов, формирование технологических навыков подменяется накопительным знанием, а перевод оценивается на основе субъективных представлений конечного получателя о «правильном переводе».

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с анализом подходов к определению качества перевода как абсолютной оценки и качества как соответствия назначению, стандартам и запросам получателя. Актуальным направлением является разработка теоретических и методологических основ оценки качества перевода на материале полевых и экспериментальных исследований в различных видах переводческой деятельности с учётом специфики индустриальной, учебной и научно-исследовательской сфер перевода. Вполне очевидна необходимость дальнейшего поиска и апробации различных способов контроля и повышения качества с учётом новых потребностей в человеческом и машинном переводе. Последнее направление исследований по рассматриваемой проблематике видится особенно актуальным в связи с развитием в области искусственного интеллекта больших языковых моделей, которые также применяются и в сфере машинного перевода. Анализ результатов работы больших языковых моделей требует использования объективных и автоматизированных средств оценки качества перевода в форме количественных и качественных метрик, необходимых для их последующего обучения с целью постоянного совершенствования получаемых результатов.

Список литературы

1. Азгальдов Г. Г. Квалиметрия для всех. Учеб.пособие / Г. Г. Азгальдов, А. В. Костин, В. В. Садовов. – М.: ИнформЗнание, 2012. – 165 с.
2. Алгазинов Э. К. Анализ и компьютерное моделирование информационных процессов и систем. Учеб. пособие для вузов под общ. ред. А. А. Сироты / Э. К. Алгазинов, А. А. Сирота. – М.: Диалог-МИФИ, 2009. – 416 с.
3. Александрова Т. А. Оценка качества перевода: сохранение эквивалентности оригинала при переводе юридических текстов с английского языка на русский / Т. А. Александрова // Язык науки и профессиональная коммуникация. межвузовский сборник научных трудов. – Сер. "Язык науки и профессиональная коммуникация". – Саратов, 2024. – С. 18-23.
4. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб: Институт иностранных языков, 2000. – 192 с.
5. Алексеева И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
6. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
7. Аликина Е. В. Оценка качества устного последовательного перевода в реальной и учебной ситуации / Е. В. Аликина // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2011. – № 13. – С. 114-123.
8. Альбукова О. В. Обзор существующих подходов к проблеме оценки качества перевода [Электронный ресурс]. – URL: (www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/17.html) (дата обращения: 02.11.2023).
9. Андрейчиков А. В. Анализ, синтез, планирование решений в экономике / А. В. Андрейчиков, О. Н. Андрейчикова. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 464 с.

10. Анфилов В. С. Системный анализ в управлении / В. С. Анфилов, А. А. Емельянов, А. А. Кукушкин. – М: Финансы и статистика, 2005. – 368 с.
11. Асанова М. К. Оценка качества переводов в образовательных целях / М. К. Асанова // Человек и язык. – Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М.Я. Блоха. – Москва, 2024. – С. 456-461.
12. Арутюнова Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова// Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 389-390.
13. Бабанский Ю. К. Избранные педагогические труды / Ю. К. Бабанский – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.
14. Багана Ж. Акцент и ошибки как проявление интерференции / Ж. Багана, Е. В. Хапилина // Вестник Воронежского государственного университета. – Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №1. – С. 55-58.
15. Барина И. А. Перевод: «Поверженный / неверженный буквализм» / Барина И. А., Нестерова Н. М. // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2018. – № 6 (87). – С. 66-77.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
17. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
18. Батурин Н. А. Проблема оценивания и оценки в общей психологии / Н. А. Батурин // Вопросы психологии. – 1989. №2. – С. 81-89.
19. Батурин Н. А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения / Н. А. Батурин // Психология. Психофизиология. – 2008. – №31 (131). – С. 17-31.
20. Батурин Н. А. Психология оценивания и оценки. Учебное пособие. Ч. 1 / Батурин Н. А. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. – 106 с.

21. Батурин Н. А. Оценочный стиль и его место в структуре индивидуальности / Н. А. Батурин, И. В. Выбойщик // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2008. – №2. – С. 35-49.
22. Батурин Н. А. Изменение оценок под влиянием различных факторов / Н. А. Батурин, Ю. Л. Юсупова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер.: Психология. – 2008. – №33(133). – С. 4-17.
23. Батурин Н. А. Точность профессионального оценивания и пути ее повышения / Н. А. Батурин, Г. В. Карлышев // Психология. Психофизиология. – 2009. – №18 (151). – С. 11-18.
24. Батурин Н. А. Точность профессионального оценивания и пути ее повышения / Н. А. Батурин, Г. В. Карлышев // Психология. Психофизиология. – 2009. – №18 (151). – С. 11-18.
25. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: «Художественная литература», 1986, – С. 428-472.
26. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Электронный ресурс]. – URL: <http://infofolio.asf.ru/Philol/Bahtin/probltext.html> (дата обращения: 02.11.2023).
27. Беньямин В. Учение о подобию / В. Беньямин // Медиаэстетические произведения. Сб. статей. – Сер.: «Современные гуманитарные исследования». – Кн. 1. – М.: РГГУ, 2012. – 288 с.
28. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор / Л. Фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов. Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.
29. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том II / И. А. Бодуэн де Куртенэ – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
30. Борисова Е. Б. Который самый художественный / Е. Б. Борисова, В. О. Бабков, И. С. Алексеева, **Е. А. Княжева**, А. В. Ямпольская, И. С. Разина, М. Ю. Молчанов // Мосты. Журнал переводчиков. – 2025. – № 1 (85). – С. 51-66.

31. Бородулина Е. С. Параметры переводческой аксиологии: теоретическое обоснование в рамках междисциплинарного подхода / Е. С. Бородулина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 10-2. – С. 267-274.
32. Бородулина Е. С. Оценка качества перевода художественного текста: основные критерии и их теоретическое обоснование (на материале переводов британских женских романов викторианской эпохи) / Е. С. Бородулина // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3. – № 3. – С. 148-153.
33. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
34. Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование: логико-психологический анализ / А. В. Брушлинский – М.: Мысль, 1979. – 228 с.
35. Брушлинский А. В. Деятельность, действие и психическое как процесс / А. В. Брушлинский // Вопросы психологии. – 1984 – № 5. – С. 17-29.
36. Бузаджи Д. М. Белые нитки. Логические аспекты перевода / Д. М. Бузаджи // Мосты. Журнал переводчиков. № 3(11)/2006. – М.: Р.Валент, 2006. – С. 36-47.
37. Бузаджи Д. М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу / Д. М. Бузаджи // Мосты. Журнал переводчиков. – 2008. - №3(19). – М.: Р.Валент, 2008. – С. 43-59.
38. Бузаджи Д. М. Переводчик прозрачный и непрозрачный / Д. М. Бузаджи // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Выпуск 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009б. – С. 20-29.
39. Бузаджи Д. М. Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. Под ред. д.ф.н., проф. И. И. Убина / Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев – М.: Всероссийский Центр Переводов, 2009. – 118 с.

40. Бузаджи Д. М. Текст. Анализ. Перевод. Практикум по письменному переводу с английского языка на русский. Учебное пособие / Д. М. Бузаджи, В. К. Ланчиков – М.: Р.Валент, 2015. – 200 с.
41. Быстрова Е. А. Обучение русскому языку в школе. Учебное пособие / Е. А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос – М.: Дрофа, 2004. – 240 с.
42. Ванников Ю. В. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности / Ю. В. Ванников // Текст и перевод – М., 1988. – С. 34–37.
43. Вараксина В. А. Речевые ошибки иностранных студентов и причины их возникновения [Электронный ресурс]. – URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2014_n1/67285 (дата обращения: 24.04.2025).
44. Вине Ж. П. Технические способы перевода / Ж. П. Вине, Ж. Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – Москва, 1978. – С. 157–167.
45. Виноградов В. А. Стратификация нормы, интерференция и обучение языку / В. А. Виноградов // Лингвистические основы преподавания языка – М., 1983. – С. 44-65.
46. Витренко А. Г. К вопросу о терминологии современного переводоведения / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – 2002. – Вып. 463: Перевод и дискурс / Отв. ред. В. К. Ланчиков. – С. 3-16.
47. Витренко А. Г. О «стратегии перевода» / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – 2008. – Вып. 536.: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода / Отв. ред. Д. И. Ермолович. – С. 3-17.
48. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международ. отношения, 1980. – 343 с.
49. Воеводина Т. В. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода / Т. В. Воеводина // Тетради переводчика. Вып. 16. – М.: Междунар. отношения, 1979. – С. 83-91.

50. Воеводина Т. В. Устный перевод в коммуникативном аспекте и его соотношение с другими видами перевода / Т. В. Воеводина // Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. Вып. 20. – М.: Высшая школа, 1983. – С. 66-77.
51. Войнич И. В. Стратегии перевода и «видимость»/ «невидимость» перевода (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь») / И. В. Войнич // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. – С. 56-63.
52. Волгина А. С. Автопереводы Иосифа Бродского и их восприятие в США и Великобритании 1972 – 2000 гг.: Дис...канд. филол. наук: 10.01.03. – М., 2005. – 209 с.
53. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода. Монография / Т. А. Волкова. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 128 с.
54. Волкова Т. А. От модели перевода к стратегии перевода. Монография / Т. А. Волкова. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 304 с.
55. Воронин А. Н. Интеллектуальная деятельность: проявление интеллекта и креативности в реальном взаимодействии / А. Н. Воронин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. № 3. – С. 35-58.
56. Воронина И. П. К вопросу о принципах и методологии переводческой критики В. А. Жуковского [Электронный ресурс]. – URL: <http://moluch.ru/conf/phil/archive/26/1297/> (дата обращения 17.04.2025).
57. Выбойщик И. В. Оценочный стиль как один из факторов точности оценивания / И. В. Выбойщик // Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер.: Психология. – 2008. – №32(132). – С. 29-36.
58. Выбойщик И. В. Разработка метода изучения точности профессиональной оценки / И. В. Выбойщик, Д. В. Иноземцев, Г. В. Карлышев, Ю. Л. Юсупова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2010. №4 (180). – С. 58-62.
59. Выготский Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский – М.: Смысл, Эксмо, 2004. – 512 с.

60. Выготский Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский – М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
61. Гавриленко Н. Н. Междисциплинарный подход к обучению отраслевому переводу / Н. Н. Гавриленко // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2019. – Т. 8. № 29. – С. 12–23.
62. Гаврилова С. В. К вопросу об оценке качества письменного перевода / С. В. Гаврилова // Тестология. – 2022. – № 4 (16). – С. 173-187.
63. Гак В. Г. Теория и практика перевода / В. Г. Гак, Б. Б. Григорьев – М.: Либроком, 2009. – 456 с.
64. Галтаева А. В., Горбачева И. А. Алгоритмы оценки качества перевода в их применении к разным функциональным стилям / А. В. Галтаева, И. А. Горбачева // Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 4-3. – С. 82-95.
65. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Психология как объективная наука. [Электронный ресурс] Воронеж: НПО Модек, 1998. – С. 272-317 – URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=107896> (дата обращения: 23.03.2023).
66. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Учебник / Н. К. Гарбовский– М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
67. Гарбовский Н. К. Исповедь великого переводчика, или первый европейский трактат о переводе / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Сер.: 22. Теория перевода. – 2009. – № 3. – С. 3-37.
68. Гарбовский Н. К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний / Н. К. Гарбовский // Вестник Московского университета. Сер. 22.: Теория перевода. – 2015. – № 1. – С. 3-20.
69. Гарбовский Н. К. Интеллект для перевода: искусный или искусственный? / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Сер.: 22. Теория перевода. – 2019. – № 4. – С. 3-25.

70. Гарусова Е. В. «Буквализм» и «вольность» как основная переводческая оппозиция / Е. В. Гарусова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007, № 1. – С. 149-153.
71. Гейм М. О. переводе дословном и вольном. Прагматический подход к теории перевода / М. О. Гейм // Альманах переводчика: Научное издание / Сост. Н. М. Демурова, Л. И. Володарская. – М.: РГГУ, 2001. – С. 9-19.
72. Гильмуллина Е. А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Гильмуллина – СПб., 2016. – 383 с.
73. Григорьева А. К. Речевые ошибки и уровни языковой компетенции / А. К. Григорьева // Интеграция образования. – 2005. – № 1-2. – С. 209-216.
74. Григорян К. Р., Завало Д. А., Замаева Г. Н., Кудермятова Т. Д., Меликян П. М. Эквивалентность и адекватность как критерии оценки качества перевода / К. Р. Григорян, Д. А. Завало, Г. Н. Замаева, Т. Д. Кудермятова, П. М. Меликян // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы. – Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак, 2022. – С. 199-203.
75. Гридасова М. Г. Критерии оценки качества перевода / М. Г. Гридасова // Актуальные аспекты лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2024. – С. 55-64.
76. Дашинамаева П. П. От онтологии речи к моделированию перевода (послесловие к лекциям Е. Ф. Тарасова) / П. П. Дашинамаева // Вестник МГУ. – Сер. 22.: Теория перевода. – 2009. – № 3. – С. 62–73.
77. Дашинамаева П. П. Теория перевода: психолингвистический подход: учебник / П. П. Дашинамаева. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. – 360 с.
78. Дашинамаева П. П. Основы метамоделирования внутригосударственного перевода / П. П. Дашинамаева // Вестник СФВУ. – 2019. – № 3 (71). – С. 80-88.

79. Дебрэнн М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология / М. Дебрэнн – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006. – 386 с.
80. Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания / М. Дебрэнн // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т.5. – Вып. 1. – С. 12-19.
81. Демокрит. Письмо учёному соседу [Электронный ресурс]. – URL: padaread.com/?book=37813 (дата обращения 20.12.2018).
82. Десницкий А. С. Теория перевода после Ю. Найды: скопос вместо эквивалента [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/print/1595663.html> (дата обращения: 3.04.13).
83. Джавршян Н. Р. Пражский лингвистический кружок и становление культурной семиотики в 20-30-е годы XX века. Автореферат на соискание учёной степени кандидата филологических наук 10.02.19. Теория языка – М.: 2008. – 31 с.
84. Дулалаева И. Ю. Конвенциональная норма и эквивалентность в оценке качества перевода / И. Ю. Дулалаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 4. – С. 1306-1312.
85. Дымант Ю. А. Размышления об автопереводе / Ю. А. Дымант, **Е. А. Княжева** // Мосты. Журнал переводчиков. – 2022. – № 3 (75). – С. 34-44.
86. Дымант Ю. А. Метакоммуникация в переводческой деятельности В. В. Набокова / Ю. А. Дымант, **Е. А. Княжева** // Владимир Набоков: писатель и переводчик. Коллективная монография под общ. ред. Н. М. Нестеровой и Е. А. Княжевой. – М.: Флинта, 2023. – С. 135-165.
87. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике – М.: Международные отношения, 1978. – С. 137-156.
88. Елизарова Л. В., Дмитриева К. К. Объективные параметры субъективной оценки качества перевода / Л. В. Елизарова, К. К. Дмитриева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 2. – С. 30-38.

89. Есиркепова С. А. Анализ переводческих ошибок как способ совершенствования профессиональных компетенций переводчиков / С. А. Есиркепова // Филологический вестник. – 2022. – Т. 1. – № 2. – С. 4-10.
90. Жигалина В. М. Проблема переводческого решения / В. М. Жигалина // Иностранные языки: лингвистические и методологические аспекты: сборник научных трудов. Вып. 2. – Москва: Тверской гос. ун-т, 2005. – С. 99-105.
91. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин – М.: Лабиринт, 1998. – 366 с.
92. Жомин М. Современные технологии перевода: от кустарного бизнеса к поточному производству [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.logrus.ru/publications/ru-publications/9.aspx> дата обращения 03.12 2019
93. Жуковский В. А. Эстетика и критика / В. А. Жуковский – М.: Искусство, 1985. – 431 с.
94. Жумабекова А. К. Стратегии оценки качества перевода в учебной сфере / А. К. Жумабекова // Язык и культура в эпоху глобализации. – Сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. – Санкт-Петербург, 2024 а. – С. 237-240.
95. Жумабекова А. К. Отражение оценки качества перевода в международных и национальных профессиональных стандартах / А. К. Жумабекова // Didactica Translatoria. – 2024 б. – № 2. – С. 11-16.
96. Жумабекова А. К. О критериях оценки перевода в учебной сфере / А. К. Жумабекова // Человек и язык. – Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М.Я. Блоха. – Москва, 2024 в. – С. 330-334.
97. Заводникова Е. Л., Нестерова Н. М. Принцип «герменевтического круга» в философии и переводоведении / Е. Л. Заводникова, Н. М. Нестерова // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 4. – С. 20-29.

98. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. Пособие для учителей средней школы / И. А. Зимняя – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.
99. Зоммер Н. В. Концепция понятия нормы в синхронном переводе / Н. В. Зоммер // Филологический аспект. – 2022. – № 6 (86). – С. 72-80.
100. Иванова Е. Д. Проблема разработки критериев оценки качества перевода / Е. Д. Иванова // Научный аспект. – 2023. – Т. 15. – № 5. – С. 1792-1803.
101. Ивлева М. А. Влияние личности переводчика на качество научного перевода / М. А. Ивлева // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3 (50). – С. 661-664.
102. Иноземцев Д. В. Разработка методической процедуры диагностики когнитивных свойств оценщиков / Д. В. Иноземцев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология. – 2011. – № 42(259). – С. 101-105.
103. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации / О. Каде // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отношения, 1978. – С. 69-90.
104. Карева М. Д. Проблема достижимости объективности в оценке качества перевода / М. Д. Карева // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. Сост. Е. Н. Шугаева. – Астрахань, 2021. – С. 182-191.
105. Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики: пер. с англ. / Дж. К. Катфорд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
106. Кашкин В. Б. Факторная модель грамматического действия и перевод / В. Б. Кашкин // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 2. – С. 65-70.
107. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. – 3-е изд., перераб. и доп. / В. Б. Кашкин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 256 с.

108. Кашкин В. Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В. Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. – С. 41-60.

109. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса. – М.: Восточная книга, 2010. – 154 с.

110. Кашкин В. Б. Метакогнитивный аспект перевода: стереотипы обыденного и профессионального сознания / В. Б. Кашкин, **Е. А. Княжева** // Социокультурные проблемы перевода. Сборник научных трудов: материалы Международной конференции. – Воронеж, 2010. – С. 34-43.

111. Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Монография / В. Б. Кашкин – Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Выпуск 5. – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 382 с.

112. Кашкин В. Б. Концептуализация перевода в обыденном сознании и научном представлении / В. Б. Кашкин, **Е. А. Княжева** // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010 – № 1. – С. 136-141.

113. Кашкин В. Б. Метакоммуникация переводчика в переводе и автопереводе / В. Б. Кашкин, **Е. А. Княжева**, Ю. А. Дымант // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №4. – С. 103-108.

114. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика / Б. Н. Климзо. – М.: Р.Валент, 2006. – 510 с.

115. Климук А. Г. Языковая личность как фактор, определяющий качество перевода / А. Г. Климук // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. – Материалы III Международной научно-практической конференции. – Редколлегия: Е. А. Пригодич [и др.]. – 2020. – С. 641-647.

116. Княжева Е. А. Личность переводчика: имидж профессионала / Е. А. Княжева // Вопросы германской и романской филологии. Учёные записки.

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 142-145.

117. Княжева Е. А. Практический курс письменного перевода. Учебное пособие / Е. А. Княжева, И. Н. Яковлева. – Воронеж, 2010. – 55 с.

118. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики / Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 190-195.

119. Княжева Е. А. Герменевтический и трансформационный аспекты перевода реалий лингвокультурной сфере «Гастрономия» / Е. А. Княжева, М. В. Макарова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Выпуск 8. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 163-179.

120. Княжева Е. А. Владимир Набоков / Е. А. Княжева, Ю. А. Дымант // История переводов: мастер и мастерство. Учебное пособие. – Воронеж, 2011. – С. 9-30.

121. Княжева Е. А. Концептуализация качества перевода в обыденном сознании / Е. А. Княжева, А. Л. Зюзина // Язык, коммуникация и социальная среда. – № 9. – 2011. – С. 153-165.

122. Княжева Е. А. Болезни роста: теория и практика анализа переводческих ошибок / Е. А. Княжева // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». – Вып. 14. Т.1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 35-43.

123. Княжева Е. А. Переводческий анализ текста и качество перевода / Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 170-174.

124. Княжева Е. А. О переводческом методе В. В. Набокова / Е. А. Княжева, Ю. А. Дымант // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 231-247.

125. Княжева Е. А. Перевод текстов специальной сферы. Практикум по письменному переводу / Е. А. Княжева, Е. Е. Сухарева. Воронеж, 2012. – 90 с.

126. Княжева Е. А. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа / Е. А. Княжева, Е. А. Пирко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 145-151.

127. Княжева Е. А. О методах оценки качества перевода / Е. А. Княжева // Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Материалы IV Международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2013. – С. 51-58.

128. Княжева Е. А., Дымант Ю. А. О некоторых онтологических свойствах перевода в контексте теории вторичных текстов / Е. А. Княжева, Ю. А. Дымант // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – №1. – С. 88-94.

129. Княжева Е. А. О некоторых возможностях использования методов системного анализа в целях оценки качества перевода / Е. А. Княжева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 15. – С. 113-119.

130. Княжева Е. А. О теоретическом аспекте оценки качества перевода / Е. А. Княжева // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. Сборник научных трудов к юбилею профессора Г. Г. Молчановой. – М., 2015. – С. 356-359.

131. Княжева Е. А. Оценка качества перевода как многоаспектный объект исследования / Е. А. Княжева // Лингвистика без границ. Сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора В. Б. Кашкина. – Воронеж, 2016. – С. 274-287.

132. Княжева Е. А. Оценка качества перевода и проблема границ / Е. А. Княжева // Язык. Культура. Коммуникация. – 2017. – № 1-1 (20). – С. 16-23.

133. Княжева Е. А. Теория и практика оценки учебного перевода / Е. А. Княжева // Подготовка переводчиков в условиях современного рынка труда. Коллективная монография. Под общ. ред. Л. А. Борисовой, Е. А. Княжевой. – М.: Р.Валент, 2017. – С. 169-193.

134. Княжева Е. А. Обучение письменному переводу / Е. А. Княжева, И. Н. Яковлева, Ю. А. Дымант // Подготовка переводчиков в условиях

современного рынка труда. Коллективная монография. Под общ. ред. Л. А. Борисовой, Е. А. Княжевой. – М.: Р.Валент, 2017. – С. 125-154.

135. Княжева Е. А. Вопросы профессионалу. Отвечает Елена Александровна Княжева / Е. А. Княжева // Мосты. Журнал переводчиков. – 2018. – № 1 (57). – С. 15-17.

136. Княжева Е. А. О переводе и переводчике по время перемен / Е. А. Княжева // Мосты. Журнал переводчиков. – 2018. – № 1 (65). – С. 4-16.

137. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика. Монография / Е. А. Княжева – М.: Флинта, 2018. – 248 с.

138. Княжева Е. А. Осикина А. С. Исследование проблемы оценки качества индустриального перевода с использованием метода структурно-функционального моделирования / Е. А. Княжева, А. С. Осикина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Проблемы языкознания и педагогики. – № 1. – 2019 а. – С. 46-59.

139. Княжева Е. А. О разработке модели оценочной деятельности в области перевода / Е. А. Княжева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – Вып. 46. – 2019 б. – С. 20-32.

140. Княжева Е. А. Переводческое задание как инструмент взаимодействия участников процесса перевода / Е. А. Княжева, Т. Ю. Боровкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2021. – № 53. – С. 23-40.

141. Княжева Е. А. Лингвистический и переводческий аспекты изучения экологического дискурса / Е. А. Княжева // Язык. Коммуникация. Социальная среда. – 2021. – № 19. – С. 78-91.

142. Княжева Е. А. Наивная критика перевода как информация к размышлению / Е. А. Княжева // Язык. Культура. Коммуникация. – 2021. – № 23. – С. 49-55.

143. Княжева Е. А. Структура и содержание курса «Оценка качества перевода» / Е. А. Княжева // Коллективная монография. Под общ. ред Н. Н. Гавриленко. – М.: ФЛИНТА, 2022. – С. 66-97.

144. Княжева Е. А. Оценка качества перевода специальной литературы: диахронический аспект исследования / Е. А. Княжева, К. И. Таунсенд // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2023 а. – №12 (880). – С. 48-54.

145. Княжева Е. А. Оценка качества перевода в учебной и производственной сферах: взаимное дополнение или конфликт интересов? / Е. А. Княжева // Перевод как профессия, наука, творчество. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х томах. – М., 2023 б. С. 289–297.

146. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика: монография. 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2023 в. – 248 с.

147. Княжева Е. А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода / Е. А. Княжева // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 1, Т. 17. – МГУ, 2024 а. – С. 98-119.

148. Княжева Е. А. Оценка качества перевода как вид интеллектуальной деятельности и методы её исследования / Е. А. Княжева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024 б. – № 5 (886). – С. 48-55.

149. Княжева Е. А. Если не избежать, то / Е. А. Княжева // Мосты. Журнал переводчиков. – 2024. – № 3 (83). – С. 41-45.

150. Княжева Е. А. О парадоксе границы между теорией и дидактикой перевода / Е. А. Княжева // Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира. Сборник научных статей по итогам четвёртой международной научной конференции. – Нижний Новгород, 2024. – С. 171-178.

151. Княжева Е. А. О некоторых результатах и перспективах исследования оценки качества перевода как научной проблемы / Е. А. Княжева // Вестник

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2025. – Вып. 2 (70). – С. 24-43.

152. Ковальчук Е. А. Оценка качества перевода: проблема поиска эффективных методов, стандартов и параметров / Е. А. Ковальчук // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2010. - № 11-2(2). – С. 81-85.

153. Козловская В. А. Оценка качества перевода: новые методы и потенциал развития / В. А. Козловская // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. Сборник научных трудов. Под редакцией В. А. Иконниковой, Е. В. Глушко, Н. А. Гусейновой. – Москва, 2022. – С. 130-133.

154. Козловская В. А. Оценка качества перевода: новые методы и потенциал развития / В. А. Козловская // Современное профессиональное образование. – 2023. – № 2. – С. 55-57.

155. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

156. Комиссаров В. Н. Новые тенденции в переводоведении / В. Н. Комиссаров // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сборник науч. трудов. Часть I. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. – С. 62-77.

157. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров – М.: ЭТС, 1999 а. – 192 с.

158. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров – М.: ЧеРо, 1999 б. – 136 с.

159. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров – М.: ЭТС, 2001. – 408 с.

160. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

161. Кондрашов Н. А. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей / Н. А. Кондрашов. – М., 1967. – 56- с.

162. Корнаухова Н. Г. Перевод как средство противостояния культурной манипуляции / Н. Г. Корнаухова // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сборник научных трудов. Сер.: Язык. Культура. Коммуникация. Вып.14. Том 2. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 69-78.

163. Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного / В. Г. Костомаров О. Д. Митрофанова – М.: Русский язык, 1990. – 270 с.

164. Крамная Е. С., Руднева М. А. Оценка качества перевода специальных текстов: современные подходы / Е. С. Крамная, М. А. Руднева // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. – Сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. – Москва, 2020. – С. 305-311.

165. Красиков Ю. В. Теория речевых ошибок / Ю. В. Красиков – М. Наука, 1980. – 124 с.

166. Краткий курс по управлению качеством: учебное пособие [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/73387.html> (дата обращения: 04.12.2023).

167. Кросби Ф. Б. Качество и я. Жизнь бизнесмена в Америке / Ф. Б. Кросби. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2003. – 264 с.

168. Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок и их электронная разметка в brat [Электронный ресурс]. – URL: <https://rus-ltc.org/references/classif.pdf>. (дата обращения 17.05.2018).

169. Куниловская М. А. Понятие и виды переводческих ошибок. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tc.utmn.ru/node/76> (дата обращения 19.10.2018).

170. Ланчиков В. К. Язык переводов как отражение их коммуникативной специфики / В. К. Ланчиков // Проблемы теории, практики и дидактики перевода:

сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.14. Том 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2011. – С. 58-66.

171. Ланчиков В. К. Огранка смысла. Очерки теории перевода (художественная литература, публицистика) / В. К. Ланчиков – М.: Р.Валент, 2018. – 312 с.

172. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев – Москва: НВИ: ТЕЗАУРУС, 2001. – 280 с.

173. Латышев Л. К. Перевод. Теория, практика и методика преподавания: Учебник / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М.: Академия, 2008. – 192 с.

174. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Пособие по переводу с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая., А. М. Фитерман. – М.: Высшая школа, 1973. – 136 с.

175. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Проблемы перевода (на материале современного английского языка) / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 208 с.

176. Левый И. Искусство перевода / И. Левый – М.: Прогресс, 1974. – 395 с.

177. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев – М.: Просвещение, 2007. – 214 с.

178. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность / А. Н. Леонтьев – М.: Политическая литература, 1975. – 304 с.

179. Лилова А. А. Современная критика художественного перевода и некоторые нерешенные проблемы / А. А. Лилова // Литература и перевод: Проблемы теории. Международная встреча учёных и писателей. 27 февраля – 1 марта 1991 года / сост. П. М. Топер, П.Х. Ганиев. – М.: Прогресс; Литера, 1992. – С. 186-191.

180. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992. [Электронный ресурс]. – URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (дата обращения: 08.09.2024).

181. Лотман Ю. М. Три функции текста / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 11-22.
182. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода: пер. с исп. / З. Д. Львовская. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
183. Макарова А. В. Подходы к оценке качества профессиональной деятельности переводчика: критический обзор / А. В. Макарова // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2023. – № 16. – С. 157-163.
184. Малявина А. Н. Оценка качества письменного перевода: критерии и возможности / А. Н. Малявина // Перевод как профессия, наука, творчество. – Сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Москва, 2025. – С. 82-91.
185. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода / Ю. Н. Марчук. – М., 1985. – 201 с.
186. Марчук Ю. Н. Модели перевода: учебное пособие для студентов учреждений высших профессионального образования / Ю. Н. Марчук. – М.: Академия, 2010. – 176 с.
187. Маршак С. Я. Поэзия перевода // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 6 / С. Я. Маршак – М.: Художественная литература, 1971. – С. 371-375.
188. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике / Г. П. Мельников // Системные исследования. Ежегодник 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 183–204.
189. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19. Теория языка / А. Г. Минченков. – Санкт-Петербург, 2008. – 43 с.
190. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. – Миньяр-Белоручев – М.: Московский лицей, 1996. – 208 с.
191. Мухин В. И. Исследование систем управления / В. И. Мухин. – М.: «Экзамен», 2006. – 479 с.

192. Мякшин К. А. Предпереводческий анализ текста и качество письменного перевода / К. А. Мякшин // Культурно-социологические аспекты современного общества. – Сборник статей международной научной конференции. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 50-53.
193. Мякшин К. А. Анализ и оценка исходного текста и качество письменного перевода / К. А. Мякшин // Исследования и инновации: синергия знаний и практики. – Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 368-376.
194. Мякшин К. А. Типология переводческих ошибок: проблема классификации, причины возникновения, переводческая компетенция (на материале английского языка) / К. А. Мякшин // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2024. – № 1 (28). – С. 91-95.
195. Набоков В. В. Предисловие к «Герою нашего времени» / В. В. Набоков // Новый мир. – М.: 1988. – № 4. – С. 189-195.
196. Найда Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 114-137.
197. Нелюбин Л. Л. Введение в технику перевода / Л. Л. Нелюбин – М.: ФЛИНТА: Наука 2009. – 216 с.
198. Нелюбин Л. Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособие / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. – М.: Флинта: МПСИ, 2006. – 416 с.
199. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.19. Теория языка / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 42 с.
200. Нестерова Н. М. «Чужое вмиг почувствовать своим»: диалектика вторичности перевода / Н. М. Нестерова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Язык и межкультурная коммуникация. – 2005. – №1. – С. 92-97.

201. Нестерова Н. М. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм / Н. М. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291. – С. 235–238.
202. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов / Н. М. Нестерова, Ю. К. Попова // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 4. – С. 52-61.
203. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О специфике перевода постмодернистских художественных текстов (на материале произведений А. Байетт и их переводов на русский язык) / Н. М. Нестерова, Ю. К. Попова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1-2 (67). – С. 151-157.
204. Нестерова Н. М. «Свое / чужое» в переводе. / Н. М. Нестерова // В сборнике: Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Свое. Чужое. Универсальное. Сборник статей. Сер. «Теория и история языкознания». – Центр гуманитарных научно-информационных исследований. – М., 2019. – С. 89-101.
205. Орёл М. А. Передача терминологии как основа качества экономического перевода / М. А. Орёл // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.15. Том 1. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2012. – С. 116-130.
206. Ортега-и-Гассет Хосе. Нищета и блеск перевода [Электронный ресурс]. –URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm> (дата обращения: 10.04.2018).
207. Павлова А. В. Оценка качества перевода / А. В. Павлова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2012. – №6. – С. 18-39.
208. Петрова О. В. Модель предпереводного анализа текста / О. В. Петрова // Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2007. – С. 38-42.

209. Петрова О. В. Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе / О. В. Петрова // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 13. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. – С. 17-23.

210. Петрова О. В. Прагматическая адаптация при переводе специального текста / О. В. Петрова // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы междунар. науч. конф-ции. Вологда, 9-11 апреля 2014 г. – Вологда: ВоГУ; Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2014. – С. 46-47.

211. Петрова О. В. Я перевожу, следовательно, я мыслю / О. В. Петрова // Лингвистика без границ. Сборник статей памяти доктора филологических наук, профессора В. Б. Кашкина. Под ред. К. М. Шилихиной. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – 467 с.

212. Пищальникова В. А. СМИ как среда формирования новых когнитивных структур / В. А. Пищальникова // Человек в информационном пространстве: понимание в коммуникации: сборник научных трудов в 2-х томах. – Т. 1. – Ярославль: Яросл. гос. педагог. ун-т им. К. Д. Ушинского. – 2017. – С. 39–43.

213. Пищальникова В. А., 2018. «Эффект бабочки»: трансформация знака в массмедиа как когнитивная проблема / В. А. Пищальникова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 35. – С. 158-164.

214. Пищальникова В. А., 2019. Amabilis insania, или трансформация знакообразования в массмедиа / В. А. Пищальникова // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 2. – 2019. – № 2. – С. 124–130.

215. Пищальникова В. А. Функциональная неграмотность как следствие «смены субъекта мышления» / В. А. Пищальникова, Н. А. Фененко // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер.: 2. Языкознание. – 2022. – Т. 21., № 3. – С. 5–16.

216. Ползунова Н. Н. Исследование систем управления / Н. Н. Ползунова, В. Н. Краев – М.: Академический проект, 2004. – 176 с.

217. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов – М.: Наука, 1968. – 376 с.

218. Полубоярова М. В. Защищались – веселились, подсчитали – прослезились / М. В. Полубоярова, К. И. Таунсенд // Мосты. Журнал Переводчиков. – М.: Р.Валент, 2023. – № 1 (77) – С. 67-75.

219. Полубоярова М. В. Теория перевода. Английский язык / М. В. Полубоярова, К. И. Таунсенд – М.: МГЛУ, 2024. – 136 с.

220. Полякова Н. В. Основные подходы к оценке качества письменного перевода / Н. В. Полякова // Язык. Общество. Образование. – Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. Под редакцией Ю. В. Кобенко. – Томск, 2021. – С. 126-131.

221. Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-54-64> (дата обращения: 23.03.2023).

222. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Э. Прунч – М.: Р. Валент, 2015. – 512 с.

223. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер – М.: Высшая школа, 1965. – 159 с.

224. Савцева В. В. Философские аспекты квалиметрической методологии / В. В. Савцева // Научный вестник МГТУГА. – 2014. – №203. – С. 144-146.

225. Райс К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202-228.

226. Ревзин И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг – М.: Высшая школа, 1964. – 244 с.

227. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Теория и методика учебного перевода. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. – С.156-183.

228. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича / Я. И. Рецкер. – 3-е изд., стереотип. – М.: «Р.Валент», 2007. – 244 с.

229. Робинсон Дуглас. Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода. 2-е изд. / Дуглас Робинсон. – М.: Кудиц-Пресс, 2007. – 304 с.
230. Романова Е. Н. Методы оценки качества перевода в процессе подготовки будущих переводчиков / Е. Н. Романова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 4-3 (118). – С. 111-113.
231. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2008. – 713 с.
232. Рыбкин С. Ф. Нормирование переводческого процесса [Электронный ресурс] // URL: <http://www.trworkshop.net/wiki> (дата обращения 12.01.2021).
233. Рябко Е. И. Оценка качества художественного перевода и его социальной значимости / Е. И. Рябко // Индустрия перевода. – 2020. – Т. 1. – С. 133-138.
234. Рябко Б. Я., Савина Н. Н. Применение теоретико-информационного метода для количественного анализа качества переводов / Б. Я. Рябко, Н. Н. Савина // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2025. – № 3. – С. 22-29.
235. Саати Т. Аналитическое планирование. Организация систем / Т. Саати, К. Кернс – М.: Радио и связь, 1991. – 224 с.
236. Сатаева Г. С., Данилина Л. Ю. К вопросу оценки качества перевода художественных произведений / Г. С. Сатаева, Л. Ю. Данилина // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. – 2024. – № 3. – С. 69-73.
237. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад 2007. – 448 с.
238. Сдобников В. В. Критерии оценки качества перевода и типология переводческих ошибок / В. В. Сдобников // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов. Сер.: Язык. Культура. Коммуникация. – 2007. – Выпуск 8 – С. 182-197.
239. Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводеведении / В. В. Сдобников // Вестник Московского

университета. Сер.: 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вып.2. – 2009. – С. 19-30.

240. Сдобников В. В. Переводческие находки vs переводческие ошибки / В. В. Сдобников // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2009. – № 4. – С. 151-155.

241. Сдобников В. В. Процесс перевода как объект психолингвистического исследования / В. В. Сдобников // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета – 2010 а. – № 2-2. – С. 107-111.

242. Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в западном переводеведении / В. В. Сдобников // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010 б. – № 10 (54). – С. 53-57.

243. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В. В. Сдобников // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2011. – № 14. – С. 114-124.

244. Сдобников В. В. Переводческий дискурс: проблема разграничения стратегий / В. В. Сдобников // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 13. – С. 782-788.

245. Сдобников В. В. Качество перевода с точки зрения его получателя / В. В. Сдобников // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2013. – Т. 8. – № 1. – С. 219-230.

246. Сдобников В. В. Так кто же оценивает качество перевода? / В. В. Сдобников // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – 2024. – Т. 9. – № 2. – С. 86-92.

247. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). Монография. / В. В. Сдобников – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015 а. – 112 с.

248. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация. Монография / В. В. Сдобников – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015 б. – 463 с.

249. Сдобников В. В. Оценка качества перевода в аудитории и в реальной жизни / В. В. Сдобников // Перевод и сопоставительная лингвистика: период. науч. журнал. – Вып. 11. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гуманит. ин-та, 2015 в. – С. 41-45.
250. Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу: в защиту здравого смысла / В. В. Сдобников // Лингвистика без границ. Сб. статей памяти д-ра филол. наук, проф. В. Б. Кашкина. Под ред. К. М. Шилихиной. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. – С. 264-274.
251. Сдобников В. В. Принципы профессионального редактирования переводов / В. В. Сдобников // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 2. – С. 152–156.
252. Сдобников В. В. Психолингвистический подход к выявлению переводческих ошибок / В. В. Сдобников // Теоретические и практические аспекты изучения речевой деятельности. – 2020. – Т.13. – № 6. – С. 89-98.
253. Сдобников В. В. Объективное и субъективное в редактировании перевода / В. В. Сдобников // Научный диалог. – 2021. – № 2. – С. 107-126.
254. Сдобников В. В. Переводоведение как междисциплинарная наука / В. В. Сдобников // Современная лингвистика: междисциплинарные исследования. – М., 2024. – С. 210-227.
255. Селиванов Ф. А. Проблемы теории ошибок /Ф. А. Селиванов // Проблемы методологии и логики наук. Учен. зап. – Томск, 1970. – Вып. 6. – № 85. – С. 59-63.
256. Семенов А. Л. Основные положения общей теории перевода: Учебное пособие / А. Л. Семёнов. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2005. – 99 с.
257. Семко С. А. Проблемы общей теории перевода / С. А. Семко, В. А. Калмыков, С. А. Дубинко. – Таллин: Валгус, 1988. – 200 с.
258. Семко С. А. Лекции по теории перевода // Сер.: Язык. Культура. Коммуникация. – Вып.5. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – 136 с.

259. Сказочкина Т. В. Метод оценки перевода лексических единиц в художественном произведении / Т. В. Сказочкина // Тестология. – 2024. – № 6 (18). – С. 53-66.
260. Скибина В. И. Роль переводческих трансформаций в оценке качества перевода художественного текста (на материале переводов прозы С. Кинга) / В. И. Скибина // Научное и образовательное пространство в условиях вызовов современности. – Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2021. – С. 143-148.
261. Соснин А. В., Балакина Ю. В., Кащихин А. Н. Взаимосвязь экспертных категорий и автоматических метрик, используемых для оценки качества перевода / А. В. Соснин, Ю. В. Балакина, А. Н. Кащихин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 125-148.
262. Станиславский А. Р. К решению коммуникативной проблемы в техническом переводе: переводческое задание // Филология и литературоведение. 2014. № 11 [Электронный ресурс] // URL: <http://philology.snauka.ru/2014/11/1026> (дата обращения: 11.09.2020).
263. Таунсенд К. И. О переводе и переводчиках в России XVIII века / К. И. Таунсенд. – М.: Р.Валент, 2020. – 200 с.
264. Таунсенд К. И. Перевод как фактор развития национального языка и культуры России XVIII века: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: специальность 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / К. И. Таунсенд. – М., 2021. – 39 с.
265. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – 3-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – 352 с.
266. Тихомиров О. К. Структура мыслительной деятельности человека / О. К. Тихомиров. – М.: Издательство Московского университета, 1969. – 304 с.
267. Тишаева Н. В., Малютин Т. А. Единица перевода и проблема качества перевода / Н. В. Тишаева, Т. А. Малютин // Научный потенциал. – 2020. – № 3 (30). – С. 103-107.

268. Тишин Д. В. Количественная оценка качества письменного перевода. Практический опыт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.allcorrect.ru/files/attached_files/TQ-Metric_compared_0.pdf (дата обращения: 01.11.2017).

269. Тури Г. В поисках теории перевода / Г. Тури. – Тель-Авив: Институт поэтики и семиотики Портера, Тель-Авивский университет. – 1980. – 159 с.

270. Убин И. И. Перевод в европейском сообществе: объём перевода и оценка качества перевода. Обзор. Под ред. И. И. Убина / И. И. Убин, И. А. Пушнов. – М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2011. – 56 с.

271. Успенский Ю. Л. О профилактике типичных ошибок в письменном переводе и критерии оценки его качества / Ю. Л. Успенский // Проблемы обучения переводу в языковом вузе. Тезисы докладов Первой Международной научно-практической конф-ции. 16-17 апреля 2002 г. – М.: МГЛУ, 2002. – С. 42-45.

272. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Учебное пособие / А. В. Фёдоров. – М.: С-Пб. Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.

273. Федюковский А. А. Переводческие ошибки: классификационный и лингвометодический аспекты / А. А. Федюковский // Человек и текст. – Материалы V Международной лингвокультурологической конференции, посвященной 190-летию посещения г. Симбирска А. С. Пушкиным. – Ульяновск, 2023. – С. 66-72.

274. Федюковский А. А. Проблемы классификации переводческих ошибок / А. А. Федюковский // *Lingua Academica*: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск, 2024. – С. 162-169.

275. Фрей А. Грамматика ошибок. Сер.: Женевская лингвистическая школа / А. Фрей. – М.: КомКнига, 2006. – 304 с.

276. Царахова Э. Н. Нормативные требования к переводу / Э. Н. Царахова // Государство, общество, личность: история и современность. – Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2021. – С. 196-199.

277. Цвиллинг М. Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода / М. Я. Цвиллинг // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: межвузовский сборник научных трудов. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1991. – С. 151–156.
278. Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции / М. Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 116-123.
279. Цвиллинг М. Я. О критериях оценки перевода / М. Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках. Сборник научных статей. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 56-63.
280. Цзюньлин Гу. Система классификации переводческих ошибок / Гу Цзюньлин, Хуан Чжунлянь // Вестник Московского университета. Сер.: 22. Теория перевода. – 2016.– № 3. – С. 26-40.
281. Чеботарев П. Г. Перевод как средство и предмет обучения. Науч.-метод. Пособие / П. Г. Чеботарев. – М.: Высш. школа, 2006. – 319 с.
282. Чемезов Я. Р. Применение индекса TQI для повышения качества перевода / Я. Р. Чемезов // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 261-272.
283. Черкасов Л. Н. Когнитивный и системный подходы в лингвистике и лингводидактике / Л. Н. Черкасов // Ярославский педагогический вестник – 2012 .– № 3. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 105-109.
284. Чуковский К. И. Собрание сочинений 15 т. / К. И. Чуковский. – Т. 3. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 640 с.
285. Чуковский К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М.: «Художественная литература», 1966. – 388 с.
286. Шалыт И. С. Качество перевода технической документации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.intent93.ru/useruploads/files/Lecture.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
287. Шапошников В. А. Квалиметрия. Учебное пособие для вузов / В. А. Шапошников. – Екатеринбург: РГППУ, 2016. – 134 с.

288. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 415 с.
289. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 280 с.
290. Швейцер А. Д. Междисциплинарный статус теории перевода / А. Д. Швейцер // Тетради переводчика. – Вып. 24. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 20-31.
291. Швец Т. П. Методика применения количественных метрик для оценки качества письменного военно-технического перевода в образовательном процессе / Т. П. Швец // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования – 2018. – № 4 (21). – С. 157-160.
292. Шевнин А. Б. Эрратология: пути становления [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/erratologiya-puti-stanovleniya>) (дата обращения 05.10. 2013).
293. Шевнин А. Б. Общая, или универсальная, эрратология / А. Б. Шевнин // Вестник ВЭГУ. – 2009. – № 3. – С. 110-116.
294. Шевнин А. Б. Переводческая эрратология: теория и практика / А. Б. Шевнин. – Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2010. – 138 с.
295. Шевнин А. Б. Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/erratologiya-teoriya-oshibok-i-perevodcheskih-nesootvetstviy/viewer> (дата обращения 05.10. 2013).
296. Шейко А. М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода / А. М. Шейко // Казанский лингвистический журнал. – 2023. – № 6(2). – С. 282-293.
297. Шейко А. М. Определение критериев оценки качества письменного перевода / А. М. Шейко // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 1 (36). – С. 149-155.
298. Шершнева Н. Б. Параметры качества учебного перевода как модель аутентичной оценки при подготовке переводчиков / Н. Б. Шершнева // Когнитивно-

дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. Сборник научных трудов. Под редакцией И.П. Хутиз. – Краснодар, 2022. – С. 222-228.

299. Шлепнёв Д. Н. Стратегия переводчика / Д. Н. Шлепнёв // Проблемы языка, перевода и межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.3. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2002. – С. 211-229.

300. Шлепнёв Д. Н. Вероятные истоки уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова / Д. Н. Шлепнёв // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – Материалы VII Международной научно-практической конференции. – Симферополь, 2023. – С. 407-412.

301. Шлепнёв Д. Н. Релевантность: содержание и законное место в теории / Д. Н. Шлепнёв // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 2-2 (58). – С. 371-374.

302. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 24-39.

303. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.

304. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – Санкт-Петербург: Corpus, 2006. – 736 с.

305. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: Сборник научных статей. – М.: Прогресс, 1975. – с. 193-238.

306. Aldabergenova A. Translation solutions and translation quality assessment / A. Aldabergenova // Человек и язык. – Материалы международной научно-практической конференции «Человек и язык», посвященной памяти профессора М.Я. Блоха. – Москва, 2024. – С. 307-312.

307. Al-Qinai J. Translation Quality Assessment. Strategies, Parametres and Procedures / J. Al-Qinai // Meta: Translators' Journal. – Vol. 45. – No 3. – 2000. – pp. 497-519.

308. Baker M. In Other Words. A coursebook on translation / M. Baker – Routledge, London & New York, 1992. – 305 p.
309. Barghout M. A-M. Translation quality assessment. An application of a rhetorical model: A Thesis presented for the Degree of Doctor of Philosophy / M. A-M. Barghout. – University of Salford, 1990. – 286 p.
310. Bassnett S. Translation Studies (New Accents) / S. Bassnett. – N.Y.: Routledge, 3rd edition, 2002. – 188 p.
311. Bassnett S. Culture and Translation / S. Bassnett // A companion to Translation Studies // Ed. by Piotr Kuhiwczak and Karin Littau. – Multilingual Matters Ltd., 2007. – pp. 13-23.
312. Catford J. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics / J. Catford. – London: Oxford University Press, 1965. – 103 p.
313. Chao H. Translation quality assessment: a critical methodological review / H. Chao // The Translator. – October 2020. – pp. 257-273 // URL: <https://doi.org/10.1080/13556509.2020.1834751> (дата обращения 01.10. 2023).
314. Chesterman A. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory / A. Chesterman – John Benjamins Publishing Company: Amsterdam/Philadelphia, 1997. – 115 p.
315. Chesterman A. Can theory help translators? A dialog between the ivory tower and the wordface / A. Chesterman, E. Wagner. – Manchester: St. Jerome publishing, 2002. – 152p.
316. Daems J. Quality as the sum of its parts: A two-step approach for the identification of translation problems and translation quality assessment for HT and MT+PE / J. Daems, L. Macken, S. Vandepitte. – URL: www.mt-archive.info/10/MTS-2013-W2-Daems.pdf (дата обращения: 23.03.2023).
317. Delisle J. La traduction raisonnée: manuel d'initiation à la traduction professionnelle de l'anglais vers le français / J. Delisle – Ottawa: Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1993. – 484 p.

318. Eco U. Interpretation and Overinterpretation / U. Eco. – URL: https://tannerlectures.org/wp-content/uploads/sites/105/2024/06/Eco_91.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

319. Dymant Yu. A., Knyazheva Ye. A. The Role and Place of Metatext in Vladimir Nabokov's Translations and Self-Translations. / Yu. A. Dymant, **Ye. A. Knyazheva** // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 24–33 doi 10.17072/2073-6681-2025-1-24-33. EDN MWUBFM (In Eng.).

320. Gile D. A Communication-Oriented Analysis of Quality in Non-Literary Translation and Interpretation / D. Gile // Translation: Theory and Practice. Tension and Interdependence: American Translators Association Scholarly Monograph Series. Volume V / Ed. by Mildred L. Larson. – State University of New York at Binghamton, 1991. – pp.188-200.

321. Gile D. Les fautes de traduction: une analyse pédagogique / D. Gile // Meta: Journal des traducteurs. – 1992. – Vol. 37, № 2. – pp. 251–262.

322. Gladkoff S., Sorokina I., Lifeng Han, Alekseeva A. Measuring Uncertainty in Translation Quality Evaluation (TQE) / S. Gladkoff, I. Sorokina, Lifeng Han, A. Alekseeva // Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference. – Marseille, 2022. – PP. 1454–1461.

323. Gouadec D. Translation as a Profession / D. Gouadec – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. – 396 p.

324. Guidère Mathieu. The Translation of Advertisements: From Adaptation to Localization / M. Guidère. – URL: <http://www.translationdirectory.com/article60.htm> (дата обращения: 23.03.2023).

325. Han L. Jones, Gareth J. F. and Smeaton, Alan F. Translation Quality Assessment: A Brief Survey on Manual and Automatic Methods /L. Han, G. Jones, A. Smeaton URL: <https://aclanthology.org/2021.motra-1.3.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).

326. Hatim Basil, Mason Ian. The Translator as Communicator / B. Hatim, I. Mason. – London, New York: Routledge, 2005. – 217 p.

327. Heylen R. Theories of Translation: From Normative Approaches Towards Socio-Cultural Description / R. Heylen. – The University of Iowa, 1987. – 219 p.
328. House J. Translation / J. House. – Oxford, Oxford University Press, 2009. – 122 p.
329. House J. Translation Quality Assessment: A Model Revisited / J. House. – Gunter Narr Verlag, 1997. – 207 p.
330. House J. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation? / J. House // Meta, XLVI, 2/ – 2001. – pp. 243-257.
331. International Standard. Translation services – Requirements for translation services. ISO 17100:2015 (E). Geneva, 2015. – 34 p.
332. House J. Translation Quality Assessment: Past and Present / J. House. – London and New York: Routledge, 2015. – 160 p.
333. Gural` S. K. Analysis of efficiency of translation quality assurance tools / S. K. Gural`, Ya. R. Chemezov // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. pp. 360-363.
334. Khanmohammad H., Osanloo M. Moving toward objective scoring: a rubric for translation assessment / H. Khanmohammad, M. Osanloo // Journal of English language Studies. – 2009. – No. 1. – PP. 131-153.
335. Klaudy K. Quality Assessment in School vs Professional Translation / K. Klaudy // Teaching Translation and Interpreting-3. New Horizons. Papers from the Third Language International Conference. Elsinore, Denmark 9-11 June, 1995. Ed. By Gay Dollerup, Vibeke Appel. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. – pp. 197-204.
336. Koller W. The Concept of Equivalence and the Object of Translation Studies / W. Koller // Target. International Journal of Translation Studies, Volume 7, Issue 2, Jan 1995, p. 191 – 222. – DOI: <https://doi.org/10.1075/target.7.2.02kol> (дата обращения: 23.03.2023).
337. Leyang W. Review of Translation Quality Assessment Research: Current Studies and Development / W Leyang, Ch. Qingyun // Sch Int J Linguist Lit, 2023. – № 6 (12). – pp. 473-477.

338. Makoushina Ju. Translation Quality Assurance Tools: current state and future approaches / Ju. Makoushina // *Translating and the Computer*. – 2007 – (29). – URL: <https://aclanthology.org/2007.tc-1.8.pdf> (дата обращения: 23.03.2023). (In Eng.)

339. Mason I. Communicative/functional approaches / I. Mason // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* / Ed. by Mona Baker. – Routledge, London and New York, 2005. – pp. 29-33.

340. Matenova Feruza Maxamatali Qizi, Abduganiyeva D. R. Translation quality assessment / Feruza Maxamatali Qizi Matenova, D. R. Abduganiyeva // *Scientific progress*. – 2023. – Vol. 4. – No. 1. – PP. 84-89.

341. McAlester G. The Evaluation of Translation into a Foreign Language / G. McAlester // Chr. Schäffner and B. Adab (eds.), *Developing Translation Competence*. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – 2000. – pp. 229-241.

342. Mercader-Alarcón J., Sánchez-Martínez Analysis of translation errors and evaluation of pre-editing rules for the translation of English news texts into Spanish with Lucy LT / J. Mercader-Alarcón, F. Sánchez-Martínez // *Tradumàtica tecnologies de la traducció*. – 2016. – No.14. – PP. 172-186.

343. Mikolič T. J. Assessment Feedback in Translator Training: a Dual Perspective / T. J. Mikolič // *New Horizons in Translation Research and Education 1* / Ed. by Nike K. Pokorn, Kaisa Koskinen. – Joensuu: University of Eastern Finland, 2013. – pp. 75-99.

344. Munday Jeremy. *Introducing Translation Studies. Theories and Applications*. Routledge, London and New York, 2001. – 217 p.

345. Munkova D., Hajek P., Munk M., Skalka J. Evaluation of Machine Translation Quality through the Metrics of Error Rate and Accuracy / D. Munkova, P. Hajek, M. Munk, J. Skalka // *Procedia Computer Science*. – 2020. – Vol. 171. – PP.1327-1336.

346. Newmark P. *A Handbook of Translation* / P. Newmark. – London: Prentice Hall, 1988. – 292 p.

347. Nida E. *Toward a Science of Translating* / E. Nida. – Leiden, 1964. – 331 p.

348. Nord C. The Translation Brief as a Guideline for the Trainee Translator / C. Nord. – 1997. – URL: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/desterro/article/.../9484> (дата обращения: 23.03.2023).

349. Nord C. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation / C. Nord // *Artigos e comunicações: Confluências – Revista de Tradução Científica e Técnica*. – No 4, Maio, 2006. – pp. 29-41.

350. Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-oriented Text Analysis / C. Nord/ – Foreign Language Teaching and Research Press, 2005. – 274 p.

351. Nord C. Translation as a Purposeful Activity / C. Nord. – Manchester: St. Jerome, 1997. – 154 p.

352. Nord C. Defining Translation Functions. The Translation Brief as a Guideline for the Trainee Translator / C. Nord – URL: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/desterro/article/view/9208> (дата обращения: 23.03.2023).

353. Petrova V. Translation Quality Assessment Tools and Process in Relation to CAT Tools / V. Petrova // *Proceedings of the 2nd Workshop on Human-Informed Translation and Interpreting Technology (HiT-IT 2019) Varna, Bulgaria, September 5-6*. URL: https://doi.org/10.26615/issn.2683-0078.2019_011. (дата обращения 04.11. 2022).

354. Pym A. Translation Error Analysis and the Interface with Language Teaching / A. Pym // *The Teaching of Translation*. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – pp. 279–288.

355. Pym A. Redefining Translation Competence in an Electronic Age. In *Defence of a Minimalist Approach* / A. Pym // *Meta: Translators' Journal*. Volume 48. – № 4. – 2003. – pp. 481-497.

356. Pym A. *Exploring Translation Theories* / A. Pym. – Routledge, London and New York, 2010. – 190 p.

357. Reiss K. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. Translated from German by Christiane Nord / K. Reiss, H. Vermeer. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2013. – 221 p.
358. Robinson Douglas. Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2003. – 301 p.
359. Salmani B. Dynamic assessment of translation quality: A new approach to translator development / B. Salmani // Teaching English Language. – 2023. – Vol. 17(1). – P. 335-358. – URL: <https://doi.org/10.22132/TEL.2022.169210> (дата обращения 04.03.2024).
360. Sawyer David B. Fundamental Aspects of Interpreter Education. Curriculum and Assessment. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. – 310 p.
361. Schiaffino Riccardo, Zearo Franco. Translation Quality Measurement in practice. – 2005 URL: https://www.researchgate.net/publication/242217004_TRANSLATION_QUALITY_MEASUREMENT_IN_PRACTICE (дата обращения: 23.03.2023).
362. Schütz J. Deploying the SAE J2450 Translation Quality Metric in Language Technology Evaluation Projects IAI / J. Schütz – URL: <http://mt-archive.info/Aslib—1999-Schutz.pdf> (дата обращения: 23.03.2023).
363. Snell-Hornby M. The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints? / M. Snell-Hornby/ – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. – 205 p.
364. Thelen M. Translation Quality Assessment or Quality Management & Quality Control of Translation? / M. Thelen // Translation and Meaning. – 2008. Part 8. – pp. 411-424.
365. Toudic D. Du contexte didactique aux pratiques professionnelles: proposition d'une grille multicritères pour l'évaluation de la qualité en traduction spécialisée / D. Toudic, R. H. Morin, F. Moreau, F. Barbin, G. Phuez // ILCEA. – 2014. – № 19. – URL: <http://journals.openedition.org/ilcea/2517> (дата обращения 15.12.2017).

366. Vela-Valido J. Translation Quality Management in the AI Age: New Technologies to Perform Translation Quality Management Operations / J. Vela-Valido // *Revista Tradumàtica. Tecnologies de la Traducció*. – 2021. – No 19. – pp. 93-111. <https://doi.org/10.5565/rev/tradumatica.285>
367. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* / L. Venuti. – Routledge, 1995. – 355 p.
368. Venuti L. *Strategies of Translation* / L. Venuti // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Ed. By Mona Baker. – London & New York, 2005. – 654 p.
369. Vermeer H. *Scopos and Commission in Translation Action* / H. Vermeer // *The Translation Studies Reader* / Ed. by Lawrence Venuti. – Routledge: London and New York, 2000. – pp. 221-232.
370. Waard J. *From One Language to Another (Functional Equivalence in Bible Translating)* / J. Waard, E. Nida. – Nashville: Thomas Nelson Publishers, 1986. – 224 p.
371. Wang J., Chen Q. Review of Translation Quality Assessment Research: Current Studies and Development / J. Wang, Q. Chen // *Scholars International Journal of Linguistics and Literature*. – 2023. – Vol.6. – № 12. – PP. 474-477.
372. Wang J. Quantitative Assessment of Translation Quality in Education, Certification, and Industry: An Overview / J. Wang, Q. Gu // *Open Journal of Modern Linguistics*. – 2024. – № 14. – 209-223. <https://doi.org/10.4236/ojml.2024.142012> (дата обращения 14. 03. 2025).
373. Williams M. *Translation Quality Assessment: an argumentation centred approach* / M. Williams. – Ottawa: University of Ottawa Press, 2004. – 188 p.
374. Williams M. *Translation Quality Assessment* / M. Williams // *Mutatis Mutandis*. – Vol 2. – № 1. – 2009. – pp. 3-23.
375. Wills W. *The Science of Translation. Problems and Methods* / W. Wills. – Gunter Narr Verlag Tübingen, 1982. – 292 p.
376. Yıldız M. A translation quality assessment tool proposed / M. Yıldız // *Amasya Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi (ASOBİD)*. – 2021. – S. 10. – s. 237-266.

377. Yu A., Ebbs D. Translation and Translation Verification / A. Yu., D. Ebbs – URL: https://timssandpirls.bc.edu/methods/pdf/tp_translation_verif.pdf (дата обращения 14. 03. 2025).

378. Zandian S., Ketabi S., Dastjerdi H. V. In Keeping with New Translation Quality Assessment (TQA) Trends: From Planning to Applying a Viable Rubric to Assess Quality of Literary Translation / S. Zandian, S. Ketabi, H. V. Dastjerdi // Iranian Journal of Applied Language Studies. – 2021. – Vol. 13. – No. 1. – PP. 193-216.

Список лексикографических источников

1. Апресян Ю. Д. Новый большой англо-русский словарь / Ю. Д. Апресян. – М.: Русский язык, 1999. Т. 1–3. – 2483 с.
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – URL: <https://474.slovaronline.com/45214-> (дата обращения 01.11.2024).
3. Душков Б. А. Королёв А. В., Смирнов Б. А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Б. А. Душков, А. В. Королёв, Б. А. Смирнов [Электронный ресурс]. – URL: <https://vocabulary.ru/termin/sredstva-dejatelnosti.html> (дата обращения 02.12.2024).
4. Кожевников В. М. Литературный энциклопедический словарь / В. М. Кожевников, П. А. Николаев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 750 с.
5. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2002. – 795 с.
6. Мюллер М. С. Новый большой русско-английский словарь / М. С. Мюллер. – М.: Лингвистика, 1997. – Т. 1-3. – 3208 с.
7. Мультитран онлайн словарь – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения 03.04. 2025).
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.04. 2025).
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. / Л. Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

10. Новый словарь иностранных слов // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068> (дата обращения 12.05. 2025).
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.
12. Словарь русского языка в 4-х томах. Изд. 2-е, испр. и доп. Т.IV. – М.: Русский язык, 1998. – 792 с.
13. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.– 682 с.
14. Longman Dictionary of Contemporary English. 3rd edition. Pearson Education Limited, 2001. – 1668 p.
15. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
16. The Oxford Dictionary of the English Language. – Oxford University Press, 1996. – 828 p.

Список дополнительных источников

1. БП «АЛЬБА». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/qa-process.html> (дата обращения 03.02.2021).
2. БП «ЛИНГВАКОНТАКТ» [Электронный ресурс] // URL: <https://linguacontact.com/pismennyu-perevod/> (дата обращения 03.02.2021).
3. БП НОРМА-ТМ. [Электронный ресурс] // URL: http://www.norma-tm.ru/tehnicheskoe_zadanie_na_perevod.html (дата обращения 03.02.2021).
4. БП Филин [Электронный ресурс] // URL: <https://bp-philin.ru/corporate> (дата обращения 03.02.2021).
5. БП PRIMAVISTA [Электронный ресурс] // URL: https://www.primavista.ru/rus/price/kak_zakazat_perevod (дата обращения 03.02.2021).
6. БП SIMWELL [Электронный ресурс] // URL: <https://www.simwell.ru/translators/metodicheskie-rekomendatsii-po-perevodu/> (дата обращения 03.02.2021).

7. ГОСТ Р ИСО 9004-2010. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. – М.: Стандартиформ, 2011. – 41 с.
8. ГОСТ 7.36-2006 СИБИД. Неопубликованный перевод. Общие требования и правила оформления. – М.: Стандартиформ, 2006. – 8 с.
9. Письменный перевод. Рекомендации переводчику и заказчику. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.russian-translators.ru/projects/metodologicheskie-rekomendatsii/01/> (дата обращения: 07.11.2023).
10. Правила оказания переводческих и особых видов лингвистических услуг. Стандартиформ 2014 ПР50.1.027 2014 [Электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200111365> (дата обращения 03.02.2021).
11. Специалист в области перевода. Профессиональный стандарт 1438. [Электронный ресурс] // URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=79954#:~:text=%D0%B2%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0-,1438,-%D0%A0%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80 (дата обращения 03.05.2025).
12. ATA Certification: Explanation of Error Categories [Электронный ресурс] – URL: <https://www.atanet.org/certification/aboutexams> (дата обращения 23.10.2021).
13. ASTM F 2575-06 Standard Guide for Quality Assurance in Translation (2021, January 10). [Электронный ресурс] – URL: <https://www.astm.org/Standards/F2575.htm> (дата обращения 06.04.2021).
14. European quality standard EN-15038:2006 [Электронный ресурс] – URL: <http://qualitystandard.bs.en-15038.com/> (дата обращения 07.04.2021).

15. SAE Translation Quality Metric [Электронный ресурс] – URL: http://www.apex-translations.com/documents/sae_j2450.pdf (дата обращения 25.10.2021).

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)**

Университетская пл., 1, Воронеж, 394018. Тел. (473) 220-75-21. Факс (473) 220-87-55. E-mail: office@main.vsu.ru
<http://www.vsu.ru>

ОКПО 02068120, ОГРН 1023601560510, ИНН/КПП 3666029505/366601001

19.06.2025

№ 117

На № _____

от _____.20__

Справка

об использовании результатов исследования

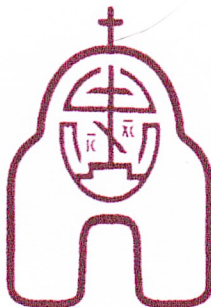
Настоящим подтверждаю, что результаты исследований Е.А.Княжевой, представленные в научных статьях и монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика» М., ФЛИНТА, 2018 и 2023 в части методик оценки качества перевода, способов описания процессов и результатов оценочной деятельности в учебной и профессиональной сферах перевода, использованы в учебном процессе Воронежского государственного университета при разработке и реализации следующих дисциплин при подготовке переводчиков на кафедре перевода и профессиональной коммуникации: «Теория перевода», «Теория дискурса и текста», «Практический курс письменного перевода», спецкурс «Оценка качества перевода», а также при подготовке выпускных квалификационных работ студентов, обучающихся по специальности 45.05.01 «Перевод и переводоведение», специализация «Лингвистическое обеспечение межгосударственных отношений».

Декан факультета романо-германской филологии
Воронежского государственного университета

О. О. Борискина

ПРАВОСЛАВНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «КИТАЙСКОЕ
ПОДВОРЬЕ ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
ПРИ ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ
МИРЛИКИЙСКОГО В ГОЛУТВИНЕ
г. МОСКВЫ»

东正教宗教组织
«莫斯科及全俄宗主教之中华会馆
驻莫斯科各鲁特维诺
圣尼古拉教堂»

119180, Москва, 1-ый Голутвинский пер., д. 14

Веб-сайт: www.orthodoxchina.ru

Тел. +79857165360

俄罗斯, 119180, 莫斯科 第一各鲁特维诺小街14

网站地址: www.orthodoxchina.ru

电话 +79857165360

№ 09 / 03

«23» мая 2024 г.

Справка об использовании результатов научных исследований

Настоящим подтверждаю, что результаты исследований Е.А. Княжевой, представленные в научных статьях и монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика». М., изд. ФЛИНТА, 2018, в части методик оценки качества перевода обладают актуальностью и представляют большой практический интерес.

Предлагаемый автором подход к оценке качества перевода в русле методологии системного анализа и рекомендации по применению метода анализа иерархий использованы переводческой группой Китайского подворья Патриарха Московского и всея Руси в процессе реализации проекта по переводу текста Нового Завета на китайский язык.

Настоятель Китайского подворья
Патриарха Московского и всея Руси

М. Зуев

Протоиерей Игорь Зуев

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

**(ТГУ, НИ ТГУ)
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

ул. Герцена, 2, г. Томск, 634050

Тел. (3822) 78-53-31

E-mail: flf@mail.tsu.ru

<http://flf.tsu.ru>

06.06.2025 № 5/к
На _____ от _____

СПРАВКА

об использовании результатов научных исследований

Настоящим подтверждаю, что результаты исследований Е.А. Княжевой, представленные в ее научных статьях и авторской монографии «Оценка качества перевода: история, теория, практика» М., ФЛИНТА, изданной в 2018 г и 2023 г., в части методик оценки качества перевода, способов описания процессов и результатов оценочной деятельности в учебной и профессиональной сферах перевода использованы в учебном процессе Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск) при разработке основной образовательной программы специализированного высшего образования «Экспертная оценка качества перевода» (направление подготовки 45.04.02 «Лингвистика») и при подготовке учебного курса «Оценка качества перевода» рамках указанной ООП.

Декан

О.В. Нагель